A 7 9/60 a
T. VII

НАШИ ДѢЯТЕЛИ.

Галлерея замѣчательныхъ людей Россіи

въ

ПОРТРЕТАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

Русские современные деятели

ТОМЪ VII.

Изданіе А. О. Баумана.

Исаакіевская площадь. 6.

Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Въ роскошн. перепл. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева, Невск. просп., д. № 8.

1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 декабря 1880 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Василій Борисовичъ Бажановъ 1

II. Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. 17

III. Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде . 37

IV. Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ-Италійскій 44

V. Иванъ Андреевичъ Крыловъ 51

VI. Академикъ Антонъ Антоновичъ Шифнеръ . 61

VII. Василій Андреевичъ Жуковскій 66

VIII. Пафнутій Львовичъ Чебышевъ 82

IX. Александръ Абрамовичъ Воскресенскій . 91

X. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ . . . 97

XI. Алексѣй Федоровичъ Львовъ 104

XII. Валерій Ивановичъ Якоби 117

Протопресвитеръ В. Бажановъ.

I.

Василій Борисовичъ

Бажановъ.

протопресвитеръ и духовникъ Его Императорскаго Величества.

Настоящій годъ въ исторіи и жизни русскаго народа ознаменовался однимъ изъ самыхъ торжественнѣйшихъ историческихъ празднествъ—празднествомъ юбилея двадцатипятилѣтняго славнаго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II. И вся Россія откликнулась на это національное торжество, всѣ, отъ знатнаго сановника до самаго скромнаго русскаго гражданина, отъ мала до велика. Всѣ газеты были наполнены корреспонденціями и сообщеніями о томъ, какъ русскій народъ, какъ вѣрноподданные самыхъ дальнихъ окраинъ обширной русской земли и самыхъ различныхъ національностей изобрѣтали всѣ способы, чтобы увѣковѣчить славную дѣятельность обожаемаго Монарха, и приносили самыя искреннія, самыя горячія мольбы Царю Небесному за Царя земнаго, Царя — воскресителя своего народа, Царя — освободителя родныхъ славянскихъ національностей, Царя — миротворца Европы. При этомъ не были забыты и самые лучшіе сподвижники Государя Императора въ лицѣ Его августѣйшихъ дѣтей и братьевъ и другихъ государственныхъ дѣятелей, которые несли всѣ трудности замѣны однихъ укоренившихся

порядковъ другими новыми. Намъ особенно пріятно напомнить читателю этотъ свѣтлый моментъ русской жизни настоящаго года, въ который сказалась такъ ясно и энергично живучесть русскаго народа въ его готовности отзываться на призывъ благороднѣйшихъ руководителей къ жизни плодотворной, въ умѣніи угадывать и замѣчать смыслъ и направленіе всѣхъ распоряженій, клонящихся къ утвержденію правъ личности и къ одухотворенію общественной организаціи. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ украсить первый томъ этого нашего изданія за текущій годъ портретомъ дѣятеля, который не только былъ свидѣтелемъ усвоенія реформы русскому народу, не только самъ принималъ участіе въ ней своимъ сочувствіемъ ко всему благому для роднаго отечества, но и былъ насадителемъ или, по крайней мѣрѣ, вкоренителемъ тѣхъ сѣмянъ правды и добра, которыя заключаются въ ученіи евангельскомъ и которыя являются самымъ характернымъ элементомъ всѣхъ начинаній настоящаго царствованія. Вотъ почему мы рѣшаемся остановить вниманіе читателя на бывшемъ законоучителѣ и теперешнемъ духовникѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, протопресвитерѣ Василіѣ Борисовичѣ Бажановѣ.

Если прослѣдить русскую исторію отъ начала до конца, то съ первыхъ временъ утвержденія въ Россіи христіанства мы увидимъ вліяніе духовенства на ходъ русскаго историческаго развитія. Иначе и не могло быть; даже въ жизни западныхъ народовъ въ первые вѣка христіанства и долго послѣ роль духовенства была первенствующая, хотя тамъ на развитіе исторіи имѣли вліяніе и другіе элементы, напримѣръ, греко-римская философія и греко-римская литература. Что касается Россіи, то замкнутая въ самой себя до Петра Великаго, она жила почти исключительно религіозною жизнію. Какъ на западѣ первоначально наука вся была въ рукахъ духовенства, такъ точно и русскія духовныя особы были самымъ просвѣщеннымъ и образованнымъ классомъ. и съ ними всегда совѣтовались о политическихъ, государственныхъ и часто семейныхъ дѣлахъ русскіе цари, бояре

и дворянство вообще. Въ послѣднее время контингентъ государственныхъ дѣятелей изъ духовныхъ сталъ быстро сокращаться въ числѣ; но зато духовенство дало цѣлый рядъ представителей науки въ лицѣ ученыхъ, профессоровъ, докторовъ, которыхъ имена сдѣлались извѣстными въ Европѣ и которыхъ дѣятельность, какъ основателей въ Россіи чисто національной науки, будетъ всегда памятна въ исторіи развитіи нашего отечества. Къ числу немногочисленныхъ дѣятелей, которые стоятъ очень близко къ источнику русскаго государственнаго управленія, будучи духовными, относится и почтенный духовникъ Его Императорскаго Величества протопресвитеръ о. Бажановъ. Онъ сынъ сельскаго діакона и родился въ мартѣ 1800 года въ селѣ Сироткинѣ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи (Алексинскій уѣздъ тогда назывался «Алексинской округой»), гдѣ, въ домѣ своего отца, и провелъ первые годы дѣтства до поступленія въ семинарію. Всякій знаетъ, насколько незавидно и теперь положеніе сельскаго священника, не только что діакона, но восемьдесятъ лѣтъ назадъ оно было гораздо хуже. Всякій знаетъ, что за жизнь долженъ былъ пережить дома каждый мальчикъ изъ духовенства, пока онъ поступитъ въ бурсу, пріобрѣвшую такую печальную извѣстность въ нашемъ обществѣ и въ исторіи нашихъ духовныхъ училищъ, видя ежедневную нетрезвость и придирчивость причетника-отца, кажется, олицетворившаго во всей полнотѣ бурсацкія понятія и ничего болѣе оттуда, изъ этой alma mater, не вынесшаго. Отецъ Василія Борисовича, хотя представлятъ въ нѣкоторомъ отношеніи счастливое исключеніе, хотя былъ человѣкъ добрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и беззаботный, которому, съ приходомъ сына въ возрастъ, и въ голову не приходило подумать о его дальнѣйшей судьбѣ. Но на счастье мальчика ангелъ-хранитель его будущности находился недалеко — въ лицѣ его доброй, прекрасной матери. Неимѣвшая по обычаю стараго времени никакого образованія, не знавшая ни читать, ни писать, мать Василія Борисовича по преданію знала и чувствовала, что первая обязанность родителей по отношенію къ мальчику-сыну изъ

духовныхъ—опредѣлить его въ училище и тѣмъ поставить его на тотъ путь, по которому онъ можетъ идти такъ далеко, сколько позволяютъ умственныя и нравственныя силы,—путь постепенныхъ градацій въ области церковной іерархіи. Располагая скромнымъ сельскимъ хозяйствомъ, проникая своимъ практическимъ и годами изощреннымъ, можно сказать, слишкомъ дорого обошедшимся опытомъ въ сердце беззаботнаго мужа, эта умная женщина рѣшилась сама позаботиться о сынѣ и умѣла уэкономить въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ столько денегъ, сколько было достаточно для годоваго обученія въ училищѣ ея сына. Иначе, по многимъ аналогіямъ можно сказать, Василію Борисовичу пришлось бы видѣть иныя картины, жить иною жизнію, нисколько не отличающеюся отъ жизни простаго сельскаго пахаря... Но, благодаря матери, Василій Борисовичъ былъ опредѣленъ въ училище и вполнѣ надѣялся, что мать и на будущее время не забудетъ его. 11-го числа января 1810 года въ пріемныхъ спискахъ семинарскихъ воспитанниковъ въ первый разъ Василій Борисовичъ былъ записанъ въ «письменный» классъ, гдѣ былъ учителемъ Алексѣевскій. Но вслѣдъ за поступленіемъ въ училище или семинарію десятилѣтняго мальчика посѣтило тяжелое горе: его любимая мать умерла и оставила его сиротою на рукахъ отца. Оплакавъ смерть матери, Василій Борисовичъ, зная, что теперь некому о немъ позаботиться, далъ себѣ слово со всѣмъ усердіемъ отдаться наукамъ и по истеченіи года заслужилъ уже опредѣленія на казенное содержаніе. Богатыя способности и примѣрная ревность, вошедшія въ теченіи перваго года въ привычку, доставляютъ ему рекомендацію отъ учителя «низшаго грамматическаго» класса Василія Моногарова: «успѣваетъ похвально». Въ 1812 году въ «высшемъ грамматическомъ» классѣ, подъ руководствомъ учителя Александра Филипповича Баженова, впослѣдствіи преосвященнаго Евгенія, экзарха Грузіи, Бажановъ, съ «изрядным успѣхомъ» усвоивши сантаксисъ латинскаго языка, былъ совершенно готовъ къ тому, чтобы начать знакомство съ латинскимъ стихосложеніемъ. Мало того—двѣнадцатилѣтній мальчикъ,

всего второй годъ обучающійся латинскому языку, занимался даже переводомъ и перифразомъ латинскихъ стиховъ, что въ наше время и для самаго «зрѣлаго» классика-гимназиста сопряжено часто съ большими затрудненіями. Такимъ образомъ, обнаруживая «превосходныя способности» и оказывая «препохвальные успѣхи», Василій Борисовичъ занялъ первое мѣсто въ ученическихъ спискахъ до самаго старшаго, богословскаго класса. Не будемъ однако себя обманывать относительно внутренней состоятельности духовныхъ семинарій тогдашняго времени; образованіе, которое въ нихъ давалось, было крайне неудовлетворительно и еще часто возбуждало вопросы о несовершенствѣ духовныхъ училищъ и необходимости ихъ преобразовать. И, въ самомъ дѣлѣ, что оно могло дать даровитому человѣку? Какой запасъ свѣдѣній выносилъ онъ изъ семинаріи? Въ какомъ направленіи шло его развитіе, съ какимъ направленіемъ онъ вступалъ въ жизнь и чувствовалъ ли въ себѣ призваніе хотя къ какой нибудь полезной дѣятельности? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать самымъ безпощаднымъ отрицаніемъ, что дѣлали и люди, гораздо менѣе насъ отдаленные отъ изображаемой нами эпохи. Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ выходитъ, что въ первой четверти настоящаго столѣтія наши духовно-учебныя заведенія находились въ самомъ жалкомъ видѣ: ни учебно–воспитательная часть, ни экономическія условія не могли удовлетворять самыхъ невзыскательныхъ требованій, потому что не имѣли полнаго, точно опредѣленнаго и ясно выраженнаго устава, не были поставлены въ связь съ духовными академіями и не давали никакого систематическаго образованія. Введенное въ программу изученіе латинской словесности принесло въ нѣкоторомъ отношеніи семинаріямъ пользу, но съ другой стороны исключительное упражненіе въ ней было причиною того, что изученіе греческой и славянской литературъ, столь необходимыхъ для нашей церкви, стало мало-по-малу ослабѣвать. Правда, въ полный курсъ семинаріи входило множество предметовъ, но часто эти предметы были нестоющими изученія, сухими, схоластичными, мертвящими, и

притомъ, ограниченность нхъ «въ качественномъ и количественномъ отношеніи» не давала почти никакой пищи для ума и другихъ душевныхъ способностей. Тѣмъ не менѣе и этими предметами можно было заниматься отлично, и Василій Борисовичъ въ числѣ двухъ наилучшихъ учениковъ былъ назначенъ въ с.-петербургскую духовную академію. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что товарищемъ Василія Борасовича по семинаріи былъ нынѣшній высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, который, хотя случайно двумя годами позже Бажанова выступилъ на служебное поприще, однако повышался въ степеняхъ параллельно съ нимъ и всю жизнь не переставалъ быть его искреннимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ близкимъ непосредственнымъ другомъ-товарищемъ. Что касается Бажанова, то онъ чуть не сдѣлался жертвою неправильнаго, рутиннаго взгляда одного изъ учителей, который, отдавая полную справедливость успѣхамъ и нравственнымъ достоинствамъ Василія Борисовича, очень энергично противился назначенію его въ с.-петербургскую духовную академію, выставляя благовиднымъ предлогомъ молодость Василія Борисовича, которому однако было уже девятнадцать лѣтъ, и предлагая вмѣсто него другаго, двадцатичетырехлѣтняго претендента. Но голосъ этотъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, а справедливость восторжествовала: мѣстный архіерей и правленіе семинаріи физической зрѣлости соперника предпочли умственную зрѣлость Василія Борисовича, и онъ въ 1819 году поступилъ въ высшее святилище богословскихъ наукъ. Духовныя академіи были поставлены гораздо лучше, чѣмъ низшія духовныя заведенія. Вотъ одинъ изъ отзывовъ обучавшагося въ академіи того времени протоіерея Виноградова: «Учатъ здѣсь хорошо, основательно. Родила и она много людей, отечеству и церкви полезныхъ. Но способъ преподаванія вее еще старый, исключая obiectiones et defensiones, которыя не только во времена М. В. Ломоносова, но и въ 1807 году наполняли даже публичныя испытанія и заставляли публику сидѣть и глядѣть на ученую брань. Схоластицизмъ (однако) не вывелся. Богъ знаетъ, не умѣютъ

или не хотятъ монахи своихъ познаній передать? Кажется, они не нѣмцы; тѣмъ только сродно таить отъ учениковъ своихъ многое, дабы не остаться имъ впослѣдствіи безъ куска и пріюта. Слава Богу! съ тѣхъ поръ какъ ввелось новое образованіе по части духовенства, по крайней мѣрѣ, примѣтно прекращается варварство въ наказаніи учащихся. Правда, безъ ужаса и омерзѣнія нельзя вспомнить, какъ жестоко наказывали учениковъ за erгог въ склоненіи». Особенно оживилась наука богословская во время профессорства въ с.-петербургской академіи о. Павскаго, который внесъ въ изложеніе своего предмета новые взгляды и который былъ предшественникомъ Бажанова на всемъ послѣдующемъ поприщѣ служенія церкви и отечеству. Въ 1823 году Василій Борисовичъ кончилъ курсъ науки духовной академіи со степенью магистра и оставленъ въ ней баккалавромъ нѣмецкаго языка. Вмѣстѣ съ Павскимъ въ это время Василій Борисовичъ Бажановъ несъ труды по изданію журнала «Христіанское Чтеніе», совсѣмъ приходившаго въ упадокъ, Въ 1826 году онъ былъ рукоположенъ во священники 2-го кадетскаго корпуса и опредѣленъ законоучителенъ въ корпусѣ и дворянскомъ полку. Въ 1829 году, оставивъ занятія, какъ баккалавръ духовной академіи, онъ съ 1827 по 1836 годъ состоялъ законоучителемъ въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ высшемъ училищѣ, преобразованномъ впослѣдствіи во 2-ю гимназію. Въ 1830 году о. Бажановъ былъ награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею; въ 1832 году за усердную службу въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ 1829 года ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень въ тысячу рублей. 18-го февраля 1834 года о. Бажановъ былъ награжденъ бархатною фіолетовою камилавкою, 16-го апрѣля 1835 года саномъ протоіерея; 10-го января 1836 года ему былъ объявлено Монаршее благоволеніе за пожертвованіе въ пользу министерства народнаго просвѣщенія перваго изданія «Нравоучительныхъ повѣстей», составленныхъ имъ по порученію министерства. За отлично-усердную службу и особен-

ные труды въ приготовленіи выпущенныхъ въ первый разъ изъ главнаго педагогическаго института студентовъ, онъ сопричисленъ къ ордену св. Анны третьей степени. Живое, ясное и одушевленное изложеніе евангельскихъ истинъ, отличительное свойство лекцій Василія Борисовича, производило самое благопріятное и благотворное дѣйствіе на умы и сердца слушателей. Заслуга его университету съ примыкавшими къ нему учрежденіями тѣмъ болѣе, что онъ призванъ былъ на каѳедру богословія въ такое время, когда университетъ, переживший тяжкую годину испытанія, нуждался въ поддержаніи науки на подобающей высотѣ, что съ такимъ успѣхомъ и было выполнено Василіемъ Борисовичемъ относительно богословія. Но особенную извѣстность сдѣлалъ себѣ Бажановъ въ ученомъ мірѣ прекраснымъ курсомъ нравственнаго богословія, озаглавленнымъ: «Объ обязанностяхъ христіанина»; эта книга долго служила руководствомъ при преподаваніи нравственнаго богословія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пособіемъ въ среднихъ. Сочиненіе обратило на себя вниманіе Двора и много повліяло на дальнѣйшую судьбу Василія Борисовича. Впрочемъ, этому способствовали и нѣкоторыя другія обстоятельства.

Въ ученомъ духовномъ мірѣ были въ тридцатыхъ годахъ двѣ знаменитости: Митрополитъ Филаретъ, пріобрѣвшій такое авторитетное значеніе въ духовной наукѣ каждому извѣстнымъ пространнымъ, православнымъ катихизисомъ, и о. Павскій, законоучитель Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора, который своими лекціями въ высшихъ учебнымъ заведеніяхъ произвелъ уже совершенный переворотъ въ богословскихъ понятіяхъ, а программой Закона Божія, принятой въ руководство въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, въ высшемъ училищѣ и инструкціей законоучителю кантонистовъ совершенно овладѣлъ свѣтской сферою преподаванія Закона Божія. Между этими двумя авторитетами возникъ довольно горячій споръ, можетъ быть не совсѣмъ умѣстный по пред-

мету и по сферѣ своего развитія; нужно замѣтить при этомъ, что знаменитый архастырь въ своей полемикѣ съ Павскимъ имѣетъ чуть ли не единственное темное пятно, которое ложится укоромъ на всю его свѣтлую и полезную дѣятельность. Онъ оправдывался возложенной на него саномъ обязанностью строго слѣдить за чистотою православнаго ученія, но все же она, эта обязанность, не давала ему права называть православнаго душой и сердцемъ человѣка чуть не еретикомъ за одно стремленіе примѣняться къ возрасту питомцевъ. Во всякомъ случаѣ высокопреосвященный Филаретъ написалъ подробную критику на всю педагогическую и въ частности законоучительскую дѣятельность Павскаго, обвиняя его въ пристрастіи къ западнымъ неправославнымъ воззрѣніямъ. Этимъ воспользовались враги Павскаго, которыхъ у него было много и среди монашества, и въ самомъ дворцѣ, и не доставало только преемника, чтобы удалить отъ должности законоучителя Наслѣдника престола, человѣка, глубоко вѣрующаго, ученаго и всесторонне образованнаго, обладавшаго свѣтлымъ умомъ, мягкимъ, умиротворяющимъ характеромъ, строгимъ и серьезнымъ пониманіемъ жизни и обязанностей всякаго общественнаго служенія—человѣка, самою личностію своею въ высшей степени добродѣтельнаго и чистаго, способнаго благотворно вліять на нравственное настроеніе своихъ воспитанниковъ—черта драгоцѣнная въ педагогѣ. Но преемникъ скоро нашелся, и притомъ преемникъ достойный—въ лицѣ Василія Борисовича Бажанова, которому Герасимъ Петровичъ Павскій смѣло могъ передать на руки своего Августѣйшаго ученика, котораго рекомендовалъ самъ и который былъ цѣнителемъ и даже носителемъ его богословскихъ взглядовъ. Государь Николай Павловичъ цѣнилъ Павскаго, но онъ не могъ оставаться глухимъ къ голосу такого авторитета, какъ Филаретъ, въ вопросѣ чисто духовнаго свойства и пригласилъ къ его высочеству Наслѣднику Цесаревичу законоучителя. Назначеніе Василія Борисовича на должность законоучителя Наслѣдника Цесаревича состоялось, какъ разсказываютъ слѣдующимъ образомъ. Госу-

дарь Императоръ присутствовалъ въ одномъ учебномъ заведеніи при испытаніи учениковъ по закону Божію, который преподавалъ Бажановъ. По окончаніи испытанія Государь Николай Павловичъ повелѣлъ призвать Бажанова и объявилъ, что съ завтрашняго дня онъ будетъ законоучителемъ Наслѣдника. Василій Борисовичъ пріѣхалъ домой и съ восторгомъ разсказывалъ своей женѣ о своемъ назначеніи. Добрая женщина не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ, была въ высшей степени возбуждена и не знала, радоваться или нѣтъ высокому назначенію супруга, потому что одно неосторожное слово въ новомъ положеніи значило, по ея словамъ, очень много: отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Василій Борисовичъ успокоилъ ее своей надеждой на Бога и приглашеніемъ Ему молиться. На другой день пріѣхала придворная карета и онъ, сопровождаемый боязливыми взорами супруги, отправился къ исполненію своей высокой обязанности, которой былъ достоинъ. В. А. Жуковскій, бывшій въ это время главнымъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича, писалъ отставленному Павскому: «(другимъ) утѣшеніемъ для васъ будетъ то, что вашъ преемникъ вполнѣ заслуживаетъ довѣренности, оказанной ему Государемъ Императоромъ, и что начатое вами святое дѣло довершено будетъ, при благословеніи Божіемъ, съ несомнѣннымъ успѣхомъ». Такимъ образомъ съ 1835 года и по настоящее время Василій Борисовичъ находится въ непосредственной близости къ престолу. Не будемъ входить въ оцѣнку того вліянія, которое имѣлъ Бажановъ на Государя Императора въ бытность свою Его законоучителемъ, но скажемъ то же, что говоритъ одинъ изъ біографовъ о Павскомъ: «будущій историкъ настоящаго славнаго царствованія, столь обильнаго дѣлами правды, добра и державной мудрости въ духѣ евангельскаго ученія, безъ всякаго сомнѣнія, посвятилъ не одну страницу благодарныхъ воспоминаній о законоучителѣ Августѣйшаго Виновника славныхъ реформъ послѣдняго двадцатипятилѣтія».

Остановимся нѣсколько на непосредственномъ участіи Василія Борисовича Бажанова въ возвышеніи русской науки

и русской церкви. Въ 1836 году онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской россійской академіи наукъ. Труды Василія Борисовича всѣ сплошь проникнуты постояннымъ стремленіемъ къ просвѣщенію. Кромѣ указанныхъ выше, назовемъ еще «О религіи», «О вѣрѣ и жизни христіанской», за которые духовная академія удостоила его степенью доктора богословія въ 1837 году. Въ 1840 году онъ былъ назначенъ законоучителемъ высоконарѣченной нѣвѣсты Наслѣдника Цесаревича принцессы Маріи Гессенъ-Дармштадтской, будучи въ тоже время духовникомъ всѣхъ августѣйшихъ дѣтей. Награды быстро слѣдовали за назначеніями, и въ 1840 году Василій Борисовичъ имѣлъ уже орденъ св. Анны второй степени, наперстный крестъ съ драгоцѣнными камнями, орденъ св. Анны второй степени съ императорскою короною. Все это время онъ продолжалъ лекціи по Богословію въ главномъ педагогическомъ институтѣ и 25-го мая 1843 года былъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра третьей степени. 6-го сентября 1845 года онъ однако былъ уволенъ по прошенію отъ должности законоучителя при институтѣ, а чрезъ два года назначенъ законоучителемъ высоконареченной невѣсты Константина Николаевича, принцессы Александры Саксенъ-Альтенбургской. Въ августѣ 1848 года ему ввѣрено управленіе придворнымъ духовенствомъ, а въ декабрѣ того же года Всемилостивѣйше пожалованъ онъ духовникомъ Ихъ Величествъ и протопресвитеромъ придворныхъ соборовъ Зимняго дворца и московскаго Благовѣщенскаго, а въ слѣдующемъ году — членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода и главнымъ священникомъ гвардіи и гренадеръ. Въ теченіи всего управленія духовенствомъ онъ обнаруживалъ отеческую заботливость къ подчиненнымъ, которые у него встрѣчали всегда ласковый пріемъ и доброе участіе, не чувствуя ни малѣйшей робости въ сношеніяхъ съ начальникомъ, которая составляетъ печальное вѣковое наслѣдіе въ духовномъ званіи. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не видѣть неуклонной твердости въ управленіи духовенствомъ, которая является отличительной чертой дѣятельности Василія Борисовича Ба-

жанова и при помощи которой устранялась всякая возможность къ нарушенію отлично нравственнаго настроенія священниковъ въ войскахъ гвардіи и гренадеръ. Да и все русское духовенство всегда смотрѣло и смотритъ на протопресвитера Бажанова, какъ на естественнаго защитника его интересовъ предъ престоломъ. Одному изъ священниковъ, лишившемуся мѣста при заграничномъ посольствѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію для образованія своихъ дѣтей, и первое время не имѣлъ опредѣленнаго положенія, болѣе пятидесяти голосовъ совѣтовали обратиться къ представительству протопресвитера, но по скромности священникъ не рѣшался этого сдѣлать. Это уже показываетъ, какимъ довѣріемъ пользуется почтенный протопресвитеръ въ эпархіальномъ духовенствѣ. Но мы знаемъ положительный фактъ, гдѣ хадатайство Василія Борисовича спасло отъ нравственнаго униженія одного сельскаго священника, который уже сдѣлался-было жертвою крѣпостнаго безправія. Поселяне всегда смотрятъ на священника, какъ на своего отца и защитника, и потому прихожане отца И..., возмущенные гнусными злоупотребленіями своего помѣщика, обратились къ своему духовнику съ просьбою защитить ихъ. Священникъ отправился съ предстательствомъ за прихожанъ къ архіерею, но получилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ благоразумное внушеніе. Это его однако нисколько не смутило; онъ обратился къ исправнику и потомъ опять къ архіерею, но свѣтская власть приняла всѣ мѣры, чтобы заградить уста неспокойному батюшкѣ и довела свое усердіе до того, что отецъ И... очутился въ тюрьмѣ. Онъ не только не достигъ цѣли своего заступничества за крестьянъ, но даже потерялъ для себя лично все, мѣсто и свободу, и только мольба къ почтеннѣйшему отцу протопресвитеру спасла его, и въ настоящее время онъ благополучно священнодѣйствуетъ въ одномъ селѣ Новгородской губерніи, благословляя своего защитника. Государь Императоръ не могъ не видѣть усердія Василія Борисовича во всѣхъ отношеніяхъ и 22-го апрѣля 1850 года наградилъ его орденомъ св. Анны первой степени, вполнѣ довѣряя ему религіозное воспитаніе (въ 1850

году) государя великаго князя Николая Александровича, въ 1852 году—великаго князя Александра Александровича и въ 1854 году—государя великаго князя Владиміра Александровича. Еще 5-го декабря въ 1848 году Бажановъ получилъ митру и имѣетъ ее въ числѣ немногихъ лицъ изъ бѣлаго духовенства. Въ 1853 году Василій Борисовичъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра втораго класса большаго креста; въ 1857 году избранъ почетнымъ членомъ конференціи с.-петербургской и казанской духовныхъ академій, а въ 1856 году — почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ и императорскаго с.-петербургскаго университета. Въ томъ же 1856 г. онъ присутствовалъ на коронаціи бывшаго своего августѣйшаго ученика и получилъ въ этотъ знаменательный день орденъ св. Александра Невскаго, а по возвращеніи съ Государемъ Императоромъ въ С.-Петербургъ имѣлъ счастіе обратить Государя на Его бывшаго законоучителя, Герасима Петровича Павскаго, котораго всегда горячо любилъ и уважалъ, чрезъ что о. Павскій удостоился Высочайшей аудіенціи и драгоцѣннаго бриллiантоваго креста изъ кабинета Его Величества. Въ 1857 году Василій Борисовичъ учредилъ первую по времени богадѣльню въ духовномъ вѣдомствѣ, отчасти на своемъ иждивеніи, гдѣ духовныя вдовы и сироты находятъ удобный и обезпеченный пріютъ. Въ 1859 году о. протопресвитеръ Бажановъ пожалованъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго.

Въ послѣдующее время Василій Борисовичъ Бажановъ, сложивъ съ себя званіе законоучителя и исполняя обязанности свои, какъ духовника Императорскихъ Величествъ и члена Святѣйшаго Сунода, принималъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ на русскій языкъ библіи съ еврейскаго, которое составляетъ весьма важный фактъ въ исторіи народнаго развитія. Въ этихъ трудахъ засталъ его пятидесятилѣтній юбилей—въ день перваго августа 1873 года, день въ высшей степени счастливый для Василія Борисовича. Въ Царскомъ селѣ, въ присутствіи Государя Императора, юбиляръ совершалъ божественную литургію и передъ нею

благодарственный Господу молебенъ. Одинъ изъ очевидцевъ этого торжества такъ описываетъ душевное состояніе Василія Борисовича Бажанова въ этотъ знаменательный день: «Горяча, искренна была благодарная молитва отца протопресвитера! Въ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ жизни, въ пятьдесятъ лѣтъ службы, — службы, правда, высоко-почетной, но въ высшей степени трудной и отвѣтственной, Господь хранилъ и сохранилъ досточтимаго Василія Борисовича здравымъ, твердымъ, энергичнымъ и достойно занимающимъ высокій постъ, указанный Царемъ Небеснымъ и Царемъ земнымъ: чувствовалъ, живо чувствовалъ это въ сіи святыя минуты маститый старецъ и слезно, отъ всей полноты души своей, благодарилъ милосердаго Бога. Нельзя было безъ сердечнаго умиленія и слезъ слышать особенную молитву, которую колѣно-преклоненный юбиляръ читалъ въ концѣ этого молебна». Послѣ молебна одинъ изъ сослужителей сказалъ юбиляру привѣтственную рѣчь, а послѣ литургіи самъ Государь Императоръ поздравилъ Василія Борисовича съ днемъ юбилея и съ самымъ почетнѣйшимъ знакомъ своего благоволенія—орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра первой степени, въ первый разъ, по словамъ рескрипта, возлагаемаго на протопресвитера. Въ это же самое время въ столицѣ все полковое духовенство собралось въ Преображенскомъ соборѣ и достойно отпраздновало юбилей своего начальника. Послѣ литургіи и молебствія священники написали адресъ Василію Борисовичу и просили согласія въ мѣстѣ родины Василія Борисовича стипендіи для бѣднаго воспитанника одного изъ духовно-учебныхъ заведеній. Самое «празднованіе» юбилея состоялось только на другой день въ скромномъ, собственномъ домѣ Бажанова на Сергіевской улицѣ. Поздравленія, привѣтствія и благожеланія неслись въ этотъ день изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ Россіи въ скромный домикъ юбиляра, неслись отъ всѣхъ, начиная съ царскаго престола, разныхъ ученыхъ обществъ, начальниковъ епархій и кончая простымъ сельскимъ пастыремъ. Въ этомъ же день сообщены были юбиляру адресы с.-петербургской духовной ака-

деміи, с.-петербургскаго университета, духовенства гвардейскаго корпуса, московскаго придворнаго духовенства, тульской духовной семинаріи и тульскаго епархіальнаго духовенства, въ которыхъ очерчена вся благотворная дѣятельность Василія Борисовича Бажанова на пользу отечества и которые доставили такое сладкое и пріятное напоминаніе Василію Борисовичу о долговременной жизни, представляющей рядъ блестящихъ событій. Въ Высочайшемъ рескриптѣ говорится: «Сегодня исполняется пятьдесятъ лѣтъ со времени возведенія вашего въ степень магистра богословія. Въ сію знаменательную для васъ годовщину Намъ отрядно обозрѣть многополезное поприще, пройденное вами», и далѣе: «Мы имѣли случай лично узнать и цѣнить высокія качества, которыми вы ознаменовываете всѣ должности, вами проходимыя». С.-петербургская духовная академія въ своемъ адресѣ ставитъ себѣ въ честь, что списокъ ея почетныхъ членовъ украшается именемъ юбиляра, и выражаетъ свою благодарную признательность за участіе, которое всегда оказывалъ юбиляръ къ членамъ ея ученаго сословія. Университетъ говоритъ, что имя юбиляра останется навсегда памятнымъ въ лѣтописи истинныхъ заслугъ на пользу университетскаго образованія. Духовенство гвардейскаго корпуса въ адресѣ выражаетъ свое счастіе, что находится двадцать пятый годъ подъ управленіемъ юбиляра, ознаменованнаго истинно отеческою попечительностію юбиляра, и подноситъ святую икону угодника Божія Василія. Московское духовенство въ своемъ адресѣ признаетъ свое безсиліе изобразить глубину и широту благотворной государственной дѣятельности почтеннаго протопресвитера. Тульская духовная семинарія считаетъ счастіемъ заявить съ своей стороны, что много прежде этого высокопочтимаго пятидесятилѣтія имя юбиляра было извѣстно въ тульской семинаріи, какъ имя отличнаго ея воспитанника. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ прослѣдило начальство семинаріи періодъ обученія юбиляра по семинарскимъ записямъ и нашла не лишнимъ, для полноты торжества, оживить въ памяти юбиляра и нѣчто изъ прекрасно проведеннаго имъ от-

рочества и первыхъ лѣтъ юности, посвященныхъ образованію и воспитанію. Тульское духовенство, родственное юбиляру, свидѣтельствуетъ передъ нимъ чувства удивленія къ неуклонному шествію его отъ совершенствъ къ совершенствамъ и поставленіемъ, наконецъ, рукой блаженной памяти Императора Николая I на высокую степень наставника въ законѣ Божіемъ для наслѣдника Его, благополучно царствующего нынѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора. «По благости Царя царей, говоритъ адресъ, при теплыхъ молитвахъ вашихъ, вмѣстѣ съ православною церковью, и при содѣйствіи отеческихъ вашихъ наставленій и примѣра въ христіанской жизни, на престолѣ всероссійскомъ сіяютъ нынѣ всему свѣту, благодареніе Господу Богу, кротость и благочестіе, распространяющія въ предѣлахъ обширнѣйшаго государства свободу и просвѣщеніе, утверждающія всюду судъ и правду съ милостію, служащія предметомъ удивленія и благословеній для многихъ милліоновъ».

Почтеннѣйшій обозрѣватель юбилейнаго торжества о. Желобовскій, утверждаетъ, что, кромѣ означенныхъ, было получено отцомъ протопресвитеромъ отъ Царствующаго Дома и отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ множество телеграммъ, писемъ и богатыхъ святыхъ иконъ. Достойный почитатель Василія Борисовича Бажанова, онъ замѣчаетъ, что праздникъ юбилея этого былъ праздникъ не сочиненный, не придуманный, не вынужденный и принадлежитъ къ такимъ торжествамъ, которыя оживляютъ душу, пробуждаютъ энергію и располагаютъ къ труду неутомимому и честному.

Въ настоящее время Василій Борисовичъ Бажановъ, продолжая состоять духовникомъ Его Императорскаго Величества, сохраняетъ полную бодрость и свѣжесть и наслаждается сознаніемъ своей долголѣтней, полезной службы отечеству. Отдавши долгъ своего уваженія дѣятельности отца Бажанова этимъ скромнымъ очеркомъ, мы заканчиваемъ пожеланіемъ достойному протопресвитеру еще многихъ лѣтъ плодотворной и драгоцѣнной жизни на пользу церкви и славу отечества.

II.

Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Прошли десятки лѣтъ съ того времени, когда русское общество впервые услыхало и узнало фамилію «Лорисъ-Меликовъ». Это было въ 1848 году. Въ то время еще кипѣла упорная борьба, казавшаяся безконечной, съ кавказскими горцами и туда, на этотъ «погибельный» Кавказъ, мечту юной военной молодежи, стремилось много жизней и силъ русскихъ или искать счастья и военной славы, или сложить свою голову, умереть героемъ. Бывало, конечно, то и другое, но тотъ, кто оставался цѣлъ, всегда, съ восторгомъ вспоминая свою жизнь, могъ смѣло сказать, что прошелъ прекрасную школу жизни, изъ которой человѣкъ съ сердцемъ и умомъ всегда могъ вынести хорошіе задатки. Въ дни кавказской борьбы, тамошняя жизнь не могла представляться, какъ теперь, пріятнымъ препровожденіемъ «сезона», а была преисполнена боевыми треволненіями и лишеніями; часто веселая, задушевная пирушка товарищей, тихая, счастливая жизнь семейнаго очага, прерывались роковыми выстрѣлами и веселье замѣняли слезы, кровь, стоны и вопли. Такая обстановка жизни вырабатывала въ человѣкѣ характеръ, закаляла его, но, въ то же время, не огрубѣвала чувства; она заставляла не только узнать, что такое горе и несчастіе, но и сочувствовать ему, научала опытности, будила умъ и сердце и вела къ сближенію, товариществу.

Родившись на Кавказѣ, въ 1825 году, Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ могъ узнать эту жизнь съ ранняго

дѣтскаго возраста, а потому она еще дѣйствительнѣй и сильнѣй могла вліять на него. Родители его, принадлежа къ грузинскимъ дворянамъ, армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія, по обыкновенію тогдашняго времени, конечно, предназначали сына своего къ военной карьерѣ и, озабочиваясь соотвѣтственнымъ такому назначенію образованіемъ, отдали его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. 1843 году курсъ школы былъ оконченъ и молодой, 18-ти-лѣтній, Лорисъ-Меликовъ былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій гусарскій полкъ. Какъ ни блестяща и заманчива, казалось, была бы для молодаго офицера служба въ гвардейскомъ полку, но родной край и семья, быть можетъ болѣе чѣмъ юныя мечты, манили его къ себѣ и вотъ, по прошествіи четырехъ лѣтъ, въ 1847 г., по полученіи чина поручика, Михаилъ Таріеловичъ переходитъ на Кавказъ, съ назначеніемъ состоять при главнокомандующемъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантѣ князѣ Воронцовѣ. Будучи знатокомъ военнаго дѣла и умѣя узнавать и цѣнить людей, князь Воронцовъ обратилъ вниманіе на новичка, но немного времени надо было для того, чтобы опытный взглядъ князя увидалъ дѣятельный и энергичный характеръ молодаго человѣка, замѣтилъ же его живой умъ и военныя способности. Этого было достаточно. Воронцовъ сталъ удерживать Михаила Таріеловича на Кавказѣ, а послѣдній не замедлилъ оправдать на дѣлѣ мнѣніе о немъ своего князя-начальника. Въ первый же годъ пріѣзда Лорисъ-Меликова на Кавказъ, началось горячее дѣло съ горцами въ Малой Чечнѣ, куда онъ и былъ отправленъ съ назначеніемъ состоять въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Фрейтага. Военныя дѣйствія затянулись; попавъ въ боевой огонь въ первый разъ въ жизни, Михаилъ Таріеловичъ не выходилъ изъ него въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, съ 18-го ноября 1847 по 18-е февраля 1848 г., участвуя въ дѣлахъ съ горцами почти ежедневно, и выказалъ не только неустрашимость, качество цѣнимое даже, какъ говорится, въ обстрѣленномъ воинѣ, но и отвагу, за что былъ награжденъ чиномъ штабъ-ротмистра и орденомъ Св. Анны

на саблю. Въ томъ-же 1848 г., находясь уже въ составѣ дагестанскаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, Лорисъ-Меликовъ отличался въ дѣлахъ съ 6 іюля по 28 августа, но особую славу доставило ему и сдѣлало его имя извѣстнымъ всей Россіи, дѣло 7 іюля, взятіе штурмомъ сильно укрѣпленнаго аула Гергебиля; за это дѣло онъ получилъ чинъ ротмистра и орденъ Анны 3-й степени съ бантомъ. Затѣмъ наступаетъ какъ бы затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, но оно продолжается не долго; въ 1849 г. дагестанскому отряду снова приходится браться за работу. Снова война, снова перестрѣлки, вылазки, а иногда жаркій бой съ врагами и неутомимый, неустрашимый молодой Лорисъ-Меликовъ опять не выходитъ изъ огня, то участвуетъ въ лихихъ вылазкахъ, то отличается при устройствѣ редутовъ, батарей, занятіи непріятельскихъ заваловъ, и наконецъ, особенно выказываетъ себя въ дѣлѣ съ Шамилемъ, 1 іюля, при бомбардированіи и штурмѣ укрѣпленія Чахъ. Слѣдующій 1850 г., для него тоже боевой годъ: съ 19 іюля по 16 сентября, онъ постоянно находится въ перестрѣлкахъ и за отличія получаетъ орденъ св. Анны 2-й ст. Зимою 1851 г. на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи началась рубка просѣкъ и открылась зимняя экспедиція, затѣмъ военныя дѣйствія въ Большой Чечнѣ, переходъ р. Аргунъ,— извѣстное пораженіе скопищъ Шамиля и окончательное уничтоженіе отдѣльныхъ отрядовъ горцевъ, предводительствуемыхъ Хаджи-Муратомъ и Магометъ-Аминомъ. Лорисъ-Меликовъ былъ въ этой экспедиціи около 8 мѣсяцевъ, участвуя во всѣхъ главныхъ дѣлахъ. 15 сентября на небольшой отрядъ, состоящій подъ его командой, сдѣлалъ нападеніе многочисленный непріятель, но неустрашимый командиръ не отступилъ передъ грознымъ врагомъ; завязалась горячая схватка и отраженные отовсюду, горцы отступили съ поля сраженія. Дѣло это доставило Лорисъ-Меликову не только большую популярность, но сдѣлало его имя славнымъ между кавказцами и на всемъ Кавказѣ, чего, какъ извѣстно, достигали немногіе. Въ 1852 г., находясь въ соединеніи съ

отрядомъ Бакланова, также извѣстнаго кавказскаго героя, участвуетъ въ блистательномъ дѣлѣ въ Маіортунскомъ лѣсу и въ аттакѣ непріятельской позиціи на Мичинѣ. Но не съ одними черкесами приходилось ему имѣть дѣло, пришлось посчитаться и съ турками: находясь подъ командою генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, послѣ дѣла 17 февраля 1853 г. при осадѣ Гордахай, гдѣ Лорисъ-Меликовъ совершенно разсѣялъ отрядъ Шамиля и, затѣмъ, до основанія разорилъ нѣсколько ауловъ, онъ отличился у Каргаха, на тогдашней кавказско-турецкой границѣ, разбивъ многочисленную турецкую кавалерію, а потомъ, имѣя подъ своей личной командой всего лишь 30 человѣкъ казаковъ, въ аттакѣ близь Баяндурскаго поста, нетолько разбилъ на голову, но и уничтожилъ сильный кавалерійскій турецкій отрядъ. За этотъ послѣдній подвигъ онъ былъ произведенъ въ чинъ полковника. Такимъ образомъ, турецкая кампанія 1853—1856 г. началась при хорошихъ предзнаменованіяхъ для Михаила Таріеловича двумя блестящими дѣлами и полученіемъ чина полковника. Эта новая война, открывавшая новое широкое поприще для славы и подвиговъ, дѣйствительно была для него благопріятной: 13 апрѣля 1854 г., удачное нападеніе на турокъ при Аргунѣ, даетъ побѣдителю орденъ Владиміра съ бантомъ; переступая границы, въ маѣ 1855 г.,онъ разбиваетъ турокъ подъ крѣпостью Александрополемъ, совершаетъ подвигъ подъ стѣнами Карса, и наконецъ, отличается въ дѣлѣ 20 декабря, получившемъ названіе: «*молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова*». Въ дѣлѣ этомъ, также какъ и въ 1853 г., Михаилъ Таріеловичъ имѣлъ подъ своей личной командой весьма незначительный отрядъ, состоящій всего изъ 300 казаковъ, но какъ тогда, такъ и на этотъ разъ, малочисленность не помѣшала ему совершенно истребить громаднѣйшую шайку горцевъ, не потерявъ съ своей стороны почти ни одного человѣка; за этотъ доблестный подвигъ герой его былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Турецкая кампанія, имѣвшая для насъ не совсѣмъ благопріятные результаты въ Крыму, приближалась къ концу и

хотя до полной пріостановки военныхъ дѣйствій происходили еще сраженія, въ которыхъ принималъ участіе Лорисъ-Меликовъ, но перечислять ихъ мы не будемъ. По возвращеніи на Кавказъ, въ 1856 г., т. е. на тринадцатомъ году службы и 31 отъ рожденія, онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора. Отдыхъ отъ боевой жизни однако-жъ не могъ быть продолжительнымъ, такъ какъ черкесы еще упорствовали въ своей покорности, а ихъ вождь, старикъ Шамиль, напрягалъ всѣ усилія, чтобы отстоять свою независимость. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1859 г., до времени окончательнаго покоренія всей восточной части Кавказа и взятія 26 августа, въ плѣнъ Шамиля, въ его послѣднемъ убѣжище—Гунибѣ. Не оставался въ бездѣятельности и генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ: онъ участвуетъ въ боевыхъ дѣлахъ, опять отличается, за что и удостоивается полученія новыхъ наградъ и Монаршаго благоволенія. Такимъ образомъ, только въ періодѣ съ 1859 и по годъ начала послѣдней турецкой войны, настаетъ какъ бы затишье, интервалъ въ его неутомимой дѣятельности, но если прослѣдить за тѣмъ быстрымъ служебнымъ движеніемъ, которое произошло въ это время: въ 1863 г. производство въ генералъ-лейтенанты, въ 1865—пожалованіе званія генералъ-адъютанта, въ 1875—въ генералъ отъ кавалеріи—и принять во вниманіе, что все послѣднее время передъ войной Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, находился при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, то станетъ очевидно, что дѣятельность его перешла только съ боеваго поприща на мирное, которое хотя также не чуждо заслугъ, но не всегда даетъ о себѣ знать.

Итакъ, большая часть служебной дѣятельности Михаила Таріеловича прошла на Кавказѣ; тамъ онъ получилъ почти всѣ чины, начиная съ низшаго ранга и до высшаго, тамъ почти въ безпрерывныхъ бояхъ, въ постоянномъ напряженіи ума и душевныхъ чувствъ, прошло полъ жизни человѣка, начиная съ цвѣтущей, юной поры ея. Все это и тѣ особенности прежней кавказской жизни, о которыхъ замѣ-

чено выше, не могли не оказать большаго вліянія на воспріимчивый, живой умъ, на пониманіе жизни и людей, на образованіе характера и повліять тѣмъ болѣе, глубже и реальнѣе, что всѣ эти стимулы накоплялись постепенно, начиная съ раннихъ лѣтъ. И дѣйствительно, вся дѣятельность графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова, до настоящихъ дней, ярко обрисовываетъ всѣ его прекрасныя духовныя качества, которые воспитала въ немъ школа кавказской жизни. Это человѣкъ не только сильнаго ума, но находчиваго, живаго, предусмотрительнаго, не торопящагося ни при какихъ обстоятельствахъ; это характеръ твердый, въ высшей степени подвижной и энергичный, но въ то же время не упрямый и грубый, не надменный и отталкивающій, но мягкій и чрезвычайно симпатичный. Его душѣ не чужды горе, нужда, бѣдствія и страданія другихъ, она отзывчива ко всему этому, потому что давно, и въ жизни дѣйствительной, познала все, а отсюда та доступность, простота въ обращеніи и общительность, которые привлекаютъ къ нему людей даже едва знающихъ его.

«Вы, графъ, говорилъ одинъ духовный ораторъ, обращаясь къ нему съ привѣтствіемъ,—свою служебную дѣятельность, такъ сказать, освящаете особенною какою-то сердечностью, которая всѣхъ привлекаетъ къ вамъ, особенною теплотою присущей, человѣческому сердцу любви, проявляющейся въ законной, конечно, мѣрѣ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ вашего единаго слова зависитъ рѣшеніе участи преступнаго и уже осужденнаго человѣка».

Достигнувъ всѣхъ наградъ и высокаго служебнаго положенія лишь благодаря неутомимымъ своимъ трудамъ, во всемъ обязанный лишь самому себѣ, а не какой либо протекціи, онъ умѣетъ отличать и цѣнить трудъ другихъ, а потому наиболѣе свободенъ и самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Таковъ нравственный обликъ графа Михаила Таріеловича, таковымъ же проявляется онъ во всей его внѣшней дѣятельности, въ его мѣропріятіяхъ и поступкахъ.

Минувшая русско-турецкая война снова вызываетъ

графа Лорисъ-Меликова къ военной дѣятельности, вовлекаетъ въ давнишнюю и хорошо знакомую ему сферу—въ боевой огонь, на поля битвъ. Но теперь предоставлялось уже иное чѣмъ прежде поприще: прежде—боевой офицеръ, честно и умно исполняющій приказанія начальства и только иногда дѣйствующій самостоятельно, теперь—самъ начальникъ и распорядитель.

Состоя на такомъ посту, какъ командующій отдѣльнымъ корпусомъ, конечно, нельзя уже было заявить о себѣ личными подвигами храбрости, такъ какъ рисковать жизнію было бы дѣломъ нѣсколько неосмотрительнымъ, но за то постъ этотъ давалъ возможность выказать себя въ другомъ отношеніи: имѣя въ своемъ распоряженіи тысячи жизней, надо было умѣть не только направить ихъ силы такъ, чтобы они не пропали даромъ, но чтобы по возможности сберечь ихъ, думать о нихъ. Но и эта новая задача была выполнена Михаиломъ Таріеловичемъ блестящимъ образомъ и такому успѣху содѣйствовали съ одной стороны, прекрасное знаніе военнаго дѣла, пріобрѣтенное многолѣтней опытностью, съ другой, полное знакомство съ тою мѣстностью, гдѣ должны были происходить военныя дѣйствія. Будучи всегда осторожнымъ и осмотрительнымъ, приступая къ дѣлу не иначе, какъ по глубокомъ и всестороннемъ его изслѣдованіи, онъ, въ настоящемъ положеніи не измѣнялъ этому прекрасному правилу. Зная прекрасно турецкій, персидскій, армянскій и грузинскій языки и объясняясь на нихъ совершенно свободно, онъ, съ пользою дѣлу, воспользовался этимъ знаніемъ. Какъ только занималась какая либо мѣстность, графъ Лорисъ-Меликовъ тотчасъ широко раскрывалъ двери своего жилья и дѣлался доступенъ всѣмъ и каждому: самъ принимаетъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ изъ туземцевъ, вступаетъ съ ними въ долгую, радушную бесѣду и тутъ же, какъ бы къ слову, ловко распрашиваетъ и узнаетъ отъ нихъ о силахъ и движеніи непріятеля, мало этого, онъ не упускаетъ ни одного случая потолковать, запросто, и съ простолюдинами, встрѣтясь съ ними гдѣ либо на улицѣ, самъ распрашиваетъ плѣнныхъ. Запасшись всѣми свѣдѣ-

ніями и зная, какъ сказано, мѣстность театра войны, онъ уже безошибочно могъ опредѣлять достовѣрность донесеній лазутчиковъ и, затѣмъ, основываясь на собранномъ такимъ образомъ матеріалѣ, онъ строитъ планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій. Возможности доставать свѣдѣнія о непріятелѣ сказаннымъ способомъ ни мало содѣйствовала и популярность имени Михаила Таріеловича, пріобрѣтенная гуманнымъ отношеніемъ къ туземцамъ, неустанною заботливостью его не только о своихъ, но и о врагахъ. Туземцы простолюдины, кѣмъ либо обиженные, чѣмъ либо недовольные, нуждающіеся, имѣя свободный доступъ, или обращались прямо къ нему и всегда были выслушаны, по возможности, удовлетворены въ ихъ претензіяхъ; не рѣдко также отпускались имъ на волю и плѣнные турецкіе солдаты, на честное слово, причемъ давалось на дорогу по рублю на человѣка. Всѣмъ этимъ распространялось между туземнымъ населеніемъ не одно только обаяніе имени графа, но и вообще русскаго имени, такъ какъ пріобрѣталась увѣренность въ незлобливости и гуманности русскихъ войскъ и его начальства. Послѣ вышесказаннаго, нужно ли говорить еще объ отношеніяхъ ко ввѣреннымъ его заботливости войскамъ? По свидѣтельствамъ многихъ очевидцевъ, заботливости этой не было границъ; онъ вникалъ во всѣ даже мельчайшія нужды и спѣшилъ удовлетворить ихъ; такъ, объѣзжая Деве-Бойнскую позицію и видя недостатки во многихъ продуктахъ, онъ, въ тотъ же день, отправляетъ своего адъютанта, князя Муранскаго, закупить на свой счетъ все необходимое; послѣ какого либо дѣла, первая мысль его была о предоставленіи раненому всѣхъ возможныхъ удобствъ. Никто, быть можетъ, такъ глубоко не страдалъ и не мучился душевно по случаю какой либо неудачи, какъ онъ:— «вижу, говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ, описывающихъ утро слѣдующаго дня послѣ дѣла подъ Зивиномъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ стоитъ у палатки и отдаетъ приказанія. Лицо его было желтое, глаза съ черными кругами вокругъ. Невыразимая печаль и истома запечатлѣлись на этомъ лицѣ—видно было, что командующій

корпусомъ ни на одну секунду не смыкалъ глазъ». Къ счастью и славѣ его, такихъ дней было не много—одинъ упомянутый, и въ немъ-то, можетъ быть, не совсѣмъ повиненъ онъ, а обстоятельства. Трудно допустить, чтобы Михаилъ Таріеловичъ, не будучи вынуждаемъ положеніемъ общаго хода военныхъ дѣлъ, при своей осторожности и личномъ участіи во всемъ, при знаніи превосходной численности противника, рѣшилъ бы самъ, по личной иниціативѣ предпринять это грустное Зивинское дѣло. Думая и готовясь вступить съ непріятелемъ въ борьбу, онъ всегда тщательно провѣрялъ всѣ шансы, лично и неоднократно производилъ рекогносцировки, самъ изучалъ мѣстность, чтобы имѣть возможность лучше воспользоваться ею, какъ для успѣха въ дѣлѣ, такъ и для возможно меньшей потери въ людяхъ. Производя такого рода рекогносцировки, онъ забывалъ о своей личной безопасности, рисковалъ жизнью, и вотъ тому примѣръ. 22 іюля (1877 г.), находясь на рекогносцировкѣ и проѣзжая близь Большой Ягны съ цѣлью ближе ознакомиться съ турецкой позиціей, генералъ былъ осыпанъ непріятельскими гранатами; одна изъ нихъ упала и разорвалась у переднихъ ногъ его лошади, засыпавъ всадника комами земли и осколками, но все обошлось какимъ то чудомъ благополучно. Но и этихъ предварительныхъ ознакомленій было недостаточно для него; начинался бой и корпусный командиръ являлся на полѣ сраженія, лично руководилъ общимъ ходомъ дѣла, находясь не гдѣ либо въ отдаленіи, а въ центрѣ, въ мѣстахъ, осыпаемыхъ какъ градомъ, непріятельскими снарядами; такъ было при штурмѣ Ардагана и въ другихъ дѣлахъ. Вотъ такимъ то исполненіемъ дѣла и объясняется тотъ успѣхъ, съ относительно малымъ урономъ, какой замѣчается во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ графа Михаила Таріеловича.

Хотя событія послѣдней славной войны еще у всѣхъ въ памяти, но мы сдѣлаемъ короткій обзоръ движенія корпуса графа Лорисъ-Меликова.

12 апрѣля 1877 г., графъ Лорисъ-Меликовъ, съ войсками, собранными въ Александрополѣ, вступилъ въ предѣлы

Азіатской Турціи, перейдя границу двумя колоннами. Въ тотъ же день одна изъ этихъ колоннъ дошла до Мулла-Муса, а другая до Бошъ-Шургана, имѣя нѣсколько стычекъ съ непріятелемъ, въ которыхъ было взято въ плѣнъ 7 турецкихъ офицеровъ и болѣе 100 нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ починъ кампаніи былъ удачный. 13 числа колонны дошли до Кишль-Чахчаха, 17 генералъ выступилъ изъ заимскаго лагеря и дошелъ до Визинкева, а 30 апрѣля подступилъ уже къ Ардагану, расположившись съ войсками близь Хевасхора, въ 10 верстахъ отъ крѣпости. На другой день, т. е. 1 мая, графъ Лорисъ-Меликовъ производилъ рекогносцировку съ возвышенности надъ д. Бурдасамъ, противъ Геляверды, куда долетали непріятельскія гранаты, направленныя въ него; дни 2 и 3, ушли на подготовленіе аттаки, 3 и 4, на установку батарей, изъ коихъ одна, предназначавшаяся для бомбардированія крѣпости, заложена была на склонѣ Алагеза. Въ 7 часовъ утра, 5 мая, графъ объѣзжалъ позиціи, а ровно въ 8 была пущена сигнальная ракета и началось бомбардированіе Ардагана. Все время, съ момента начала боя и до окончанія его, командующій корпусомъ не покидалъ поле сраженія, въ самый разгаръ канонады, онъ находился на той возвышенности, откуда производилъ рекогносцировку, гдѣ теперь находилась наша батарея, осыпанная непріятельски снарядами, какъ градомъ, а когда началась общая аттака войскъ, онъ переходилъ на склонъ Алагеза, лично руководить аттакою и подвигаясь шагъ за шагомъ за своими войсками, вмѣстѣ съ ними вступаетъ въ павшій Ардаганъ; здѣсь тотчасъ же отдаетъ распоряженія о призрѣніи раненыхъ, приведеніи въ извѣстность взятаго боеваго имущества и вводитъ гражданское управленіе. Благодаря тщательной рекогносцировкѣ и предварительному артиллерійскому бою, взятіе Ардагана стоило небольшихъ потерь; за взятіе Ардагана, Михаилу Таріеловичу пожалованъ (14 мая) орденъ св. Георгія 3 ст. Въ виду того угрожающаго положенія, какое принялъ Мухтаръ-паша по отношенію къ Тергукасову, графъ Лорисъ-Меликовъ выступилъ изъ Ардагана 8 мая, по направленію къ

Саганлугскимъ высотамъ, 17 прибылъ въ Хаджи-Халиль и зная, что кавалерія Мулы-паши спустилась съ Сангалука, отдалъ приказаніе оттаковать ее; настигнутые въ расплохъ, при селеніи Бегли-Ахисты, турки были разбиты на голову (18 мая). Очистивъ отъ турецкихъ войскъ Карскій Санджакъ и произведя подробныя рекогносцировки Карскихъ укрѣпленій, онъ направляется подъ Зивинъ, гдѣ, 13 іюня, производится аттака укрѣпленнаго турецкаго лагеря, которая, по недостатку силъ, не имѣла желаннаго результата. Послѣ боя у Зивина, графъ Лорисъ-Меликовъ располагается съ своими войсками такимъ образомъ, чтобы лишить Карсъ помощи и облегчить движеніе Тергукасову; 20 числа онъ находится въ Ардаетѣ, а 27 войска его отступили отъ Зивина и направились на соединеніе съ главными силами подъ крѣпостью Карсомъ, гдѣ занимаютъ позицію у Кюрюкдара; 6 августа рекогносцировка, подъ личнымъ руководствомъ графа, противъ войскъ Мухтара-паши, какъ для выясненія его силъ, такъ и для отвлеченія вниманія отъ движенія противъ Измаила-паши; 21, 22 и 23 сентября, сраженіе при Авліярѣ, въ которомъ графъ Лорисъ-Меликовъ находится на правомъ крылѣ, составляющемъ центръ боя, и непосредственно руководитъ его дѣйствіями; 3 октября дѣло на Аладжинскихъ высотахъ противъ арміи Мухтара-паши и разбитіе его на голову, за что, «во вниманіе отличнаго мужества, храбрости и распорядительности», корпусный командиръ былъ пожалованъ (27 октября) орденомъ св. Георгія 2 ст. Трофеямя этой побѣды было: 7 пашей, 100 высшихъ офицеровъ, 32 батареи артиллерійскихъ бригады, 36 орудій и огромное количество военныхъ и продовольственныхъ припасовъ. По прошествіи менѣе чѣмъ мѣсяца, съ 5 на 6 ноября былъ взятъ Карсъ, для чего требовалось составленія самой подробной диспозиціи, такъ какъ крѣпость, имѣя нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій, дѣлала необходимымъ производить штурмъ съ разныхъ сторонъ. Главная аттака ведена была генераломъ Лазаревымъ, съ востока—Шатиловымъ, а съ запада и сѣвера—Роппомъ, но всѣ распоряженія по штурму предоставлены были Лорисъ-

Меликову, который, на другой день, при въѣздѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, у воротъ крѣпости, вручилъ ему ключи г. Карса. Наградою за взятіе Карса было пожалованіе графскаго достоинства. Послѣ взятія Карса, войска наши направились на Эрзерумъ, для обложенія его. Въ происходившемъ по этому случаю военномъ совѣтѣ графу Лорисъ-Меликову предписано было занять важный, въ стратегическомъ отношеніи пунктъ Хиджи и какъ можно тѣснѣе обложить городъ. 29 Декабря, утромъ, онъ вмѣстѣ съ генераломъ Гурчинымъ оставляетъ Карсъ и отправляется подъ Эрзерумъ, въ качествѣ временно командующаго стоящими тамъ войсками.

Такова въ общихъ и главнѣйшихъ чертахъ была дѣятельность его въ минувшую войну, но и эти данныя достаточны для того, чтобы характеризировать не только однѣ заслуги его, но и какъ хорошаго полководца. Послѣдняя война, доставившая гр. Лорисъ-Меликову новую славу. является какъ бы какой-то особой границей: она рѣзко раздѣляетъ его неутомимую и полезную государству дѣятельность на два поприща: военное и гражданское; но такъ какъ о первомъ уже достаточно сказано, то въ заключеніе остается только добавить, что гр. Лорисъ-Меликовъ участвовалъ въ 180 сраженіяхъ и, не смотря на то, что всегда бывалъ въ самомъ жару боя, не только не былъ ни разу раненъ, но и не контуженъ.

Въ концѣ 1878 года въ обществѣ стали распространяться неясные слухи о какой-то болѣзни, появившейся на востокѣ Россіи, а въ серединѣ декабря впервые было заявлено, что въ Ветлянской станицѣ, Астраханской губерніи, свирѣпствуетъ чума. Извѣстіе это и послѣдующіе за нимъ, не мало встревожили общество, такъ какъ видно было, что болѣзнь эта, не поддаваясь никакому леченію, не смотря на борьбу съ ней мѣстной администраціи, не только не уступала, но все болѣе и болѣе развивалась, разширяя свой районъ.

Въ чемъ именно состояла дѣятельность мѣстныхъ властей, это не входитъ въ планъ настоящаго очерка, но оче-

видно было, что ей недоставало энергіи и находчивости, что она какъ бы ждала чего-то, что дало бы силу и правильное направленіе. Указомъ, даннымъ правительствующему сенату, 25 января 1879 г., графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ временнымъ астраханскимъ, саратовскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ для, какъ выражался указъ, «безотлагательнаго принятія мѣръ къ прекращенію обнаружившейся заразы и предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія на другія мѣстности». Высочайше утвержденная инструкція, предоставлявшая ему право дѣйствовать именемъ Государя, между прочимъ, обязывала чиновъ всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ неуклонительно исполнять приказанія и распоряженія графа Лорисъ-Меликова, который имѣлъ право входить въ текущія дѣла губернской администраціи, мѣстнаго хозяйства, судопроизводства, торговли и промышленности, когда дѣла эти имѣли прямое отношеніе къ возложенному на него порученію.

19 февраля 1879 г., въ 3 ч. пополудни, графъ Михаилъ Таріеловичъ прибылъ въ г. Астрахань, гдѣ со стороны жителей встрѣтилъ восторженный пріемъ, а городская депутація, по русскому обычаю, поднесла ему хлѣбъ-соль. Ни мало ни медля, графъ приступилъ къ дѣлу; на другой день пріѣзда онъ принималъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, а затѣмъ городскую думу, причемъ обратился къ представителямъ городскаго общества съ нѣсколькими словами, въ которыми выразилъ надежду, что общество окажетъ ему съ своей стороны самое энергическое содѣйствіе въ исполненіи, возложеннаго на него волею Государя порученіе.

Такое вступленіе, конечно, не могло не произвести благопріятнаго впечатлѣнія на всѣхъ тѣхъ, кто, въ силу своего положенія, призывался быть помощникомъ новому главному начальнику, но, въ тоже время не могло быть и принято какъ обычное заявленіе вновь вступающаго лица. Дѣйствительно, еще на пути слѣдованія въ Астрахань, графъ успѣлъ уже обратить вниманіе и замѣтить то ужасное санитарное состояніе, въ какомъ находился край, онъ уже

успѣлъ узнать его въ этомъ отношеніи не только съ внѣшней стороны, но и съ сокровенной, онъ побывалъ во многихъ мѣстахъ и видѣлъ многое. Указывая на жалкое санитарное положеніе и предлагая мѣры улучшенія, онъ, въ своемъ циркулярѣ, обращалъ особое вниманіе нетолько на состояніе помѣщеній разныхъ казенныхъ учрежденій, какъ-то: учебныхъ заведеній тюрьмъ и арестантовъ, но и на положеній рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и т. п. Циркуляръ этотъ прекрасно характеризировалъ дѣятельность и энергію лица, издавшаго его, это была не мертвая бумага, прочитавъ которую можно было успокоиться,—нѣтъ, она требовала дѣла и дѣла. Вникая всюду и во все самъ, графъ требовалъ того же и отъ лицъ, ему подчиненныхъ, а тѣ, кому было поручено изыскать мѣры къ оздоровленію мѣстности, обязывались черезъ каждые двѣ недѣли доносить о томъ, что ими сдѣлано, а лица, состоявшіе при немъ, были постоянно командируемы для повѣрокъ, на мѣстахъ, правдивости этихъ донесеній и дѣйствительнаго исполненія всѣхъ принимаемыхъ мѣръ. Что дѣло закипѣло и получило должное направленіе, что всѣ распоряженія графа были преисполнены глубокаго, практическаго такта, благоразумія, твердости и энергіи, доказательствомъ тому служитъ то, что скоро страшный врагъ долженъ былъ уступить. Дѣйствительно, 9 апрѣля, т. е. менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по прибытіи графа Лорисъ-Меликова, въ Ветлянской станицѣ былъ собранъ съѣздъ начальниковъ всѣхъ санитарныхъ отрядовъ, который выяснилъ, что свирѣпствовавшая въ краѣ зараза прекратилась и общее санитарное положеніе его весьма удовлетворительно. 10 апрѣля было снято карантинное огражденіе цѣлой части Россіи съ его милліоннымъ населеніемъ, которое могло вздохнуть свободнѣе и обратиться къ своимъ занятіямъ, а торговля и промышленность, также пріостановленныя въ своемъ ходѣ, взяться за свое дѣло. Какъ цѣнили и понимали его трудъ мѣстные жители, графъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ при выѣздѣ изъ края. Въ с. Старицѣ, гдѣ нужно была перемѣнять лошадей, въ ожиданіи

пріѣзда графа, собралось къ станціи не только все селеніе, которое на этотъ случай разукрасилось флагами, но и крестьяне окрестныхъ деревень и всѣ они въ своихъ безискусственныхъ рѣчахъ благодарили его за дѣятельность по прекращеніи эпидеміи.

Съ окончаніемъ ветлянской заразы совпадаетъ начало наиболѣе безумнаго проявленія дѣятельности, такъ называемаго «общества русскихъ соціалистовъ»—убійства кинжалами, стрѣльбища, взрывы—и вотъ, чтобы положить конецъ этимъ безобразнымъ и безславящимъ Россію явленіямъ, правительство находитъ вынужденнымъ прибѣгнуть къ исключительнымъ, временнымъ мѣрамъ: учреждаются новые генералъ-губернаторства и, наконецъ, Верховная распорядительная коммисія. Еще будучи въ Астрахани, 5 апрѣля 1879 г., графъ Михаилъ Таріеловичъ получилъ новое назначеніе харьковскаго генералъ-губернатора, куда онъ долженъ былъ отправиться изъ Астраханской губ. Это назначеніе, предоставлявшее широкія права власти и болѣе разностороннюю дѣятельность, еще ярче, чѣмъ предшествующее, обнаружило въ графѣ блестящую административную способность и сдѣлало его имя извѣстнымъ въ Россіи всѣмъ и каждому.

Маршрутъ слѣдованія однакожъ былъ нѣсколько измѣненъ и графъ выѣхалъ въ Харьковъ изъ Петербурга, 17 апрѣля, прибывъ на мѣсто 20 числа; на границѣ Харьковской губерніи, на станціи Казачья-Лопань и Деркачи, онъ былъ встрѣченъ обществомъ крестьянъ Удянской и Деркачевской волостей съ хлѣбомъ и солью, а въ самомъ городѣ, помимо должностныхъ лицъ, массою городскаго населенія, наполнявшаго улицы, по которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать. Нѣтъ надобности, да и не представляется возможнымъ прослѣдить шагъ за шагомъ всю дѣятельность графа Лорисъ-Меликова на посту харьковскаго генералъ-губернатора, достаточно будетъ указать на нѣкоторыя изъ его распоряженій, едва ли не служившихъ образцомъ для такихъ же распоряженій въ другихъ мѣстностяхъ. Административныя задачи представляются задачами наиболѣе труд-

ными, такъ какъ, имѣя своею ближайшею цѣлью общественное благоустройство, онѣ должны касаться самыхъ живыхъ и чувствительныхъ интересовъ общества, а потому администратору, кромѣ способности, нужно хорошо изучить и самую жизнь. Обладая этимъ послѣднимъ знаніемъ въ высшей степени, графъ Лорисъ-Меликовъ всегда умѣлъ приступить къ дѣлу съ надлежащей стороны и дать ему правильное назначеніе, а его извѣстныя обращенія къ обществу, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не есть желаніе, какъ, быть можетъ, полагаютъ, искать популярности, а прямое слѣдствіе знанія жизни—это его, такъ сказать, гражданскій, гласный лазутчикъ, съ донесеніями котораго онъ сообразуетъ свою дѣятельность. Отсюда же, та гуманность и большая осторожность, которыя проходятъ черезъ всю послѣднюю его дѣятельность. Имѣя въ послѣдней своей дѣятельности непосредственное соприкосновеніе съ молодежью, попадавшею на преступный путь иногда лишь вслѣдствіе временнаго увлеченія и особыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ не подводилъ все молодое подъ одинъ уровень чего-то опаснаго, вреднаго, что безразлично надлежало подавлять, но тщательно отыскивалъ причину, порождающую зло, изыскивалъ средства къ его устраненію. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ былъ чуждъ произвола, хотя и дѣйствовалъ настойчиво, энергично, а потому-то всякая мѣра и распоряженіе, исходящія отъ его лица, носятъ на себѣ отпечатокъ не только деликатности, но какой-то сердечной теплоты и заботливости. Преслѣдуя разъ избранную цѣль, онъ не упускаетъ изъ виду, повидимому, самыхъ пустыхъ обстоятельствъ и старается устранить все, что такъ или иначе способствовало распространенію зла, нарушало общественное спокойствіе; такъ, воспрещая воспитанникамъ заведеній посѣщать общественные сады кафе-шантаннаго направленія, онъ проситъ содѣйствовать ему родителей, воспитателей, наставниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, на комъ по закону или другимъ отношеніямъ лежитъ священная обязанность воспитанія юношества и нравственная отвѣтственность за будущее его направленіе. «Твердо убѣ-

жденъ, говоритъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ своемъ циркулярѣ по этому поводу, что распоряженія мои, направленныя исключительно къ огражденію подростающаго поколѣнія отъ такимъ зрѣлищъ, которыя, преждевременно возбуждая его умъ и воображеніе, не могутъ не вредить и успѣшности ученія, — встрѣтятъ полное сочувствіе и поддержку во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, коимъ физическое и нравственное здоровье юношества и его будущность не могутъ не быть дороги». Факты и дѣйствительность краснорѣчиво говорятъ за то, насколько такія распоряженія и вообще вся послѣдняя дѣятельность графа были цѣлесообразны. Едва ли будетъ ошибка, если мы скажемъ, что графъ первый изъ администраторовъ, рѣшающійся прямо и гласно обвинять дѣйствія нѣкоторыхъ административныхъ установленій, указывать на неправильное пониманіе ими обязанностей и происходящее отъ того общественное неудовольствіе. Такая неправильность въ отношеніяхъ администраціи и общества замѣчена имъ въ дѣйствіяхъ чиновъ полиціи и онъ не только не скрываетъ этого, но выставляетъ на видъ, говоря, что полиція не пользуется должнымъ уваженіемъ со стороны мѣстнаго населенія, что причиною тому дѣятельность самихъ полицейскихъ чиновъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ при столкновеніяхъ съ частными лицами «своими неумѣлыми поступками, грубостью и незнаніемъ своихъ обязанностей подаютъ поводъ къ справедливому неудовольствію и даже противодѣйствію исходящимъ отъ нихъ распоряженіямъ». Послѣ этого не удивительно, что графъ Лорисъ-Меликовъ пріобрѣлъ благорасположеніе не только всего харьковскаго общества, которому онъ предоставилъ тишину и спокойствіе, молодежи, видѣвшей въ немъ не безпощаднаго карателя, а скорѣе добраго совѣтчика и помощника въ трудныхъ обстоятельствахъ, но и всѣхъ вообще, такъ какъ многимъ и весьма многимъ дѣлалъ онъ добро, отеръ слезы скорби.

Если Харьковская губернія, находящаяся подъ непосредственнымъ начальствомъ графа, пользовалась относительнымъ спокойствіемъ, то нельзя было сказать того же

относительно другихъ мѣстностей, гдѣ пропагандисты продолжали безумствовать. Необходимо было положить конецъ такому своеволію злоумышленниковъ, оградить и государство и общество отъ дерзкихъ покушеній на существующій порядокъ, а для того надо было объединить власть въ лицѣ, которое давало одно общее и для всѣхъ обязательное направленіе дѣла. Злодѣйское покушеніе на жизнь Государя Императора, 5 февраля, было, такъ сказать, апоѳеозомъ дерзости злоумышленниковъ, идти далѣе и терпѣть болѣе— было невозможно. 13 февраля 1880 г., по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, была учреждена «Верховная распорядительная коммиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Многотрудная задача предсѣдателя этой коммиссіи возложена была державною волею на графа Михаила Таріеловича и онъ оправдалъ это высокое къ нему довѣріе Монарха, онъ не обманулъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагала на него вся Россія. И на этомъ высокомъ посту графъ остался вѣрнымъ себѣ, онъ ясно и опредѣленно начертилъ программу предстоящей ему дѣятельности, съ свойственной ему энергіей, но незаносчивостью. «Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности, говоритъ онъ въ своей, всѣмъ извѣстной и памятной прокламаціи къ обществу, и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни передъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой — успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части. Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни,

отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы сама общества».

Но безъ особенно «строгихъ мѣръ», безъ стѣсненія и гнета, даже и послѣ покушенія на жизнь его (20 февраля), безъ насилій, а духомъ любви, гуманности, благоразумія и громаднаго такта, совершилъ онъ свой подвигъ «успокоенія общества, огражденія государства и возобновленія правильнаго теченія его нарушенной жизни». Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 6 августа 1880 г., въ виду достигнутаго объединенія дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою, повелѣвалось: Верховную распорядительную коммиссію закрыть, передавъ дѣла оной въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ то же время, находившееся во временномъ подчиненіи графа Лорисъ-Меликова, III-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи упразднить, съ передачею дѣлъ его въ вѣдѣніе того же министерства. Наградою за этотъ высокій гражданскій подвигъ служенія государству, графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ былъ награжденъ высшимъ государственнымъ орденомъ Андрея Первозваннаго, препровожденнымъ къ нему при рескриптѣ Государя, преисполненномъ самыхъ милостивыхъ выраженій и благодарности.

Слагая съ себя званіе предсѣдателя Верховной распорядительной коммиссіи, графъ Михаилъ Таріеловичъ занялъ не менѣе высокій постъ въ государствѣ: упомянутымъ выше указомъ Сенату 6 августа онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, каковую должность занимаетъ и въ настоящее время. Не смотря на краткость срока новаго поприща дѣятельности графа Лорисъ-Меликова, уже и теперь представляется возможнымъ отмѣтить два весьма отрадныхъ факта: обѣщаніе графа «раздвинуть стѣны» подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, чтобы дать возможность юношеству найти образованіе и предоставленіе печатному слову наибольшей свободы, чѣмъ та, которой она пользовалось до селѣ, съ надеждой возврата прежнихъ правъ. Это первые шаги, въ дальнѣйшемъ Россія и общество ожидаютъ мно-

гихъ благихъ распоряженій и преобразованій, но это дѣло будущаго.

Въ заключеніе, для большаго освѣщенія прилагаемаго нами здѣсь портрета, приводимъ внѣшній очеркъ личности графа Михаила Таріеловича, сдѣланный однимъ лицомъ, близко его знающимъ: графъ Лорисъ-Меликовъ «средняго роста, брюнетъ, съ замѣтной просѣдью, съ смуглымъ, продолговатымъ лицомъ, густо зарощенными длинными бакенбардами и усами. Украшеніемъ лица служатъ большіе, черные, выразительные глаза. Наружность его вообще очень чутка къ душевнымъ впечатлѣніямъ и когда улыбка появляется иногда на губахъ, глаза быстро загараются веселостью и всѣ складки лица смѣются. Такія наружности, обыкновенно вызываютъ симпатію и дышатъ умомъ; въ нихъ менѣе всего грубаго или произвола».

III.

Графъ Карлъ Васильевичъ

Нессельроде.

Отецъ Карла Васильевича Нессельроде, происходившій изъ дворянской нижнерейнской фамиліи, былъ русскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ, когда у него родился сынъ, въ 1780 году. Закончивъ подлежащее образованіе, Карлъ Васильевичъ поступилъ на службу во флотъ въ 1796 году; при Павлѣ I перешелъ въ гражданское вѣдомство, а потомъ, въ слѣдующее царствованіе дѣйствовалъ на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1807 году онъ былъ извѣстенъ, какъ совѣтникъ посольства въ Парижѣ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ дипломатовъ священнаго союза, сопровождалъ императора Александра I на конгрессы ахенскій, троппаускій, лайбахскій и веронскій. Но онъ, графъ Нессельроде, сталъ особенно виднымъ дѣятелемъ съ 1812 года, будучи статсъ-секретаремъ Государя Императора. 13 марта 1812 года онъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе докладъ, изъ котораго видно было, что австрійскій уполномоченный баронъ Лебцельтернъ категорически увѣрялъ, что «до сихъ поръ нѣтъ никакого соглашенія, никакого формальнаго союза между Франціей и Австріей; онъ утверждалъ, что Австрія желаетъ сохранять дружескія отношенія къ Россіи, хотя съ 1809 года Россія дѣйствовала несправедливо въ отношеніи своей прежней союзницы. „Держава, заключалъ графъ Нессельроде, которая, не взирая на семейныя узы съ Наполеономъ, ищетъ поддержки нашей политики въ отношеніи Фран-

ціи, не можетъ быть тайнымъ другомъ послѣдней». Эти слова были написаны графомъ Нессельроде подъ впечатлѣніемъ вышеупомянутаго категорическаго заявленія Лебцельтерна; очевидно, графъ становится на сторону Австріи, довѣряетъ Австріи, защищаетъ Австрію, съ которой ему приходилось имѣть болѣе всего дѣла въ своей жизни. Во всякомъ случаѣ видно, что по мнѣнію графа Нессельроде, въ рукахъ русскаго правительства было предупредить заключеніе союза между Австріею и Франціею. Онъ съ Штакельбергомъ оправдывалъ союзъ Австріи съ Наполеономъ. Но въ 1813 году онъ уже доказывалъ, что поведеніе Вѣнскаго двора болѣе, чѣмъ двусмысленно: пусть Австрія, восклицаетъ онъ, въ эту торжественную минуту соединится съ ними! Пусть она внемлетъ голосу своихъ дѣйствительныхъ друзей, пусть она прислушается къ голосу своихъ народовъ, и Франція будетъ побѣждена». Что касается Россіи, пишетъ онъ Штакельбергу 12-го марта 1813 года, то самолюбіе Императора Александра будетъ удовлетворено, если удастся возвратить Европѣ спокойствіе, счастіе и равновѣсіе, которыхъ она лишилась благодаря Франціи». «Я повторяю, заключаетъ онъ, пусть Австрія намъ по крайней мѣрѣ подробно и точно скажетъ, какую цѣль имѣетъ въ виду ея политика. Наша честь, да и нашъ интересъ гарантируютъ соблюденіе тайны. 13 мая графъ Нессельроде имѣлъ по этому вопросу первое совѣщаніе съ австрійскимъ уполномоченнымъ графомъ Стадіономъ. Но такъ какъ конфиденціальныя сообщенія Стадіона были очень отличны отъ оффиціальной ноты, то, для лучшей связи судьбы Австріи съ судьбою уже воевавшихъ противъ Наполеона державъ, графу Нессельроде пришлось предпринять поѣздку въ Гочинъ для личныхъ переговоровъ съ Меттернихомъ. Однако бесѣды съ нимъ и даже съ Императоромъ подтверждали смыслъ ноты, и на графа Нессельроде выпалъ весь трудъ убѣдить Вѣнскій дворъ къ подписанію формальнаго договора, опредѣлявшаго основанія нашего союза съ Австріей и разрыва съ Наполеономъ. Со стороны Австріи были предложены слѣдующія условія мира и союза: уничтоженіе варшавскаго герцогства, возстанов-

леніе Пруссіи, возвращеніе Австріи Иллирійскихъ провинцій, отказъ Франціи отъ протектората надъ рейнскимъ союзомъ, возстановленіе ганзейскихъ городовъ Гамбурга и Любека; эти условія по возвращеніи графа Нессельроде въ главную квартиру союзныхъ войскъ были приняты. Въ дѣлахъ отъ 1-го января 1814 года графъ Нессельроде полагаетъ, что при заключеніи мира лучше уступить Франціи въ какомъ нибудь территоріальномъ вопросѣ, нежели допустить вмѣшательство ея въ устройство областей, освобожденныхъ изъ подъ ея власти. Императоръ Александръ I вполнѣ соглашался съ нимъ. Отправляя графа Нессельроде на Вѣнскій конгрессъ, Государь далъ ему замѣчательную инструкцію, съ подробнымъ планомъ дѣйствій на конгрессѣ; въ этой инструкціи онъ совершенно откровенно выражаетъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Государь категорически заявляетъ, что варшавское герцогство беретъ въ вознагражденіе за образъ дѣйствій, и проситъ державы не вмѣшиваться въ устройство этой его провинціи. Какую услугу отечеству оказалъ графъ Нессельроде по присоединенію къ Россіи Варшавскаго герцогства, видно изъ слѣдующаго. Когда въ 1813 году дѣло шло о возстановленіи Варшавскаго герцогства—Наполеонъ уже давно тѣшилъ поляковъ этой мечтою и Императоръ Александръ I колебался относительно удовлетворенія завѣтныхъ надеждъ мятежной Польши, — графъ Нессельроде представилъ на Высочайшее усмотрѣніе мемуаръ, въ которомъ устанавливалъ слѣдующія пять положеній: 1) возстановленіе варшавскаго герцогства, если оно послѣдуетъ въ началѣ 1813 года, весьма незначительно увеличитъ средства борьбы противъ Франціи; 2) оно вызоветъ безпрерывные раздоры и ревность противъ Россіи со стороны державъ, союзная помощь которыхъ совершенно необходима для Россіи; 3) непосредственнымъ послѣдствіемъ его будетъ потеря нѣсколькихъ провинцій; 4) эта мѣра въ высшей степени противна желаніямъ русскаго народа и 5) на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній возстановленіе Польши совершенно противорѣчитъ интересамъ Россіи. Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать этотъ докладъ,

нельзя не придти къ убѣжденію, что графъ обнаружилъ въ немъ значительную долю политической прозорливости и глубокое уваженіе къ интересамъ Россіи. Онъ не могъ не замѣтить, на сколько всѣ открытія князя Чарторыжскаго основываются на мотивахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ законами русскаго народа, князь ловко умѣлъ пользоваться дружескимъ расположеніемъ, которое къ нему питалъ Государь. Вотъ потему съ такимъ воодушевленіемъ и твердостію графъ Нессельроде на первой же конференціи объявилъ, что Россія намѣрена присоединить варшавское герцогство. Нессельроде постоянно писалъ отчеты о конференціонныхъ засѣданіяхъ. Но по окончаніи засѣданій, въ докладѣ отъ 20 февраля 1815 года графъ высказывалъ неудовольствіе за рѣшеніе польскаго вопроса. Конечно, такой защитникъ присоединенія Польши къ Россіи не могъ удовлетвориться неполнымъ успѣхомъ своего дѣла. Его политическіе взгляды были на столько тверды, что и разрѣшеніе вопросовъ саксонскаго и германскаго онъ нашелъ несправедливыми. «Если-бы, говоритъ онъ—къ Пруссіи были присоединены Саксонія, Германія представляла бы однородный политическій организмъ и могла противостоять Франціи въ попыткахъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Въ силу этихъ и подобныхъ соображеній онъ соглашенія державъ считалъ неустойчивымъ, обнаружившимъ лишь коварное поведеніе австрійскаго министерства, интриги Франціи, зависть Англіи и колебанія прусскаго кабинета.

При составленіи главнаго трактата послѣ конгресса графъ Нессельроде былъ съ княземъ Разумовскимъ и графомъ Штакельбергомъ. Императоръ Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что союзъ четырехъ великихъ державъ, утвержденный трактатомъ 5-го ноября 1815 года, долженъ служить крѣпкимъ основаніемъ для европейскаго мира. Поэтому вся политика Россіи въ это время была направлена къ закрѣпленію дружественныхъ узъ. Съ этой цѣлію Императоръ часто писалъ собственноручныя письма къ императору Францу. Съ особенною же убѣдительностію и рвеніемъ развивалъ мысли Императора графъ Нессельроде, который желалъ страст-

но мира и въ этомъ желаніи хотѣлъ даже безусловно довѣрять союзницамъ. Но графъ Капидострія относился съ гораздо большимъ недовѣріемъ къ политическимъ стремленіямъ Вѣнскаго кабинета, которымъ неограниченно руководилъ Меттернихъ. А нашъ вѣнскій посланникъ графъ Штакельбергъ былъ до мозга костей проникнутъ подозрительностію къ Меттерниху. Поэтому графъ Нессельроде, въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1817 года, упрекалъ Штакельберга за рѣзкость выраженія мнѣній и «безпощадность къ тѣмъ, которые также думаютъ, что истина на ихъ сторонѣ». Графу Штакельбергу представляли на видъ, что онъ долженъ убѣждать другихъ не своимъ авторитетомъ, а увлекательностію доводовъ.

Будучи уже въ 1817 году управляющимъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, вмѣстѣ съ графомъ Каподистрія, былъ уполномоченнымъ Россіи на конгрессѣ въ силезскомъ городкѣ Троппау въ 1820 году. Русскіе уполномоченные не могли не замѣтить, что австрійскій канцлеръ опровергалъ въ засѣданіяхъ ихъ предложенія, чтобы впослѣдствіи къ нимъ возвратиться опять, но какъ уже къ своимъ. Графъ Нессельроде поддавался тактикѣ и идеямъ Меттерниха; онъ готовъ былъ идти навстрѣчу австрійскимъ проектамъ и соединиться съ вѣнскимъ кабинетомъ противъ революціи; но въ этомъ случаѣ и графъ Каподистрія не уступалъ ему въ довѣрчивости. Даже самъ Императоръ, послѣ заключенія іюльской конвенціи, въ 1828 году, на докладѣ графа Нессельроде написалъ собственноручно: да будетъ 1000 разъ благословенъ Богъ и понадѣемся, что все пойдетъ къ лучшему!» Такъ были чисты намѣренія нашего правительства и такъ велико было ихъ довѣріе къ союзникамъ. Но русскому правительству очень скоро пришлось разубѣдиться въ искренности Австріи. Когда Россія вступила въ войну съ Турціей, державы, въ томъ числѣ и Австрія, предположили помѣшать успѣху русскаго оружія. Графъ Нессельроде телеграфировалъ Татищеву, что отношенія между Россіей и Австріей ухудшаются съ каждымъ днемъ. При этомъ онъ увѣрялъ, что вмѣшательство четырехъ дер-

жавъ было бы ничѣмъ инымъ, какъ коалиціей противъ Россіи, которая однако готова защищаться до послѣдней степени; условія же мира при европейскомъ вмѣшательствѣ могутъ сдѣлаться еще болѣе тяжелыми для Турціи. Послѣ этого и былъ заключенъ знаменитый Адріанопольскій миръ.

На престолъ вступилъ Императоръ Николай, который также награждалъ графа Нессельроде своимъ довѣріемъ. Императоръ австрійскій поздравлялъ Императора Николая съ славнымъ окончаніемъ войны, но упрекалъ Россію въ разстройствѣ союза четырехъ державъ, что вслѣдствіе этого революціонный духъ въ Европѣ распространяется. Государь Императоръ приказалъ объявить, что Вѣнскій кабинетъ самъ разстроилъ союзъ потворствомъ Турціи. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1829 годъ, графъ Нессельроде также подвергалъ политику вѣнскаго кабинета строгой критикѣ. Такимъ твердымъ и обдуманнымъ образомъ дѣйствій графъ Нессельроде заставилъ наконецъ, Меттерниха сознаться, что только въ союзѣ съ Россіей Австрія можетъ пріобрѣсть рѣшительное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Графъ Нессельроде старался сохранить дружескія отношенія по возможности со всѣми государствами, но относительно Англіи онъ ничего не могъ сдѣлать. Поэтому онъ рѣшилъ воспользоваться возникшимъ въ то время бельгійскимъ вопросомъ, который считалъ единственнымъ, гдѣ Россія можетъ разсчитывать на содѣйствіе Англіи. 25 октября 1830 года онъ заявлялъ, что русское правительство согласно требовать отказа Франціи отъ притязаній на подчиненіе Бельгіи: 1) если король голландскій того потребуетъ, 2) если Англія отнесется съ большею справедливостію къ голландцамъ и 3) если континентальныя державы согласятся на счетъ мѣръ для защиты Голландіи. Занятіе голландской территеріи французскими или англійскими войсками онъ считалъ за casus belli—въ концѣ 1832 года.

Въ 1829 году, какъ членъ комитета для изученія вопроса о распаденіи имперіи Османлисовъ, графъ Нессельроде представилъ замѣчательный меморандумъ, въ которомъ доказывалъ, на сколько въ интересахъ Россіи нежелательно

разрушенія Турціи. На основаніи строго логическихъ соображеній, онъ предлагалъ созвать въ С.-Петербургѣ международный конгрессъ для рѣшенія участи земель, входящихъ въ составъ Турціи, если послѣдняя окончательно распадется. Однако имъ, какъ вице-канцлеромъ Его Величества Императора Россійскаго, была подписана конвенція, направленная къ раздѣленію Оттоманской имперіи, 18-го сентября 1833 года. Значитъ, его слова нужно считать только необходимымъ предостереженіемъ отъ возможныхъ увлеченій.

Графъ Нессельроде былъ ревностнымъ поборникомъ мѣръ противъ революціи. Еще въ 1832 году онъ осуждалъ французское правительство за потворство революціонерамъ. Онъ говорилъ, что французское правительство, не имѣя ни силы, ни авторитета, держится только посредствомъ лести тщеславію врага всѣхъ правительствъ. Онъ призывалъ Австрію и Пруссію къ соглашенію съ Россіею относительно взаимной помощи противъ враговъ общаго порядка. Графу Нессельроде не легко было устранить всѣ препятствія воздвигнутыя со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ при Берлинскомъ дворѣ. Но наконецъ онъ достигнулъ того, что, подъ условіемъ сохраненія глубочайшей тайны, была подписано уполномоченными трехъ державъ Берлинская конвенція 15 октября 1833 года.

Произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, графъ 13-го іюля 1840 года подписалъ конвенцію, обезпечивающую свободу судоходства по Дунаю.

Послѣ этого Карлъ Васильевичъ Нессельроде принималъ участіе во всѣхъ извѣстныхъ событіяхъ, оправдывая пріобрѣтенное имъ названіе искуснаго дипломата, пока, наконецъ, назначенъ былъ государственнымъ канцлеромъ, въ какомъ званіи и оставался до 15-го апрѣля 1856 года. Теперь онъ въ своемъ лицѣ соединялъ власть и внутреннюю, и внѣшнюю, и по возможности удовлетворялъ своей высокой роли. Послѣ же означеннаго срока онъ взялъ отставку и умеръ въ С.-Петербургѣ, въ 1862 году.

IV.

Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ-Италійскій.

(1729—1800).

Имя нашего великаго полководца Александра Васильевича Суворова пользуется не только всесвѣтною славою, но и огромною популярностью среди всѣхъ классовъ общества въ Россіи. Его громкіе подвиги, оригинальный складъ характера, простота привычекъ, отеческія отношенія къ солдатамъ—все это вмѣстѣ способствовало къ тому. Въ воображеніи народа мало-по-малу сложился типъ какого-то чудо-богатыря, для котораго не существуетъ ни преградъ, ни трудностей, который все преодолѣваетъ, которому все подчиняется и который у ступеней трона остается все тѣмъ же прямодушнымъ солдатомъ-рубакой, который спитъ на голой землѣ, встаетъ до пѣтуховъ и рубитъ правду-матку не стѣсняясь въ глаза. Анекдотовъ, рисующихъ своеобразный характеръ Суворова существуетъ цѣлая бездна. Если бы мы позволили себѣ привести здѣсь хоть половину ихъ, то принуждены были бы написать цѣлую книгу. Кромѣ того, мы рисковали бы дать нашимъ читателямъ исключительно матеріалъ, извѣстный имъ съ дѣтства. Потому мы выбираемъ иной путь и ограничиваемся бѣглой замѣткой въ хронологическомъ порядкѣ, намѣчающей главные моменты жизни и дѣятельности Суворова.

Суворовъ родился въ 1729 году, 13 ноября, въ Москвѣ. Суворовы происходили отъ шведской дворянской фамиліи,

Александръ Суворовъ

переселились въ Россію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Отецъ Александра Васильевича былъ крестникомъ Петра Великаго и умеръ въ чинѣ генералъ-аншефа, въ 1776 году. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный; сына, по причинѣ слабаго здоровья, готовилъ къ гражданской службѣ и воспитаніемъ его занимался сначала самъ, но ребенокъ оказалъ сильное влеченіе къ военнымъ наукамъ и потому былъ въ 1742 году отданъ въ сухопутный кадетскій корпусъ и записанъ солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Въ 1754 году Суворовъ былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ поручика арміи. Въ 1761 году, будучи полковникомъ, онъ удивлялъ своею храбростію, сражаясь противъ Фридриха Втораго, въ отрядѣ генералъ-маіора Берга. По окончаніи прусской войны, въ 1762 году, онъ былъ переведенъ полковникомъ же въ Астраханскій пѣхотный полкъ, а въ 1763 году въ Суздальскій.

Съ 1768 года до 1773 года, Суворовъ пробылъ въ Польшѣ, усмиряя конфедератовъ со своею обычною неутомимостію. За этотъ періодъ времени, замѣчательными дѣлами были: разбитіе отдѣльныхъ шаекъ подъ Ландскроною, Пулавскаго у Замостья и Огинскаго подъ Становичами. Въ 1772 году занятъ Краковъ. Въ это время Суворовъ получилъ чинъ генералъ-маіора и ордена св. Анны, св. Георгія и св. Александра Невскаго.

Въ 1773 году Суворовъ, по собственному желанію, поступилъ въ армію Румянцева-Задунайскаго, выступавшую противъ турокъ. Хотя онъ началъ побѣдою, но навлекъ на себя неудовольствіе Румянцева, такъ какъ занялъ Туртукай, не смотря на приказаніе Румянцева къ отступленію и сознавая всю важность занятаго положенія, не винясь въ нарушеніи дисциплины, рапортовалъ Императрицѣ о своемъ подвигѣ стихами:

Слава Богу! слава Вамъ!
Тýртукай взятъ—и я тамъ!

Разгнѣванный Румянцевъ хотѣлъ примѣнить къ нему всю строгость закона, т. е. судить военнымъ судомъ, но

Великая Екатерина взглянула на это иначе, со своимъ обычнымъ великодушіемъ и справедливостію, написавъ на докладѣ Румянцева: «побѣдителя не судятъ», наградила его орденомъ св. Георгія 2-го класса, а за побѣду подъ Гирсовомъ—чиномъ генералъ-поручика.

Въ 1774 году, когда Елецкій комендантъ Симоновъ былъ осажденъ Пугачевымъ, Суворовъ явился къ нему на помощь, захватилъ самозванца, отправилъ подъ конвоемъ въ Симбирскъ, гдѣ и сдалъ его главнокомандующему, графу Панину. Въ томъ же 1774 году, Суворовъ помогъ Каменскому подъ Козлуджи, они одержали побѣду надъ сорокатысячнымъ турецкимъ войскомъ. Екатерина, празднуя въ 1775 году миръ съ Турціею, пожаловала Суворова золотою съ брилліантами шпагою и сдѣлала начальникомъ петербургской дивизіи.

Въ 1777 году, принявъ начальство надъ войсками князя Прозоровскаго, онъ разбилъ хана Девлетъ-Гирея, преданнаго Турціи, и содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи ханомъ Шагинъ-Гирея. Въ эти годы Суворовъ много трудился подъ начальствомъ Потемкина надъ дѣлами Турціи, Кавказа и Крыма, за это время были переселены греки и армяне, въ большомъ числѣ, въ Екатеринославскую губернію; основаны города Маріуполь и Нахичевань. Устроивъ дѣла съ Турціею и по случаю болѣзни получивъ увольненіе, Суворовъ въ 1779 году пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ милостями Императрицы: назначенъ командиромъ Малороссійской дивизіи, получилъ брилліантовую звѣзду ордена св. Александра Невскаго и табакерку, осыпанную брилліантами, съ портретомъ ея Величества. Орденомъ св. Владиміра 1-й степени Суворовъ былъ награжденъ въ 1783 году за покореніе Крыма и приведеніе въ подданство Россіи нагайскихъ татаръ.

Въ 1786 году, когда Екатерина посѣтила городъ Кременчугъ близъ котораго Суворовъ стоялъ со своимъ корпусомъ, она сверхъ того еще наградила его второй табакеркой съ брилліантовымъ вензелемъ Ея Величества. Когда миръ съ Турціей былъ нарушенъ, Суворовъ, со ввѣренными

ему войсками, разбилъ многочисленный турецкій корпусъ, оперировавшій подъ прикрытіемъ сильнаго флота, заставилъ его обратиться въ бѣгство и искать спасенія на корабляхъ, большинство турокъ погибло. Въ этомъ бою Суворовъ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку и картечью въ бокъ. Императрица при собственноручномъ рескриптѣ наградила его орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

1788 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Суворова: при осадѣ Очакова, удачно гонясь за турками, сдѣлавшими вылазку, возлѣ крѣпости, въ которую онъ ужъ былъ готовъ проникнуть, съ нѣсколькими отрядами гренадеръ, герой палъ почти замертво, сраженный пулей, ударившей въ шею. Раненый Суворовъ былъ перенесенъ въ Кинбурнъ, потомъ въ Кіевъ. Къ физическимъ страданіямъ присоединилось нравственное. Потемкинъ обвинилъ его въ начатіи боя безъ разрѣшенія. Но когда Суворовъ оправился отъ болѣзни, Императрица вызвала его въ Петербургъ и опять явилась защитницей и въ замѣнъ отставки, которую просилъ оскорбленный полководецъ, украсила брилліантовымъ перомъ его каску съ изображеніемъ буквы К. (Кинбурнъ), примирила съ Потемкинымъ и назначила начальникомъ надъ корпусомъ генерала Дерфельдена для похода противъ Турціи, въ которомъ участвовали австрійцы подъ предводительствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго. Тутъ Суворовъ съ 35,000 арміей уничтожилъ 40,000 армію турецкую. Слѣдующая, еще блистательнѣйшая побѣда, была на берегахъ Рымника, гдѣ онъ на голову разбилъ 100,000 армію верховнаго визиря, имѣя маленькое войско, состоящее изъ русскихъ и австрійцевъ. За эту славную побѣду онъ получилъ графское достоинство съ наименованіемъ Рымникскаго, шпагу съ надписью: побѣдителю верховнаго визиря, Андреевскую звѣзду, украшенную брилліантами и орденъ св. Георгія 1-й степени. Взятіе въ 1790 году города Измаила, укрѣпленнаго французскими инженерами, закончило его побѣды надъ турками. За это славное дѣло Суворовъ опять не былъ награжденъ по заслугамъ, благодаря своей честной прямотѣ, которую не умѣлъ цѣнить высокомѣрный Потемкинъ. На во-

просъ Потемкина: «Чѣмъ я могу наградить ваши заслуги», Суворовъ отвѣтилъ: «Ваша свѣтлость, я не купецъ и не торговаться пріѣхалъ къ вамъ. Меня наградить, кромѣ Бога и всемилостивѣйшей Государыни, никто не можетъ». Смѣлый отвѣтъ лишилъ героя ожидаемаго фельдмаршальскаго жезла, вмѣсто котораго ему былъ данъ чинъ подполковника преображенскаго полка, да золотая медаль, выбитая въ память взятія Измаила. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало назначеніе его въ Финляндію для укрѣпленія ея границъ со Швеціею.

Въ 1793 году, уже послѣ смерти Потемкина, Суворовъ былъ награжденъ Императрицею брилліантовымъ перстнемъ и эполетомъ, стоимостію въ 60,000 рублей, при собственноручномъ ея рескриптѣ.

Польская революція 1794 года вызвала Суворова снова на поле битвы съ его поста начальника войсками Екатеринославской губерніи и Крыма. Суворовъ принялъ начальство надъ войсками, стоящими въ Польшѣ; выступилъ въ походъ 14 августа съ небольшимъ отрядомъ; 27 августа прибылъ въ Брестъ; 6 сентября при Крупчицѣ разбилъ семнадцатитысячный корпусъ Сераковскаго, чрезъ два дня, въ новомъ бою съ Сераковскимъ и Костинскимъ, взялъ всю ихъ артиллерію. Изъ Станиславова, совмѣстно съ корпусомъ Ферзена, 14 октября, вошолъ въ Прагу послѣ упорнаго сопротивленія поляковъ съ значительно большимъ противъ его войскъ числомъ, засѣвшимъ въ хорошо укрѣпленномъ предмѣстіи. Тутъ уже ничего не мѣшало наградамъ побѣдителя: отъ Государыни онъ получилъ чинъ фельдмаршала и 7000 душъ крестьянъ; отъ Прусскаго короля, ордена чернаго и краснаго орловъ; отъ Австрійскаго государя его портретъ съ брилліантами.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, Суворовъ, по интригамъ враговъ, долженъ былъ оставить службу и посѣлился въ своемъ имѣніи, въ селѣ Коганскомъ, находящимся въ Новгородской губерніи, Боровичевскаго уѣзда. Слѣдя за политическими событіями и побѣдами Наполеона, онъ повторялъ: «Пора, пора унять молодца, посмотрите какъ онъ шагаетъ!» Пора наступила. Въ февралѣ 1779 года

онъ былъ вызванъ Государемъ въ Петербургъ, милостиво принятъ и удостоенъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, гросмейстеромъ котораго состоялъ самъ Государь. Когда Суворовъ, благодаря Государя, воскликнулъ: «Боже спаси Царя!» то получилъ въ отвѣтъ: «Иди ты спасать царей!» Суворовъ былъ избранъ, согласно желанію союзницъ Россіи, Австріи и Англіи главнымъ начальникомъ надъ австро-россійскою арміею и послѣ совѣщанія въ Вѣнѣ съ Францомъ II отправился въ Сѣверную Италію. Изъ Вероны Суворовъ, 14 апрѣля, выступилъ съ союзными войсками впередъ, принудилъ отступить за Адду Моро, преслѣдовалъ его, ибратилъ въ бѣгство и 29 апрѣля вошолъ въ Миланъ. Послѣ вторичнаго пораженія Моро, котораго онъ оттѣснилъ въ Генуэзскія области и Макьдональда, разбитаго при Требіи, всѣ французскія крѣпости сдались, Италія была свободна отъ враговъ.

Суворовъ не смогъ закончить славныя побѣды по причинамъ, отъ него независящимъ, ему велѣно было идти въ Швейцарію, чтобы и изъ нея изгнать французовъ, не смотря на его справедливыя возраженія противъ похода въ горы съ утомленною арміей, да еще позднею осенью. Перейдя Сенъ-Готардъ съ великимъ трудомъ, онъ узналъ, что корпусъ Корсакова разбитъ Массеной подъ Цюрихомъ, а корпусъ Госице—Сультомъ на Лимматѣ. Австрійцы, не дождавшись его прибытія, оставили Швейцарію. Послѣ всего случившагося, конечно, нельзя было разсчитывать на побѣду, имѣя только 20,000 изнуреннаго войска, противъ непріятеля, обладающаго большими силами. Отступленіе было необходимо. Отступивъ, Суворовъ прибылъ въ Граубинденъ чрезъ верхній Рейнъ. Императоръ возвелъ Суворова въ званіе генералиссимуса, наградилъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя съ наименованіемъ Италійскаго и своимъ портретомъ для ношенія на груди. Австрійскій Императоръ прислалъ орденъ Маріи Терезіи 1-й степени. Король Сардинскій наименовалъ его своимъ фельдмаршаломъ и пожаловалъ титулъ гранда. Короли Неаполитанскій и Баварскій — своими орденами высшихъ степеней.

Возвращаясь въ Россію, въ Краковѣ Суворовъ заболѣлъ и, пріѣхавъ въ свое имѣніе Кобрино, слегъ въ постель, затѣмъ, не излечась вполнѣ, поѣхалъ въ Петербургъ, но достигъ его почти умирающимъ. 6 мая послѣдовалъ выносъ его тѣла, сопровождаемый народомъ, въ Александро-Невскую лавру. На его монументѣ вырѣзано, согласно его завѣщанію, только: «Здѣсь лежитъ Суворовъ». Императоръ Александръ I воздвигъ ему бронзовый памятникъ, работы Козловскаго, который находится на площади близъ Мраморнаго дворца, въ С.-Петербургѣ.

V.

Иванъ Андреевичъ

Крыловъ.

Большинство русскихъ, да, пожалуй, и общенародныхъ талантовъ возникало изъ бѣдности, изъ низкихъ слоевъ общества, но всегда изъ здоровой, незараженной зловредными миазмами порока и свѣтлой, незапятнанной преступленіями атмосферы. Такъ и Крыловъ возникъ на лонѣ честной трудовой жизни. Отецъ Ивана Андреевича былъ бѣдный армейскій офицеръ, которому вскорѣ послѣ рожденія Ивана Андреевича, — 2 февраля 1768 года — изъ Москвы пришлось отправиться на востокъ Россіи, въ Оренбургскую губернію. Въ Оренбургѣ въ то время «пошаливалъ» Пугачевъ, который до того былъ озлобленъ распорядительностію капитана Крылова, что рѣшилъ въ своемъ поспѣшномъ и преждевременно торжествующемъ умѣ повѣсить его семейство, и нашъ, тогда еще маленькій, баснописецъ не избѣжалъ бы злой участи. Однако Пугачевъ былъ схваченъ и казненъ, а отецъ баснописца счелъ нужнымъ сложить съ себя доспѣхи Марса и перейти къ мирнымъ занятіямъ гражданскимъ. Новый родъ службы перенесъ его въ Тверь, членомъ губернскаго магистра. Очень можетъ быть, что Андрей Прохорычъ искалъ себѣ болѣе широкой дѣятельности, большаго обезпеченія и большаго спокойствія, которое было такъ необходимо для семьи. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, какъ говоритъ народная пословица, и Андрею Прохоровичу не удалось еще освоиться съ новымъ

положеніемъ, какъ смерть похитила его у семьи и у нашего баснописца. Къ лучшему ли это было, сказать, конечно, нельзя; обыкновенно же это считается несчастіемъ. И въ самомъ дѣлѣ потерять отца въ десять—двадцать лѣтъ, сколько тогда было маленькому Крылову,—это почти всегда значитъ лишиться возможности получить болѣе полное, болѣе солидное образованіе. Если же мы возьмемъ бѣдный чиновническій кругъ, то положенія семейства, лишившагося «кормильца», представляется намъ во всей наготѣ своей безвыходности—хотя-бы изъ скуднаго запаса изъ прежнихъ достатковъ на черный день и безъ всякой надежды на какое нибудь пособіе отъ правительства, если чиновникъ не выслужилъ пенсіи. Въ такомъ именно положеніи очутилась мать Крылова, Марья Алексѣевна, въ такомъ положеніи очутился самъ будущій великій баснописецъ; и нѣкоторыя аналогіи невольно напрашиваются сознанію, говоря уму, что, быть можетъ, безъ этого и самъ Крыловъ не былъ бы тѣмъ Крыловымъ, какимъ мы его знаемъ. Жизнь превратна, незначительныя отступленія производятъ неузнаваемые результаты, все измѣняется самымъ удивительнымъ образомъ. Между тѣмъ и при имѣвшемъ мѣсто ходѣ обстоятельствъ Крыловъ сдѣлался великимъ—кто знаетъ, былъ-ли бы онъ выше, еслибы судьба распорядилась его жизнію иначе?

Такимъ образомъ, Иванъ Андреевичъ имѣлъ первымъ и почти единственнымъ своимъ учителемъ свою мать, которая могла выучить его русскому чтенію и письму. Нельзя думать, чтобы мать Ивана Андреича задавалась какими нибудь особенными цѣлями дать сыну возможность къ болѣе полному образованію—она, вѣроятно, не имѣла этихъ претензій; если же она и учила его французскому языку, то только потому, что французкій языкъ тогда былъ въ модѣ, и для нея представлялось не очень затруднительнымъ «офранцузить» хотя немного сына: ей стоило только посылать его къ гувернеру губернаторскихъ дѣтей. Если же бы она, Марья Алексѣевна, признавала и чувствовала, что образованіе для сына—все, тогда бы она нашла способы его образовать, хотя и обрекая себя на всевозможныя лишенія и жертвы.

Но Марьѣ Алексѣевнѣ, мы думаемъ, нужно было одно: чтобы сынъ ея научился писать и могъ перепиской кой-что заработать для поддержанія собственной жизни и жизни своей матери. Пожалуй, при той бѣдности и нуждѣ, которая тяжелымъ бременемъ лежала на одинокой женщинѣ, и въ голову не приходитъ думать о полномъ образованіи; да и мы не думаемъ судить мать нашего знаменитаго дѣдушки, а только констатируемъ фактъ, имѣвшій то или другое вліяніе на развитіе таланта. Мы и той заслугѣ матери Ивана Андреевича, что она сама научила его читать и писать, отдаемъ долгъ справедливаго вниманія; она этимъ все таки дала возможность сыну такъ или иначе воспользоваться тѣмъ богатствомъ, которое состояло въ сундукѣ съ книжками, оставленными въ наслѣдство сыну его отцомъ. Крыловъ, при помощи свѣдѣній, полученныхъ отъ матери, и богатства, оставленнаго отцомъ, пристрастился къ чтенію и, что главное, научился восполнять недостатокъ своего образованія чтеніемъ книгъ, т. е. самостоятельно. Онъ до того проникся этой необходимостью ученья, этой жаждою знаній, что по пріѣздѣ матери въ Петербургъ за произведеніе своей 14-ти лѣтней музы, оперу «Кофейница», взялъ съ книгопродавца на 60 рублей французскихъ книгъ — сочиненій Расина, Мольера и Буало. Онъ взялъ книги, а не деньги, хотя мать не получила пенсіи, для которой пріѣхала въ Петербургъ, и хотя онъ получалъ ежегоднаго жалованья по службѣ всего 24 руб. сер.

Черезъ шесть лѣтъ по пріѣздѣ въ Петербургъ Крыловъ лишился матери. Онъ остался одинъ, свободный дѣлать все, что ему угодно, необходимо было лишь доставать себѣ пропитаніе! Въ періодъ отъ смерти отца до смерти матери свободные часы Крыловъ часто проводилъ на базарѣ, площадяхъ, на плотѣ, куда стекались водовозы и прачки; здѣсь-то онъ и учился русскому языку и наблюдалъ свойства русскаго человѣка. Съ другой стороны, его служебная карьера (ему удалось поступить въ писцы, какъ только научился точно писать) ставила его въ ближайшее соприкосновеніе съ чиновничествомъ, столь тогда отличавшимся взяточни-

чествомъ и лихоимствомъ, неподдававшимся никакимъ распоряженіямъ правительства, ни какимъ преслѣдованіямъ власти, точно оно укоренилось со времени нашествія Монголовъ. Но вся эта подготовительная работа долго еще не имѣла у Крылова приложенія. Онъ, какъ мы выше замѣтили, на 15-мъ году выступилъ на литературное поприще подъ увлеченіемъ книгами изъ отцовскаго сундука. И послѣдующія за «Кофейницей» произведенія были полнымъ подражаніемъ волшебнымъ операмъ или драматическимъ произведеніямъ съ изображеніемъ иностранной жизни. Оригинальнаго въ драмахъ и комедіяхъ Крылова было очень мало и русскаго почти ничего. Да и современная ему сцена не представляла почти ничего русскаго, въ русскихъ драмахъ юношества Крылова были только русскія имена, но не было русской жизни. Тѣмъ не менѣе, Крыловъ все болѣе и болѣе пристращался къ этому роду произведеній, съ жадностью поглощалъ драма за драмою, пристращался къ театру, знакомился съ актерами и писателями. Изъ первыхъ можно назвать славнаго Дмитревскаго, изъ вторыхъ — знаменитаго въ свое время трагика нашего Княжнина. Эти два человѣка еще болѣе раздули въ немъ страсть къ театру, какъ оказалось впослѣдствіи, совершенно не имѣвшую основанія въ натурѣ паэта. Послѣ смерти матери, Крыловъ окончательно отдался литературѣ и театру; только, для большаго обезпеченія своей журнальной дѣятельности, онъ принялъ на себя также дѣло типографщика. Крыловъ писалъ въ это время неудачныя и скучныя трагедіи или же колкіе, смѣшные, но въ то же время и пустые разсказы. Недостатокъ образованія сказывался во всемъ: двѣ его неудачныя трагедіи «Клеопатра» и «Филомела» обнаружили его полное невѣжество относительно требованій исторической драмы или и относительно исторіи. Въ 1789 году Крыловъ издавалъ сатирическій журналъ «Почта Духовъ», гдѣ помѣщалъ свою «Переписку адскихъ духовъ» въ ненормальностяхъ русской жизни, особенно же о дурномъ воспитаніи дѣтей—въ щегольствѣ французскомъ языкомъ и въ пренебреженіи ко всему отечественному. Въ 1792 году онъ помѣщалъ свои мелкія

стихотворенія и множество другихъ своихъ статей и статеекъ въ новомъ своемъ изданіи, журналѣ «Зритель». Но и этомъ журналъ существовалъ недолго; онъ былъ перемѣненъ на «Петербургскій Меркурій». Здѣсь Крыловъ также помѣстилъ множество мелкихъ стихотвореній, нѣсколько драматическихъ театральныхъ очерковъ и непрестанно нападалъ на слабости и глупости современниковъ. Къ этому же времени относятся его комедіи: «Бѣшеная семья» (комическая опера), «Проказники» и «Сочинитель въ прихожей». Эти комедіи напечалъ въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», изданномъ академіей наукъ, и были играны на сценѣ, но дѣльнаго представляютъ мало — одно только безцвѣтное подражаніе неимѣющимъ достоинствъ образцамъ.

Послѣ этого начался періодъ серьезной работы Крылова надъ собою, продолжавшійся болѣе десяти лѣтъ. Онъ научился читать на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и италіянскомъ; научился рисовать; достигъ большого совершенства въ игрѣ на скрипкѣ. Въ это же время онъ погрузился въ свѣтскую жизнь, посѣщалъ общество, раздѣлялъ его склонности, развлеченія, кутежи—вообще старался освоиться съ людьми. Еще лучшей практической школой для него была жизнь въ качествѣ домашняго секретаря у рижскаго военнаго губернатора князя Голицина и домашнимъ учителемъ у него въ саратовскомъ имѣніи. Какъ другъ семейства, онъ провелъ у князя пять лѣтъ и научился обдуманно говорить и осторожно дѣйствовать въ средѣ чужихъ людей, научился примѣняться къ характерамъ и положеніямъ. Онъ пользовался также поѣздками и ярмарками для изученія духа русскаго народа. Въ 1807 году онъ напечаталъ двѣ комедіи «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и волшебную оперу «Илья Богатырь». Хотя онѣ были удачнѣе предшествовавшихъ опытовъ, но ими Крыловъ закончилъ свое служеніе Мельпоменѣ. Въ одну изъ поѣздокъ въ Москву, именно въ 1806 году, онъ познакомился съ извѣстнымъ живописцемъ Дмитріевымъ, и представилъ ему, какъ опытъ, двѣ переведенныя имъ басни Лафонтена, «Дубъ и Трость» и «Разборчивая Невѣста».

Когда Димитріевъ нашелъ басни прекрасными, Крыловъ перевелъ еще басню «Старикъ и трое молодыхъ». Эти три опыта убѣдили и самаго Крылова въ его истинной способности, и такимъ образомъ, Крыловъ вышелъ на свою дорогу съ того ложнаго пути, по которому онъ шелъ до этого времени. Въ 1808 году онъ напечаталъ 23 первыхъ своихъ басни, въ которыхъ дѣлалъ чудеса сочетаніемъ—словъ, пластикой образовъ, богатствомъ и глубиной содержанія. Ему было тогда 40 лѣтъ.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ ходъ развитія таланта Ивана Андреевича Крылова, пока онъ сталъ на тотъ путь, съ котораго болѣе уже не уклонялся, какъ кажется, ни однимъ взмахомъ пера. Мы видѣли, какимъ превратностямъ подвергалась до сорока-лѣтняго возраста жизнь нашего баснописца, видѣли, какъ онъ постепенно приближался и приближался къ тому идеалу, который былъ цѣлью его высшаго назначенія. Одно только прямо бросается въ глаза—то, что Иванъ Андреичъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, отъ пятнадцати и до сорока, не переставалъ питать своихъ симпатій къ литературѣ, хотя это постоянно не очень награждалось и съ матеріальной стороны, и со стороны внутренняго наслажденія достоинствами произведеній, потому что этихъ достоинствъ въ тогдашнихъ произведеніяхъ Крылова не было. Также почти рѣзко бросается въ глаза перемѣна его жизни и характера: Иванъ Андреевичъ изъ человѣка беззаботнаго, ставившаго себѣ искусственныя цѣли обогащенія посредствомъ умственной и издательской спекуляціи, вдругъ превращается въ сосредоточеннаго мужа, задающаго себѣ серьезныя, менѣе разчитанныя на «авось» цѣли, ведущія однако вѣрнымъ шагомъ къ благодѣтельнымъ слѣдствіямъ. Это какъ разъ было передъ созданьемъ басенъ, какъ будто-бы нравственная переработка требовалась ради высоты басни.

Русскіе государи Александръ Благословенный и Николай I оцѣнили національныя заслуги Ивана Андреевича и щедро его награждали. Императоръ Николай I чувствовалъ такое уваженіе къ уму и нравственному характеру баснописца,

что его бюстъ подарилъ сыну Наслѣднику Цесаревичу въ 1831 году. Императрица Марія Ѳеодоровна приглашала его къ себѣ и заставляла читать все, что у него было написано новаго, посылала ему цвѣты и во время одной болѣзни Крылова приняла въ немъ такое живое участіе, что онъ проникся самой глубокой къ Ея Величеству признательностію и написалъ прекрасную басню «Василекъ». Графъ Строгановъ также былъ его меценатомъ, какъ и А. Н. Оленинъ, двери дома котораго всегда были открыты для Крылова. Участіемъ этихъ покровителей Крыловъ для полной своей свободы и полнаго обезпеченія поэтической дѣятельности получилъ должность въ Императорской публичной библіотекѣ, куда, въ 1812 году, и переѣхалъ на жительство. Онъ велъ холостую жизнь и не заботился объ опрятности и убранствѣ своей квартиры; у него никогда не хватало усердія расположить вещи въ порядкѣ, хотя онъ и покупалъ иногда дорогую мебель, ковры и т. п.; въ скоромъ времени все у него покрывалось пылью и еще болѣе увеличивало безпорядокъ. Гораздо болѣе Иванъ Андреичъ былъ склоненъ къ идилліи, любилъ наблюдать жизнь животныхъ и птицъ, можно сказать, даже жилъ ихъ жизнію, сочувствовалъ ихъ радостямъ и горю, что и высказалось въ томъ пониманіи потребностей птицъ и животныхъ, какое всюду сквозитъ въ его басняхъ.

Крыловъ имѣлъ нѣкоторыя странности въ характерѣ, заставлявшія его принимать часто эксцентричныя рѣшенія, которыя сила воли позволяла ему выполнять съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Напримѣръ, разсказываютъ, что онъ рѣшался достигнуть совершенства фокусника въ устройствѣ вѣнка, играя разноцвѣтными шариками надъ головою, и употребилъ все свое терпѣніе и всю свою сообразительность, чтобы достигнуть этого. Такой же странностью представляется любовь его смотрѣть на пожары, которая поднимала Ивана Андреевича даже ночью съ постели и заставляла его бѣжать въ самыя отдаленныя улицы, не смотря на всю неподвижность его натуры и склонность къ домосѣдству. Онъ научился играть на скрипкѣ съ совершенствомъ виртуоза;

онъ производилъ замѣчательные рисунки, неучившись рисованію систематически. Но особенно давались ему иностранные языки: онъ понималъ въ совершенствѣ французскій, итальянскій и нѣмецкій; выучился англійскому языку, слушая, какѣ читала одна дама; онъ уже на 51-мъ году вздумалъ прочитать въ подлинникѣ Гомера и Анакреона, занялся имъ со всѣмъ свойственнымъ ему усердіемъ и чрезъ два года могъ читать греческія книжки почти такъ же хорошо, какъ и русскія. Всѣ эти странности показываютъ, какими необыкновенными способностями онъ отличался—показываютъ такъ же убѣдительно, какъ и его умѣнье совершенствовать и отдѣлывать басни. Еще разъ намъ приходится пожалѣть, что онъ не получилъ систематическаго образованія; мы побуждаемся къ этому желаніемъ взглянуть, что бы вышло изъ этого даровитаго человѣка, если бы ему были даны въ дѣтствѣ тѣ средства, которыя въ настоящее время считаются необходимыми для выполненія жизненныхъ цѣлей, для служенія своему высокому человѣческому призванію.

Такъ проводилъ свое время Иванъ Андреевичъ съ переселенія въ зданіе Публичной библіотеки, пописывая басенки и занимаясь по службѣ. Работа въ библіотекѣ была сидячая, и потому онъ еще болѣе привыкъ къ неподвижности, которая лежала въ основѣ его натуры. Обѣдалъ онъ въ англійскомъ клубѣ, а до обѣда никуда не выходилъ. Одно только семейство Олениныхъ онъ считалъ какъ бы своимъ и проводилъ тамъ вечеръ въ пріятной бесѣдѣ. Но онъ не отказывался также отъ приглашеній своихъ собратій по литературѣ, считая своимъ долгомъ общеніе съ тѣми, которые поставили себѣ въ жизни одну и ту же съ нимъ цѣль — просвѣщать любезное, дорогое отечество. Это были Державинъ, Нелединскій-Мѣлецкій, Капнистъ, Озеровъ, Димитріевъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Пушкинъ и др.

Въ 1811 году еще Иванъ Андреевичъ былъ избранъ въ члены Императорской Академіи Наукъ, а въ 1818 году, «въ ознаменованіе великой отъ его басенъ пользы русскому языку

и славы отечеству», Академія присудила ему золотую медаль.

Наступилъ 1838 годъ, когда Ивану Андреевичу Крылову исполнилось семьдесятъ лѣтъ и когда прошло полвѣка со дня выступленія его на литературное поприще впервые напечатаннымъ произведеніемъ-оперой «Филомела»». И вотъ, 2-го февраля, въ день рожденія нашего великаго баснописца, отпразднованъ былъ юбилей его пятидесяти-лѣтней литературной дѣятельности. Ходатайствомъ покровителей и настойчивостью друзей, испрошено было у Его Величества Государя Императора Николая Павловича соизволеніе на предполагаемое празднество. Устроенъ въ честь юбиляра обѣдъ, на которомъ присутствовало триста человѣкъ гостей съ министромъ просвѣщенія во главѣ. Государь Императоръ пожаловалъ юбиляру орденъ св. Станислава второй степени со звѣздою, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи пріѣзжали поздравлять его. Министръ просвѣщенія, Оленинъ, Жуковскій и другіе литераторы говорили поэту привѣтственныя рѣчи и читали стихи. Жуковскій, напримѣръ, благодарилъ Крылова, за «юношей прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній и за знаменитость имени, составляющаго сокровище отечества». Въ память этого событія, была выбита съ соизволенія Государя Императора медаль, на счетъ казны, съ изображеніемъ Крылова, а также открыта подписка для составленія капитала на стипендіи имени Крылова. Еще при жизни своей Крыловъ своимъ именемъ собралъ сумму, на которую воспитывалось двое сиротъ въ здѣшнихъ гимназіяхъ.

Въ 1841 году Иванъ Андреевичъ захотѣлъ отдохнуть и отъ той заботы, которую причиняла ему служба въ Публичной библіотекѣ. Получивъ съ Высочайшаго соизволенія пенсію въ 11,700 рублей ас., баснописецъ переселился съ этого времени на жительство къ своей крестницѣ, на Васильевскомъ островѣ, усыновилъ себѣ ея семейство и до смерти своей занимался съ ея дѣтьми грамотой или музыкой. Онъ умеръ 9-го ноября 1844 года. Погребеніе баснописца было совершено съ величайшими почестями на отпу-

щенныя отъ казны 9000 р. ас. Крылову, какъ члену, въ лицѣ своихъ представителей отдали послѣднія почести академія наукъ и с.-петербургскій университетъ. Знатнѣйшія особы государства наравнѣ съ людьми самаго простаго званія провожали гробъ до кладбища Александро-Невской лавры. Въ гробъ была положена медаль, выбитая въ честь имени Крылова; на груди лежали цвѣты, которые ему посылала Императрица Марія Ѳеодоровна и которые были священны для Крылова во всю его жизнь. Голову баснописца увѣнчивалъ тотъ самый лавръ, который былъ приготовленъ для юбилея.

Л. Шифнеръ

VI.

Академикъ Антонъ Антоновичъ Шифнеръ.

Ноября 4-го, 1879 года, Императорская академія наукъ понесла чувствительную утрату въ лицѣ члена своего Антона Антоновича Шифнера, который былъ на столько же любимъ и уважаемъ друзьями и близкими за прекрасныя свои личныя качества, какъ и уважаемъ всѣмъ ученымъ міромъ безъ изъятія въ Россіи и за границей за услуги, оказанныя наукѣ.

Францъ-Антонъ Шифнеръ родился 6-го іюля 1817 г. въ Ревелѣ. Въ 1831 поступилъ въ тамошнюю риттеръ-шуле, гдѣ какъ извѣстно воспитывался также и его знаменитый собратъ Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ, умершій года два тому назадъ. Изъ школы Шифнеръ вышелъ въ 1836 г. и поступилъ на юридическій факультетъ въ петербургскомъ университетѣ.

Двое выдающихся учителей ревельской школы, Плате и Пабстъ, оба замѣчательные знатоки классическихъ языковъ и классической древности и искусные толкователи греческихъ и римскихъ авторовъ, пробудили и питали въ Шифнерѣ склонность къ языкознанію и этой склонности онъ предался, вполнѣ лишь только окончилъ курсъ наукъ на юридическомъ факультетѣ. Впрочемъ, еще будучи въ университетѣ, онъ не пренебрегалъ изученіемъ древнихъ языковъ и доказательствомъ тому служитъ серебрянная медаль, полученная имъ за сочиненіе о Горація. Такимъ образомъ,

сдавъ экзаменъ въ 1840 г., онъ отправился въ берлинскій университетъ, и тамъ съ особымъ рвеніемъ предался изученію санскритскаго языка. Въ Берлинѣ онъ оставался до 1842 г., когда снова вернулся на родину.

Въ 1843 г. онъ былъ принятъ въ первую петербургскую гимназію старшимъ преподавателемъ латинскаго языка. Въ 1849 г. онъ смѣнилъ это мѣсто на мѣсто учителя греческаго языка, а за нѣсколько лѣтъ до того вступилъ на службу въ академіи въ качествѣ консерватора, каковая должность предоставлена была ему стараніями Бэра.

Такъ какъ Шифнеръ въ теченіе шести лѣтъ прилежно занимался изученіемъ тибетскаго языка и академіей были уже изданы разныя его сочиненія по этому предмету, между прочимъ и о буддизмѣ, то академія избрала его 5-го іюня 1852 г. въ адъюнкты тибетскаго языка и литературы. Два года спустя, въ 1854 г., онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ академикомъ. Въ 1856 г.—директоромъ этнографическаго музея, должность котораго исполнялъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока названный музей не слился съ антропологическимъ музеемъ. Съ 1863 г. Шифнеръ принялъ на себя, послѣ выхода въ отставку академика Бэра, и обязанности библіотекаря II отдѣленія академической библіотеки.

Дѣятельность и заслуги Шифнера нашли должную оцѣнку въ Россіи, но еще болѣе за-границей уже въ 1862 г. Іенскій университетъ избралъ его докторомъ философіи. Онъ былъ дѣйствительнымъ, почетнымъ членомъ-корреспондентомъ большей части ученыхъ обществъ въ Германіи, Англіи, Франціи и Голландіи. Покойный король Іоаннъ Саксонскій, бывшій самъ замѣчательнымъ ученымъ, пожаловалъ ему орденъ Альбрехта 1-й степени.

Сколько Шифнеръ выдавался, какъ ученый, сколько-же замѣчателенъ онъ былъ, какъ человѣкъ. Отличительную черту его характера составляла безграничная услужливость и рѣдкая доброта. Каждому, кто обращался къ нему за совѣтомъ или помощью, онъ готовъ былъ служить съ полнымъ самоотверженіемъ. Сотни нуждавшихся онъ достав-

лялъ мѣста и занятія, чему не мало способствовали его обширное знакомство и связи. Правда, что люди, пользуясь этимъ, нерѣдко злоупотребляли его добротою, но это ничуть не удерживало его отъ постояннаго сочувствія чужой бѣдѣ.

Обширная дѣятельность на пользу чужихъ интересовъ ни мало не мѣшала однако научными занятіямъ Шифнера. Отъ природы онъ былъ надѣленъ феноменальной памятью и этотъ счастливый даръ облегчалъ ему научныя занятія, сохраняя много времени, употребляемаго другими на справки и перерываньe въ книгахъ. Всѣ названія послѣднихъ онъ удерживалъ тотчасъ, равно какъ и ихъ содержаніе. Кромѣ замѣчательной помяти, онъ обладалъ также драгоцѣнной способностью читать необыкновенно быстро, разумѣется, также быстро и прочно усвоивая прочитанное; поэтому, онъ былъ настолько свѣдущъ въ библіографіи такихъ отдѣловъ, которые вовсе не принадлежали къ кругу его дѣятельности, что могъ давать указанія даже спеціалистамъ.

Въ какой мѣрѣ Шифнеръ обладалъ знаніями, можно видѣть изъ разнообразія языковъ и предметовъ, о которыхъ говорится въ его сочиненіяхъ. Большая часть изъ нихъ состоитъ изъ громадныхъ самостоятельныхъ работъ; но есть конечно между ними и академическіе бюллетени, обработанные въ сотрудничествѣ съ другими учеными. Сверхъ того, Шифнеръ употребилъ много времени и трудовъ на переработку чужихъ собраній и приведеніемъ ихъ въ соотвѣтствующую научную форму, а также и на переводы сочиненій, напечатанныхъ на мало-знакомыхъ языкахъ, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ доступными большему кругу читателей,

Главнымъ предметомъ его академическихъ занятній былъ буддизмъ и состоящіе въ связи съ нимъ языки: санскритскій, тибетскій и монгольскій. Къ нимъ онъ постоянно возвращался послѣ работъ по другимъ областямъ знанія. Къ этой-же категоріи относится и его послѣднее сочиненіе, печатаніе котораго было прервано его смертію. Изученіе санскритскаго языка предшествовало другимъ, затѣмъ подъ вліяніемъ

труда Бурнуфа о буддизмѣ, онъ сталъ заниматься тибетскимъ и монгольскимъ.

Сверхъ того, Шифнеръ чрезвычайно интересовался миѳами, сказаніями и преданіями разныхъ народовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ затѣмъ, какъ одна и та же основная идея, переходя отъ одного племени къ другому, разукрашивается подробностями, видоизмѣняясь сообразно племенному различію ихъ характеровъ. Изслѣдованія его монгольскихъ и тибетскихъ сказаній въ высшей степени замѣчательны.

Почти одновременно съ началомъ занятій тибетскимъ нарѣчіемъ, Шифнеръ, заинтересованный финскимъ національнымъ эпосомъ Калевала, обратился къ изученіи финскаго языка. Результатомъ этихъ занятій былъ, между прочимъ переводъ Калевалы.

Происхожденіе словъ и сравнительное языкознаніе служили тоже для Шифнера предметомъ серьезнаго изученія. Его громадная начитанность, знаніе многихъ языковъ и необыкновенная память служили ему при этомъ важнымъ подспорьемъ.

Дальнѣйшимъ поводомъ къ изученію финскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ послужило изданіе изслѣдованій и путешествій Кастрена, возложенное на него академіей вскорѣ послѣ его избранія членомъ, а результатомъ этихъ занятій явилось нѣсколько самостоятельныхъ трудовъ по названному предмету.

Имѣя возможность ознакомиться въ Петербургѣ съ представителями различныхъ народностей, населяющихъ Россію, и устно почерпнуть отъ нихъ матерьялъ для сравнительнаго языкознанія, Шифнеръ не приминулъ обратить свое вниманіе также и на кавказскія нарѣчія. Его занятія ими начались уже въ 1854 г. Отчасти онъ самъ сбиралъ матерьялы, частью же пользовался посторонними источниками. Особенно важнымъ пособіемъ для него явилось этнографическое описаніе Кавказа барона П. фонъ Услара, изучившаго край на мѣстѣ.

Еслибъ мы вздумали привести здѣсь названія всѣхъ

сочиненій Шифнера, намъ пришлось бы исписать ими цѣлый листъ. Одинъ бѣглый взглядъ на массу оставленныхъ имъ послѣ себя трудовъ, на ихъ разнообразіе убѣждаетъ насъ, что смерть Шифнера, похитившая его въ зенитѣ умственныхъ и физическихъ силъ, незамѣнимая утрата для Академіи, на пользу которой онъ могъ со славой потрудится еще много и много лѣтъ.

Послѣ Шифнера осталась большая библіотека, которую семья покойнаго предложила купить бывшему министру народнаго просвѣщенія для Сибирскаго университета. Соизволенія однако отъ г. министра на это не послѣдовало. Ученый міръ весьма сожалѣетъ объ этомъ, такъ какъ цѣна за библіотеку была назначена самая умѣренная. Лейпцигская книгопродавческая фирма, купившая ее, заплатила почти вдвое дороже.

VII.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ 1783 году, 29 января, въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, принадлежавшемъ отцу его, богатому помѣщику, Аѳанасію Ивановичу Бунину. Мать Василія Андреевича была плѣнная турчанка, которую привезли своему господину русскіе крестьяне, отправившіеся въ первую турецкую войну въ лагерь Румянцева, въ качествѣ маркитантовъ. Красивая турчанка, Сальха, была окрещена, названа Елисаветой Дементьевной и поступила нянькою двухъ дочерей Бунина въ его домъ, когда ей было всего шестнадцать лѣтъ. Русскій помѣщикъ, представитель блаженной памяти крѣпостничества, прельстился хорошенькой дѣвушкой и, считая недостойнымъ себя любить няньку своихъ дѣтей, поселилъ бывшую Сальху въ отдѣльномъ флигелѣ своего дома, нисколько не стѣсняясь близостью жены, прекрасной женщины, одной изъ лучшихъ представительницъ русскихъ женъ — страдалицъ. Къ довершенію горя послѣдней, Бунинъ вскорѣ переселился во флигель и самъ, забывая свое многочисленное семейство, состоявшее изъ одиннадцати существъ мужскаго пола. Какъ бы въ наказаніе за это безсердечіе по отношенію къ своему семейству, Бунинъ въ непродолжительное время лишился шестерыхъ человѣкъ своихъ дѣтей, а вслѣдъ за ними умеръ и старшій сынъ, общій любимецъ, уже обучавшійся въ Лейпцигскомъ университетѣ. Велико было горе

Марьи Григорьевны—такъ звали жену Бунина, но она перенесла его въ твердостію и нашлось залечить эту сердечную рану, нанесенною утратой сына, поистинѣ героическимъ средствомъ. Марья Григорьевна приняла на себя материнскія обязанности по отношенію къ незаконному сыну своего мужа отъ ея слишкомъ счастливой соперницы, жившей во флигелѣ. Когда родился у «Салохи» сынъ, Марья Григорьевна согласилась на доводы Андрея Григорьевича Жуковскаго, проживавшаго по бѣдности у нея въ домѣ и усыновившаго сына Сальхи, позволить своей дочери, Варварѣ Афанасьевнѣ быть съ Жуковскимъ воспріемницей усыновленнаго имъ ребенка. Она даже приняла его въ свою семью и воспитывала наравнѣ съ своими дѣтьми. Она была такъ внимательна и даже нѣжна къ маленькому Жуковскому, что Афанасій Ивановичъ былъ тронутъ, возобновилъ свои прежнія отношенія къ женѣ и, умирая въ 1791-мъ году, ввѣрялъ своего незаконнаго сына исключительно своей законной супругѣ, съ полной надеждой, что она замѣнитъ ему мать и дастъ самое приличное воспитаніе, что Марья Григорьевна и оправдала съ необыкновенной полнотой и добросовѣстностью. Что касается собственно образованія или, еще частнѣе, обученія В. А. Жуковскаго, то оно по различнымъ причинамъ шло первоначально очень несистематично и неудачно. Еще къ шестилѣтнему Жуковскому былъ выписанъ изъ Москвы гувернеръ, который однако на собственномъ помѣщичьемъ сынѣ примѣнялъ систему царившаго тогда тѣлеснаго наказанія, а потому скоро и былъ удаленъ. Потомъ, передъ смертію, Бунинъ переселился на жительство въ Тулу, и Василій Андреевичъ здѣсь былъ отданъ въ нѣмецкій пансіонъ Христіана Филипповича Роде. Пансіонъ этотъ славился между обитателями Тулы, но на изнѣженнаго дома Жуковскаго не могъ подѣйствовать—ученье мальчику рѣшительно не давалось. Вслѣдъ затѣмъ Жуковскій былъ отданъ въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ былъ «докторъ философіи» и даже литераторъ Ѳеофилактъ Гавриловичъ Петровскій (по нѣкоторымъ біографамъ Покровскій), который и самъ любилъ называть

себя «философомъ горы Алаунской». Но это былъ педантъ, который, не умѣя внушить мальчику любви къ математикѣ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, не обратилъ вниманія на склонности Жуковскаго къ извѣстному отдѣлу наукъ и исключилъ его изъ училища за неспособность. Потомъ, когда Жуковскій получалъ домашнее образованіе, то въ массѣ учителей и гувернантокъ также нашелся одинъ весьма образованный молодой человѣкъ, который сказалъ о Жуковскомъ: изъ этого мальчика никакого толку не будетъ. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ дать Жуковскому научное образованіе въ какомъ нибудь заведеніи, роднымъ пришлось удовольствоваться лишь возможностію домашнихъ уроковъ. Тогда въ судьбѣ и воспитаніи Жуковскаго, по смерти его отца Бунина, приняла самое живое участіе крестная мать его, Варвара Афанасьевна уже Юшкова, которая жила въ Тулѣ и которой домъ былъ средоточіемъ всего научно и художественно образованнаго тульскаго общества. Нестолько обученіе, сколько образованіе давала Василью Андреевичу обстановка юшковскаго дома. Варвара Афанасьевна, сама женщина высокообразованная и любившая музыку, артистка въ душѣ и на практикѣ, собирала вокругъ себя всѣхъ любителей искусства и имѣла такое вліяніе на обитателей Тулы, что даже театръ косвеннымъ образомъ находился въ нѣкоторой отъ нея зависимости. Она устроивала у себя литературные и музыкальные, даже концертные вечера. Литературныя и музыкальныя произведенія появлялись и слушались здѣсь вслѣдъ за выходомъ ихъ въ свѣтъ. Карамзинъ и Дмитріевъ были хорошо знакомы этому кружку, и ихъ литературная дѣятельность подвергалась здѣсь даже критикѣ. Трудно даже представить себѣ въ провинціи то, что было въ Тулѣ у Варвары Афанасьевны Юшковой! И въ такой-то именно обстановкѣ развивался Василій Андреевичъ Жуковскій; здѣсь положено было прочное основаніе литературнымъ и также поэтическимъ наклонностямъ даровитаго мальчика. Но кромѣ этой, можно оказать, парадной, праздничной жизни, начинавшейся притомъ съ солнечнымъ заходомъ, была другая жизнь, буд-

ничная, которая имѣла не менѣе привлекательности. Одна идея, казалось, занимала хозяйку этого дома — идея необходимости прекрасной умственной и нравственной подготовки людей къ жизни, достойной имени человѣка. Домъ ея днемъ—это былъ пансіонъ, въ которомъ до двадцати человѣкъ дѣтей, все почти дѣвочекъ одного возраста, занимались съ массой учителей и гувернантокъ. Этому Жуковскій обязанъ нѣжнымъ и мечтательнымъ характеромъ своей музы, которая, подъ вліяніемъ обстановки, стала служить мальчику чрезвычайно рано, уже на двѣнадцатомъ году. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ по поводу пріѣзда Марьи Григорьевны Буниной изъ Мишенскаго (куда по смерти мужа она опять возвратилась) погостить у дочери въ Тулѣ, устроилъ большой праздникъ: перерядивъ всѣхъ дѣвочекъ отъ 17-ти лѣтняго возраста до 3-хъ лѣтняго возраста въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ, онъ представилъ написанную имъ для этого случая трагедію «Камиллъ или освобожденіе Рима»; исполняя самъ роль героя піесы, онъ и какъ авторъ, и какъ актеръ — заслужилъ вообще одобреніе. Это было первое произведеніе зародившагося таланта, и успѣхъ такъ польстилъ автору, что онъ сейчасъ же принялся за новую піесу «Павелъ и Виргинія», которая, кажется, по винѣ актеровъ, не понявшихъ ролей, потерпѣла однако fiasco...

Между тѣмъ родныхъ Жуковскаго не покидала мысль дать практическое направленіе молодымъ силамъ Жуковскаго, сдѣлать изъ него современемъ человѣка службы, и они готовы уже были удовлетвориться самымъ простымъ и самымъ модньмъ «маневромъ»—опредѣленіемъ Василья Андреевича въ военную службу, но помѣшалъ случай: человѣкъ, которому поручено было ходатайствовать о зачисленіи его въ полкъ, вдругъ потерялся изъ виду и возвратился только черезъ два года, ничего не сдѣлавши для Жуковскаго. Поэтому, когда мальчику исполнилось четырнадцать лѣтъ, заботливая Марья Григорьевна Бунина отвезла его въ благородный пансіонъ, учрежденный при московскомъ университетѣ. Къ этому времени относится смерть крестной матери Жуковскаго, Вар-

вары Афанасьевны Юшковой, въ которой онъ лишился самой нѣжной, внимательной и образованной воспитательницы, а вмѣстѣ съ нею и того общества дѣвочекъ, въ которомъ до сихъ поръ росъ. Но, къ полному счастію Жуковскаго онъ не только ничего не потерялъ въ образованіи своего ума и таланта, но даже много выигралъ, такъ какъ обстановка пансіонская и товарищескій кружокъ къ прежнимъ образовательнымъ элементамъ присоединилъ еще новые, болѣе живые. Самъ мальчикъ уже нѣсколько возмужалъ, развился и сдѣлался настолько самостоятельнымъ, что даже задавалъ тонъ въ товарищескихъ предпріятіяхъ. Такъ онъ во время предпріятія въ университетскомъ пансіонѣ основалъ общество подъ названіемъ «Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона», при открытіи его произнесъ рѣчь и единогласно былъ избранъ его предсѣдателемъ. Членами этого общества были почти всѣ старшіе воспитанники пансіона, цвѣтъ современной Жуковскому молодежи, среди которой попадаются всѣ болѣе или или менѣе громкія имена, какъ: Тургеневы, Блудовъ, Воейковъ, князь Вяземскій, Уваровъ, Дашковъ и др. Особенно характерно то обстоятельство, что Жуковскій съ поступленіемъ въ пансіонъ какъ-бы стряхнулъ съ себя умственную вялость и апатію, потому что съ этого времени, обучаясь двадцати наукамъ и пяти языкамъ, кромѣ того, музыкѣ, рисованію, гимнастикѣ, фехтованію, верховной ѣздѣ, оружейнымъ пріемамъ и танцамъ, онъ, облеченный въ красный суконный мундиръ съ золотымъ шитьемъ вдоль петлицъ на груди и бархатнымъ голубымъ воротникомъ, идетъ по успѣхамъ въ первыхъ ученикахъ, на актахъ получаетъ награды и при окончаніи курса удостоиваетса даже занесенія его на золотую доску... Но это было бы не полнымъ обозначеніемъ дѣятельности Василья Андреевича Жуковскаго въ пансіонѣ—онъ, кромѣ того, прочитывалъ отъ начала доконца, отъ корки до корки всѣ журналы, какіе попадали въ пансіонъ, и много другихъ книгъ. Но и это еще не все: Жуковскій писалъ и печаталъ различныя статейки и піесы въ изданіяхъ того времени и много переводилъ по заказамъ

книгопродавцевъ, получая довольно приличное по тому времени вознагражденіе. Онъ бралъ, правда, наполовину книгами. О средствахъ къ существованію ему нечего было заботиться: они доставлялись Марьей Григорьевной Буниной и отчасти вдовцомъ его матери крестной, Юшковымъ. Только карманныхъ денегъ онъ получалъ мало, и потому переводы были для него кстати. Первыми оригинальными произведеніями Жуковскаго въ то время были «Мысли (въ прозѣ) при гробѣ», написанныя и напечатанныя въ годъ смерти В. А. Юшковой и поступленія Жуковскаго въ пансіонъ, т. е. въ 1797-мъ году и стихотвореніе: «Майское утро», напечатанное тогда же (см. «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1797 г. часть XIV). Изъ переводовъ его, относящихся къ пребыванію въ пансіонѣ, можно отмѣтить одинъ, подъ названіемъ «Мальчикъ у ручья», въ которомъ Жуковскій проявилъ уже всѣ будущія свойства переводовъ, именно онъ далъ уже свое заглавіе переводу. Между тѣмъ при помощи переводовъ у него къ окончанію курса въ пансіонѣ составилась довольно значительная библіотека изъ сочиненій нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, которою онъ и рѣшился воспользоваться на свободѣ въ родномъ Мишенскомъ послѣ годичной службы въ какой-то соляной конторѣ— службы, о которой онъ впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ улыбки.

Идиллическая обстановка Мишенскаго, прекрасная природа, холмы, дубравы, ручейки, близость друзей дѣтства и все прекраснаго пола—дѣлали жизнь Василья Андреевича на родинѣ чрезвычайно привлекательною. Чтеніе поэтовъ и французскихъ романовъ дополняли прелесть положенія, и Жуковскій дѣйствительно проникся поэтическимъ настроеніемъ. Увлекательная романтическая поэзія нѣмцевъ и англичанъ совершенно завладѣла всей духовной природой молодого человѣка, такъ что онъ началъ подражать и переводить. Однако нельзя не видѣть, что выборъ Жуковскимъ сюжетовъ для перевода по большей части элегическихъ, обусловливается его собственнымъ настроеніемъ. Біографы недоумѣваютъ, отчего происходитъ это унылое настроеніе,

когда въ жизни Жуковскаго не было почти никакихъ серьезныхъ лишеній, никакихъ поводовъ къ разочарованію. Одни пытаются объяснить это тѣмъ, что будто-бы Жуковскому было постоянно больно смотрѣть, какъ его мать родные трактуютъ нѣсколько низко: она не пользуется тѣмъ вниманіемъ и тою симпатіей, какія выпали на его долю; между ней и родными все то не могло установиться задушевно-родственныхъ отношеній, въ какихъ онъ стоялъ ко всѣмъ въ домѣ, и это будто бы напоминало ему участіе въ его происхожденіи многихъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ условій. Другіе романтическое настроеніе Жуковскаго ставятъ въ зависимость отъ тѣхъ молодыхъ настроеній, которыя охватываютъ общества, особенно молодое, и которые не имѣютъ никакихъ основательныхъ причинъ для своего существованія. Но намъ представляется вѣрнѣе взглядъ Бѣлинскаго, который меланхолическій сантиментализмъ Жуковскаго объясняетъ общимъ свойствомъ юношескаго періода въ жизни каждаго человѣка. Есть поры въ жизни человѣка, говоритъ онъ, когда душу его наполняютъ безотчетныя стремленія, безпричинная тоска, когда человѣкъ ищетъ всего и ничего не находитъ, когда всякая ясность и опредѣленность стремленій представляются мертвяще-холодными, когда всякое удовлетвореніе его цѣлей выражается разочарованіемъ, или тогда кажется, что мы достигли совсѣмъ не того, къ чему стремились, не возвышеннаго и необъятнаго, а мизернаго и чувственно-грубаго... Кто не пройдетъ чрезъ чистилище этого безсознательнаго душевнаго состоянія, тотъ по Бѣлинскому не будетъ совершеннымъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, тотъ никогда не пойметъ прелести истины въ самой ея простотѣ. Зависимость отъ хода исторіи, о которой мы выше говорили, объясняетъ, почему Жуковскій и позже юношескаго періода обращался къ грустнымъ мативамъ; но еще болѣе утвердили его въ этомъ родѣ поэзіи личныя обстоятельства. Читатель помнитъ, что первой напечатанной вещью Жуковскаго была прозаическая статья «Мысли при гробѣ» его крестной матери. Теперь, въ Мишенскомъ, онъ получилъ извѣстіе

о смерти своего любимаго товарища Андрея Ивановича Тургенева, юноши, подававшаго блестящія надежды; извѣстіе это произвело самое тяжелое впечатлѣніе на нѣжную натуру Василья Андреевича, и онъ перевелъ подъ вліяніемъ этой утраты элегію Грея «Сельское кладбище». Всѣ окружающіе, или вѣрнѣе, окружающія дѣвушки, племянницы Жуковскаго и ихъ подруги, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за переводомъ, понравившемся съ самаго начала, и еще съ большимъ напряженіемъ ожидали, что-то скажетъ Карамзинъ, въ редактируемый которымъ «Вѣстникъ Европы» Жуковскій послалъ свою піесу—напечатаетъ ее или нѣтъ? Чуткій художественный вкусъ мишенскаго общества не обманулъ ожиданій: Карамзинъ не только напечаталъ стихотвореніе, но и отозвался о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, съ чѣмъ мишенскіе друзья и поздравили молодого поэта. Особенное значеніе этого стихотворенія то, что съ него собственно начался у насъ въ литературѣ мелодическій стихъ, который и обратилъ вниманіе Карамзина. Стихотвореніе «Сельское кладбище» очень сблизило двухъ писателей; для Жуковскаго же было важно въ томъ отношеніи, что онъ съ этого времени подпалъ вліянію Карамзина, которое отражается на всей послѣдующей дѣятельности Жуковскаго.

У насъ въ Россіи не было еще своихъ романистовъ, и страсть къ романамъ отчасти удовлетворялась, особенно въ высшемъ свѣтѣ, чтеніемъ французскихъ авторовъ. Но въ среднемъ кругѣ влеченіе къ романамъ было не меньше и возбудило множество переводовъ, находившихъ большой сбытъ. Книгопродавцы съ особенной жадностью пріобрѣтали переводы романовъ и даже дѣлали заказы. Жуковскій не былъ въ сторонѣ отъ общаго теченія, въ 1805-мъ году перевелъ «Донъ-Кихота» Сервантеса и перевелъ превосходно. Главное достоинство перевода — необыкновенно живой разсказъ и чистый слогъ, такъ что и теперь, по истеченіи семидесяти-пяти лѣтъ, читается довольно легко. Но съ 1806 года Жуковскій писалъ очень немного. Это объясняется тѣмъ, вѣроятно, что Жуковскій принялъ на себя нѣкоторыя

другія обязанности. Онъ, видя бѣдность и безпомощность сестры своей Екатерины Афанасьевны, не имѣвшей силъ и средствъ дать дочерямъ какое нибудь болѣе или менѣе основательное образованіе, дѣлается учителемъ своихъ двухъ племянницъ, и обращаетъ свое вниманіе и симпатіи на младшую изъ нихъ—Марью Андреевну. Самый способъ обученія носилъ романтическій характеръ: молодой человѣкъ ежедневно отправлялся пѣшкомъ въ сосѣдній Бѣлевъ, гдѣ Е. А. Протасова наняла домъ, и тамъ имѣетъ дѣло въ качествѣ учителя съ двумя существами прекраснаго пола... Вотъ почему Жуковскій, увлекшійся при томъ изученіемъ нѣмецкой романтической литературы, въ этомъ 1806-мъ году написалъ только одно стихотвореніе «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», напечатанное въ № 24-мъ «Вѣстника Европы» того же года. Здѣсь же, въ Бѣлевѣ, на завѣщанныя Бунинымъ 10,000 рублей, Жуковскій пріобрѣлъ небольшое имѣніе и построилъ домъ для своей матери. Удовлетворивъ требованію сыновняго долга, по приглашенію Карамзина, Василій Андреевичъ въ началѣ 1808 года прибылъ въ столицу и принялъ отъ него редактированіе «Вѣстника Европы», слѣдуя совершенно тому духу и характеру, который опредѣлилъ для своего изданія Николай Михайловичъ. Такъ, онъ почти весь журналъ наполнялъ своими произведеніями и статьями, ведя одинъ всѣ отдѣлы за исключеніемъ политическаго, порученнаго профессору Каченовскому. Все различіе «Вѣстника Европы» Карамзинскаго и Жуковскаго въ томъ, что статьи и критическія изслѣдованія Жуковскаго были живѣе и серьезнѣе, да въ видѣ приложенія выходили художественныя гравюры. Изъ оригинальныхъ произведеній, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ, обратила на себя вниманіе критики и понравилась публикѣ русская баллада «Людмила», прекрасное подражаніе «Леонорѣ» Бюргера, нѣмецкаго поэта. Жуковскій пріобрѣлъ названіе «пѣвца Людмилы» и онъ считается отцомъ русской баллады; нѣкоторые друзья-современники даже прямо называли его «балладникомъ». Огромный успѣхъ имѣла также его повѣсть въ прозѣ «Марьина роща», подражаніе Карам-

зинской «Лизѣ», но это довольно слабое въ художественномъ отношеніи произведеніе въ настоящее время поражаетъ читателя неестественностью положеній и сантиментальностію, въ наше время непонятной и даже приторной. Потрудившись для журналистики три года, Жуковскій передалъ «Вѣстникъ Европы» Качановскому и уѣхалъ въ Мишенское въ началѣ 1811-го года; лѣтомъ съ матерью и Марьей Григорьевной Буниной снова возвратился въ Москву, гдѣ хотѣли эти добрыя женщины пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ для поправленія здоровья; но въ то же лѣто они обѣ умерли—новая утрата и также очень тяжелая для Жуковскаго, который такъ безгранично любилъ обѣихъ женщинъ! Эта утрата еще болѣе утвердила Жуковскаго въ элегическомъ настроеніи; жизнь устроила такъ, что къ грусти Жуковскаго въ томъ же году прибавился новый элементъ... Послѣ смерти матери и ея соперницы въ этомъ отношеніи Жуковскій поѣхалъ искать утѣшенія въ кругу бывшихъ друзей, въ кругу родной семьи Протасовыхъ, жившихъ теперь въ мѣстечкѣ Муратовѣ Орловской губерніи. Здѣсь Жуковскій скоро познакомился съ однимъ помѣщикомъ, Алексѣемъ Плещеевымъ, проживавшемъ въ селѣ «Черни» въ 30-ти верстахъ отъ Муратова. Домъ Плещеева былъ открытъ для всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ сосѣдей помѣщиковъ, и жизнь въ Черняхъ представляла одинъ сплошной праздникъ, гдѣ спектакли смѣнялись концертами и гдѣ давались піесы собственнаго сочиненія Плещеева, прекраснаго музыканта и талантливаго декламатора. Изъ Муратова въ Черни и обратно постоянно скакали гонцы съ произведеніями искусства, которыми взаимно обмѣнивались Плещеевъ и Жуковскій, при чемъ романсы послѣдняго клались на музыку и исполнялись въ ближайшій пріѣздъ Жуковскаго въ Черни.

Среди такой обстановки Жуковскій полюбилъ младшую дочь Протасовой Марью Андреевну и полюбилъ такъ сильно, что рѣшился даже просить руки ея у ея матери. Екатерина Афанасьевна считала бракъ между дядей и племянницею предосудительнымъ и, какъ женщина рѣшительная, взяла

съ Жуковскаго слово, что онъ ни однимъ намекомъ болѣе не выразитъ своего чувства. Разочарованный поэтъ написалъ по случаю горькаго отказа романсъ, въ которомъ довольно не тонко намекалъ на неудачу своего предложенія. Протасова услышала этотъ романсъ въ Черняхъ, сочла за нарушеніе даннаго поэтомъ обѣщанія и принудила его идти въ ополченіе, что онъ и сдѣлалъ въ августѣ 1812 года. Въ Муратовѣ Жуковскій въ числѣ другихъ произведеній и переводовъ написалъ свою «Свѣтлану», упрочившую его извѣстность какъ поэта, и «Громобой», балладу, первую половину старинной повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». 19-го августа Жуковскій выступилъ изъ Москвы и все время отечественной войны состоялъ при главнокомандующемъ арміею Кутузовѣ, помогая Скобелеву писать бюллетени, которые тотъ выдавалъ за свои. Наканунѣ битвы при Тарутинѣ Жуковскимъ было написано стихотвореніе «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», слабое въ художественномъ отношеніи, напыщенное, но вѣрно передававшее настроеніе русскихъ воиновъ, съ воинственнымъ призывомъ отмстить за сожженную первопрестольную столицу, который оказался пророческимъ. Стихотвореніе произвело чрезвычайное впечатлѣніе на все русское войско и на весь русскій народъ и достигло даже покоевъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Кутузовъ наградилъ за отличіе Жуковскаго чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2-й степени, но вскорѣ Жуковскій заболѣлъ тифомъ и чуть не умеръ. По распущеніи ополченія онъ, больной, возвратился въ Муратово и лишь благодаря тщательному уходу родныхъ возстановилъ вполнѣ свои утраченныя силы и возобновилъ свою поэтическую дѣятельность. Тутъ наступилъ новый періодъ для поэзіи Жуковскаго: она лишается отчасти и на время своего грустнаго элемента. Жуковскій, какъ сынъ народа, во время всеобщаго патріотическаго восторга не могъ настроить свою лиру на минорный тонъ и ударился въ крайность—въ Державинскую и даже Ломоносовскую напыщенность; всѣ почти его произведенія этого періода носятъ характеръ риторически-возвышенныхъ одъ. Послѣ раз-

личныхъ мелкихъ піесъ въ этомъ родѣ онъ написалъ большое посланіе герою-освободителю Европы Александру первому и захотѣлъ, чтобы оно было представлено Императрицѣ. А. И. Тургеневъ исполнилъ желаніе поэта, «Посланіе Императору Александру» очаровало Государыню и Великихъ Князей, было напечатано па казенный счетъ и издано въ пользу автора весьма роскошно; Жуковскому былъ пожалованъ брилліантовый перстень. Въ губернскихъ же и уѣздныхъ городахъ Россіи «Посланіе» читалось предъ зерцаломъ, портретомъ Государя Императора, въ театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ, получивъ значеніе оффиціальнаго гимна. Жуковскій получилъ приглашеніе во дворецъ и весною 1815 года состоялось его свиданіе съ Государыней, при чемъ онъ былъ назначенъ Ея Величества лекторомъ. Но поэта тянуло въ Дерптъ, гдѣ жили теперь Протасовы; онъ слышалъ даже, что Марья Андреевна выходитъ замужъ. По этому онъ не долго оставался при дворѣ и уѣхалъ въ этотъ маленькій нѣмецкій городокъ. Но слухи не вполнѣ оправдались. Напротивъ, Марья Андреевна какимъ-то образомъ узнала, что Жуковскій ее любитъ и даже сватался, и выразила готовность выйдти за него замужъ. Поэтому, пользуясь выходомъ замужъ младшей изъ дочерей Протасовой за профессора дерптскаго университета Воейкова, Жуковскій еще разъ попросилъ руки Марьи Андреевны, но Екатерина Афанасьевна была непреклонна. Жуковскій, возбуждая опасенія петербургскихъ друзей относительно достоинства поэтической дѣятельности, относительно достойнаго употребленія таланта, совершенно ушелъ въ узкую и мелкую жизнь небольшаго городка, восхищаясь мелкой нѣмецкой литературой и узкими взглядами дерптскихъ профессоровъ. Онъ дописывалъ вторую половину повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», подготовлялъ полное изданіе своихъ сочиненій, какъ вдругъ случились два чрезвычайно важныя событія, повліявшія на его дальнѣйшую судьбу. Марью Андреевну посваталъ дѣйствительно дерптскій профессоръ Майеръ, и Жуковскому показалось несправедливымъ устранять у нея семейное счастье, которое такъ долго служило цѣлью

его тщетныхъ мечтаній; Жуковскій «разрѣшилъ» Марьѣ Андреевнѣ вступить въ бракъ, чѣмъ и кончились его натянутыя отношенія къ семейству Протасовыхъ. Вмѣстѣ съ этимъ петербургскіе друзья выдвинули противъ Жуковскаго чрезвычайно побудительное нравственное средство, чтобы призвать его къ болѣе плодотворной дѣятельности. Они выпросили у Государя Императора для Жуковскаго пожизненный пенсіонъ въ 4000 рублей, послѣ чего самъ Жуковскій считалъ преступленіемъ быть бездѣятельнымъ и распростился съ Дерптомъ... Такимъ образомъ кончился, по собственному выраженію поэта, романъ его жизни въ то время, какъ началась исторія... Весною 1817 года Жуковскій, думавшій было писать историческую поэму «Владиміръ» и начавшій изучать исторію, былъ приглашенъ въ педагоги къ невѣстѣ Николая Павловича, Александрѣ Ѳеодоровнѣ, дочери прусскаго короля и сестрѣ германскаго императора, и до 1826 года не отлучно находился при ея высочествѣ, почти ничего не создавая оригинальнаго и дѣлая переводы для своей ученицы по ея указаніямъ изъ Шиллера, Гёте, Гебеля, Кернера, В. Скотта и др., которые и издалъ постепенно въ шести книжкахъ. Положеніе Жуковскаго при дворѣ въ качествѣ педагога наслѣдницы дало, кому слѣдуетъ, возможность замѣтить его достоинства, и потому въ 1826 году, съ восшествіемъ на престолъ Государя Николая Павловича, онъ былъ назначенъ воспитателемъ нынѣ царствующаго Государя Императора, въ какомъ званіи онъ и оставался до 1841 года, на самомъ дѣлѣ, и послѣ этого времени номинально.

Жуковскій никогда не думалъ, что будетъ въ иныхъ отношеніяхъ къ Императорскому дому, чѣмъ отношенія вѣрноподданнаго. Но любовь къ отечеству приблизила его къ престолу, сдѣлала другомъ Императорскаго семейства, а Россія имѣетъ въ немъ воспитателя ею любимаго Императора. Жуковскій смотрѣлъ на свою задачу въ высшей степени серьезно и готовился къ ней самымъ тщательнымъ образомъ. По случаю разстройства здоровья, онъ поѣхалъ заграницу, но этимъ временемъ воспользовался, чтобы пере-

работать, насколько возможно, себя и о знакомиться со всѣми системами воспитанія, остановивъ свое особенное вниманіе на системѣ швейцарца Песталоцци. Онъ представилъ самый совѣстливый отчетъ о своихъ занятіяхъ заграницей; написалъ обширный планъ ученія великаго князя, нынѣ Государя Императора, въ каковомъ планѣ высказывалъ намѣреніе преподавать ту науку, которая объемлетъ всѣ отрасли знанія, необходимаго въ нашъ, вѣкъ науку, тѣсно связанную съ практическимъ знаніемъ людей всѣхъ сословій, въ особенности Европы, и духа вѣка, вровень съ которымъ Государю слѣдуетъ шествовать для пользы своихъ подданныхъ и для прочной основы будущаго благоденствія народа. Такъ какъ Жуковскій тщательно слѣдилъ за уроками другихъ наставниковъ, свѣряя впечатлѣніе, производимое ими, съ предполагаемымъ по его плану, такъ какъ онъ въ теченіи семьнадцати лѣтъ находился при особѣ Государя Императора, то и всю честь духовно-нравственнаго воспитанія нужно приписать ему. Во время служенія Императорскому семейству, съ 1817 по 1841 годъ, Жуковскій между прочимъ сдѣлалъ свои лучшіе переводы «Орлеанской Дѣвы», тр. Шиллера, «Шильонскаго узника», поэмы Байрона, и лучшую переработку прелестной сказки Ла-Моттъ Фуке «Ундина»; изъ немногихъ оригинальныхъ піесъ «Бородинская годовщина» не уступаетъ въ достоинствѣ лучшимъ произведеніямъ лучшей эпохи его творчества. Но онъ служилъ русской поэзіи косвеннымъ образомъ, ходатайствуя за сосланнаго Пушкина, за бѣдствовавшаго Гоголя и участвуя на всѣхъ литературныхъ празднествахъ, какъ, напримѣръ, на юбилеѣ Ивана Андреевича Крылова.

Въ 1841 году, осыпанный монаршими милостями, теперь уже тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ Св. Анны, Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. Владиміра 2-й степени, поэтъ отправился заграницу, женился на 19 лѣтней дочери небогатаго лифляндскаго помѣщика Рейтерна и избралъ мѣстомъ жительства Дюссельдорфъ. Не зная греческаго языка, по переводамъ нѣмецкому и французскому и постоянному руководству лучшихъ нѣмецкихъ филологовъ, В. А. ознакомился съ

безсмертнымъ произведеніемъ Гомера «Одиссеей» и, побуждаемый въ теченіе семи лѣтъ ожиданіями русскихъ ученыхъ и поэтовъ, между прочимъ и Гоголя, сдѣлалъ прекрасный русскій переводъ этого произведенія. Онъ полагалъ, что искупилъ свою вину, какъ родителя во время оно нѣмецкаго романтизма и поэтическаго дядьку чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Послѣднимъ капитальнымъ произведеніемъ Жуковскаго былъ переводъ съ иностраннаго языка персидской поэмы «Рустемъ и Зорабъ», оконченный въ 1848 году. Все время пребыванія заграницей Жуковскій съ женой и ребенкомъ переѣзжалъ для поправленія ея и своего здоровья изъ одного мѣста въ другое. Послѣднимъ мѣстопребываніемъ на землѣ для Жуковскаго былъ Баденъ-Баденъ, гдѣ онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Онъ еще на предсмертномъ одрѣ сочинялъ поэму «Вѣчный жидъ», записываемую камердинеромъ, но смерть 12-го апрѣля 1852 года прекратита работу его ума и воображенія. Тѣло Жуковскаго было перевезено въ Россію и похоронено рядомъ съ могилою Карамзина, на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Жуковскій жилъ почти 70 лѣтъ и пережилъ многихъ нашихъ поэтовъ.

И такъ, Василій Андреевичъ Жуковскій усвоилъ русской литературѣ поэзію Европы, по преимуществу нѣмецкую и англійскую, и его достоинство и значеніе, какъ поэта, достойно оцѣнено Бѣлинскимъ. Какъ государственный дѣятель, какъ гражданинъ, онъ душой и тѣломъ участвовалъ въ важномъ историческомъ моментѣ русской жизни, въ низложеніи славы Наполеона, и воспиталъ Россіи Царя-Реформатора, что всего лучше оцѣнено самимъ Самодержцемъ. Въ рескриптѣ, къ которому приложенъ орденъ Бѣлаго Орла, сказано, что орденъ дается въ ознаменованіе особеннаго уваженія къ трудамъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, (царскому) семейству оказанныя. Наконецъ, гробъ Жуковскаго несъ Тотъ, Кто держитъ теперь въ рукахъ царственный скипетръ Россіи...

VIII.

Пафнутій Львовичъ

Чебышевъ.

Одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду современныхъ общеевропейскихъ ученыхъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, нашъ извѣстный математикъ—заслуженный профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета Пафнутій Львовичъ Чебышевъ, котораго парижская академія почтила, въ 1874 году, избраніемъ въ свои члены (associés). Такимъ образомъ, прославленный математикъ нашъ можетъ считаться первымъ изъ русскихъ ученыхъ, удостоенныхъ чести быть причисленными къ составу французскаго института. Такого почета, на который весьма скупа парижская академія, дождались послѣ Чебышева только: знаменитый англійскій геометръ Томсонъ, русскій академикъ Бэръ и, наконецъ, бразильскій императоръ.

Начиная изложеніе біографіи такого выдающагося ученаго, каковъ Пафнутій Львовичъ, нельзя обойти молчаніемъ его родословную, а потому сообщаемъ краткія изъ нея свѣдѣнія.

Дѣдъ нашего славнаго математика, Павелъ Петровичъ Чебышевъ, служилъ въ гвардіи; но чувствуя гораздо болѣе склонности къ мирнымъ занятіямъ науками, чѣмъ къ военнымъ упражненіямъ, Павелъ Петровичъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, бросилъ службу и, удалившись въ свое имѣніе, предался хозяйству и псовой охотѣ, и цѣлые ве-

чера просиживалъ за выкладками, которыя онъ дѣлалъ мѣломъ на столѣ.

Сынъ Павла Петровича, Левъ Павловичъ, служилъ въ тульскомъ ополченіи, принималъ участіе въ войнѣ 1814 г. и находился при взятіи Парижа. По окончаніи отечественной войны, Левъ Павловичъ служилъ по выборамъ и, передъ освобожденіемъ крестьянъ, былъ предводителемъ дворянства боровскаго уѣзда. Въ 1818 году онъ женился на дѣвицѣ А. И. Позняковой и, затѣмъ, поселился въ имѣніи жены своей, селѣ Окатовѣ, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда. Здѣсь, въ 1821 году, 14 мая, родился Пафнутій Львовичъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ у будущаго великаго математика обнаружилась перешедшая по наслѣдству отъ дѣда склонномъ къ вычисленіямъ разнаго рода, а также и техническимъ производствамъ. Такъ, что, будучи ребенкомъ, Пафнутій Львовичъ, безъ всякой посторонней помощи и научной подготовки, устраивалъ самодвижущіяся машины-игрушки и пр. Ариѳметику прошелъ онъ подъ руководствомъ отца своего. На 10 году отъ рожденія, онъ былъ отправленъ отцемъ съ дядею на Кавказъ, въ Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. Послѣ чего вернулся въ родовое помѣстье, гдѣ жилъ безвыѣздно до 13 лѣтняго возраста.

Въ 1834 году, Пафнутій Львовичъ началъ готовиться къ поступленію въ университетъ, причемъ въ эти юношескіе еще года безповоротно рѣшилъ уже поступить на физико-математическій факультетъ, называвшійся въ то время вторымъ отдѣленіемъ философскаго факультета.

Въ 1837 году, много обѣщавшій юноша, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, выдержалъ экзаменъ прямо въ университетъ, не побывавъ предварительно ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ университетѣ, Чебышевъ сразу обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, въ особенности замѣтилъ его высокочтимый Брашманъ, угадавшій будущее математическое свѣтило въ юношѣ, научными работами котораго онъ началъ руководить съ особымъ стараніемъ. Пафнутій Льво-

вичъ, не иначе какъ съ глубочайшей любовью и почтеніемъ отзывался объ этомъ своемъ учителѣ въ теченіе всей послѣдующей жизни.

Въ 1841 году, окончивъ слушаніе курса университетскихъ наукъ въ Москвѣ, Пафнутій Львовичъ, имѣя 21 годъ отъ роду, получилъ тамъ же степень кандидата втораго отдѣленія философскаго факультета. Въ теченіе всего университетскаго курса онъ былъ первымъ по своему факультету и первымъ кончилъ курсъ.

Будучи крайне стѣсненъ въ чисто денежныхъ обстоятельствахъ, молодой Чебышовъ, по выходѣ изъ университета, намѣревался было поступить на службу и бросилъ это намѣреніе только благодаря увѣщаніямъ учителя и друга своего, покойнаго профессора Брашмана, постоянно убѣждавшаго талантливаго ученика своего хладнокровно переносить всѣ лишенія и не тратить попусту на служебныя занятія времени, которое можно съ пользою употребить на свое дальнѣйшее научное усовершенствованіе.

И вотъ, не смотря на то, что матеріальное положеніе Пафнутія Львовича было весьма стѣснительно, по причинѣ разстройства дѣлъ отца его, онъ преодолѣлъ всѣ житейскія невзгоды и, не помышляя болѣе о карьерѣ, всецѣло отдался ученымъ своимъ занятіямъ и не покидалъ таковыхъ въ теченіе семи лѣтъ, мирясь съ невзгодами. Вполнѣ преданный наукѣ, онъ не увлекался общественной жизнью. Въ 1843 году, онъ усердно приступилъ къ магистерскому экзамену по разряду математическихъ наукъ. Въ 1845 году, Пафнутій Львовичъ выпустилъ въ свѣтъ первое свое сочиненіе, написанное на французскомъ языкѣ. Въ 1846 году, молодой ученый защищалъ свою дисертацію на степень магистра; а въ 1847 году, — принятъ былъ въ с. петербургскій университетъ доцентомъ. Пафнутію Львовичу исполнилось 26 лѣтъ, когда онъ занялъ каѳедру; съ тѣхъ поръ прошло уже 33 года—и въ теченіи всего этого времени онъ съ громадныхъ успѣхомъ занималъ каѳедру. Ему приходилось читать лекціи по всѣмъ отраслямъ чистой математики и по практической механикѣ. Сначала читалъ онъ высшую алгебру

и теорію чиселъ, а потомъ, вмѣстѣ съ вышепоименованными предметами, онъ читалъ также аналитическую геометрію и сферическую тригонометрію, а сверхъ того—теорію эллиптическихъ функцій. Онъ занимался также временно со студентами реальнаго отдѣленія, преподавая имъ интегрированіе дифференціальныхъ уравненій и практическую механику. Въ 1860 году, когда послѣдовало новое распредѣленіе занятій математическаго факультета — талантливый профессоръ взялъ на себя чтеніе интегральнаго исчисленія, теоріи чиселъ и теоріи вѣроятности, съ исчисленіемъ конечныхъ разностей.

Такъ какъ лекціи Чебышева обыкновенно заключали въ себѣ много самостоятельныхъ изслѣдованій и всегда отличались блестящимъ, остроумнымъ изложеніемъ, то смѣло можно сказать, что онѣ выдерживаютъ весьма успѣшно сравненіе съ лекціями знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что шли всегда въ уровень съ европейскимъ состояніемъ науки и содержали послѣднее слово ея.

Главная заслуга Пафнутія Львовича, какъ педагога, заключается, по общимъ отзывамъ учениковъ его, въ томъ, что онъ обладалъ умѣньемъ пробудить въ своихъ слушателяхъ любовь къ математическимъ изслѣдованіямъ и разумно руководилъ ихъ въ сложныхъ научныхъ занятіяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ молодыя и сильныя дарованія по математикѣ, которыми такъ обогатился петербургскій университетъ въ шестидесятыхъ годахъ, получили развитіе свое подъ руководствомъ прославленнаго нашего профессора, которому русская нація обязана образованіемъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ, составившихъ почтенное имя въ математикѣ. Таковъ профессоръ Чебышевъ, какъ университетскій преподаватель. Многіе изъ учениковъ его занимаютъ въ настоящее время каѳедры въ другихъ русскихъ университетахъ и продолжаютъ достойно служить наукѣ своими учеными изслѣдованіями. Нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ его сошли уже въ могилу. Петербургскій университетъ еще и теперь оплакиваетъ неожиданную смерть недавно трагически погибшаго молодаго ученаго, профессора

Золотарева *), главныя работы котораго относятся къ развитію работъ Чебышева. Такъ напримѣръ, послѣдній (что извѣстно математикамъ всего свѣта), отыскалъ особый методъ интегрированія и обнародовалъ его, но безъ приведенія доказательствъ. Золотаревъ же напечаталъ цѣлое изслѣдованіе о методѣ своего уважаемаго профессора подъ заглавіемъ: «Sur la méthode d' intégration de m-r Tchébycheff», гдѣ доказалъ основательность теоріи своего учителя и, затѣмъ, обобщилъ эту теорію въ особой диссертаціи, изданной въ 1874 году, подъ заглавіемъ: «Теорія цѣлыхъ комплектныхъ чиселъ съ приложеніемъ къ интегральному исчисленію». Такое обобщеніе потребовало установленія общей теоріи идеальныхъ чиселъ, которыя и были введены въ науку Куммеромъ, съ цѣлью распространенія закона взаимности двухъ простыхъ чиселъ на вычеты какой-угодно степени. Съ глубокой признательностью и почти, съ восторженной любовью отзывался покойный профессоръ объ ученой дѣятельности своего учителя. Однажды въ дружеской бесѣдѣ сказаны имъ были незабвенныя слова, какъ нельзя лучше опредѣляющія взглядъ Золотарева на великаго нашего математика.

— «Найти и вѣрно поставить вопросъ въ математикѣ несравненно труднѣе, чѣмъ его рѣшить, говорилъ молодой ученый, — какъ скоро вопросъ поставленъ и поставленъ вѣрно, то рѣшеніе его такъ или иначе всегда отыщется; Пафнутій Львовичъ отличается изумительную способностью и умѣньемъ ставить новые вопросы въ математикѣ. Это умѣнье ученаго математика служитъ несомнѣннымъ признакомъ его геніальности».

Что же касается до служебной карьеры профессора Чебышева, то она шла своимъ чередомъ, такъ какъ математикъ нашъ никакихъ повышеній не добивался: человѣкъ

*) Поѣздомъ желѣзной дороги несчастному перерѣзало обѣ ноги и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ въ страшныхъ мукахъ. Одинъ изъ учениковъ его, студентъ университета, случайно попавшій на катастрофу, употребилъ всѣ усилія, чтобы облегчить несчастному послѣднія страдальческія минуты. Впослѣдствіи студентъ этотъ, (фамилію котораго мы, къ сожалѣнію, забыли) опубликовалъ въ печати всѣ подробности этаго печальнаго событія.

науки совершенно заслонялъ въ немъ въ теченіи всей жизни человѣка практики, въ узкомъ обыденномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить важнѣйшія перемѣны въ служебной дѣятельности заслуженнаго профессора, со времени его пребыванія въ университетѣ въ качествѣ преподавателя, т. е. съ 1847 года. Въ 1849 году Пафнутій Львовичъ пріобрѣлъ докторскую степень петербургскаго университета. Въ 1852 году объѣздилъ онъ, съ учеными цѣлями, преимущественно по вопросамъ практической механики, Францію, Англію, Бельгію и Германію.

Въ слѣдующемъ 1853 году получилъ Чебышевъ званіе экстраординарнаго профессора Петербургскаго университета и выбранъ былъ, независимо отъ этого, въ адъюнкты академіи наукъ. Въ 1856 году, онъ совершилъ, по примѣру 1852 года заграничную поѣздку съ учеными цѣлями, только въ этотъ разъ на болѣе продолжительный срокъ. Въ томъ же 1856 году профессоръ Чебышевъ выбранъ въ члены-корресподенты парижской академіи, а также въ дѣйствительные члены нашего артиллерійскаго комитета и въ почетные члены московскаго университета. Въ 1857 году онъ былъ уже ординарнымъ профессоромъ петербургскаго университета и усердно предался изученію механики, въ области которой ему вскорѣ пришлось совершить множество полезныхъ открытій. Въ 1859 году, Пафнутій Львовичъ выбранъ академіею наукъ въ ординарные академики по прикладной математикѣ; а въ 1865 году, Берлинская академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Наконецъ, въ 1874 году великій математикъ нашъ удостоенъ былъ, какъ мы уже говорили въ началѣ біографіи, парижскою академіей того почета, который выпадаетъ на долю слишкомъ немногихъ изъ ученыхъ, а именно—избраніемъ въ свои члены. Правительство наше также чтило заслуги Пафнутія Львовича и повышенія въ чинахъ быстро слѣдовали для него одно за другимъ. Въ настоящее время онъ состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Для бо́льшей ясности, перечислимъ въ заключеніе важнѣйшія изъ тѣхъ званій, которыя носитъ заслуженный—профессоръ Императорскаго

петербургскаго университета. Онъ числится: докторомъ математики и астрономіи, членомъ петербургской и парижской академій наукъ, а также лондонскаго королевскаго общества, почетнымъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, артиллерійскаго Училища, а также Императорскихъ университетовъ—московскаго, кіевскаго, новороссійскаго и московскаго техническаго училища, членомъ-корреспондентомъ берлинской академіи наукъ и разныхъ заграничныхъ обществъ.

Уваженіе европейскихъ ученыхъ къ научнымъ заслугамъ нашего математика выразилось и на послѣднемъ, состоявшемся въ 1878 году, научномъ конгрессѣ въ Парижѣ, гдѣ Пафнутій Львовичъ былъ избранъ почетнымъ предсѣдателемъ двухъ секцій: математической и механической. Онъ сдѣлалъ въ засѣданіяхъ этихъ секцій нѣсколько весьма интересныхъ сообщеній, касательно теоріи вѣроятностей, теоріи чиселъ, практической механики и новаго приложенія математическаго анализа къ предмету, который казался недоступнымъ для строго-научныхъ изслѣдованій, а именно—къ кройкѣ платья. По словамъ французскихъ газетъ, заявленіе о томъ, что русскій ученый Чебышевъ будетъ дѣлать сообщеніе о приложеніи математики къ кройкѣ платья привлекло небывалое множество публики, заинтересованной своеобразностью предмета. Пафнутій Львовичъ показалъ — какимъ способомъ слѣдуетъ вычислять форму данныхъ линій, которыми должны быть ограничены куски матеріи, для того, чтобы изъ нихъ можно было составить чахолъ, ровно покрывающій тѣло какого-либо вида. Онъ вычислилъ, для подтвержденія этой теоріи, форму кусковъ, изъ которыхъ долженъ былъ составиться подобный чахолъ для шара; а затѣмъ сшитъ былъ и самый чахолъ, вполнѣ подтвердившій справедливость ученыхъ изысканій.

Рефераты, прочтенные въ 1878 году Пафнутіемъ Львовичемъ въ засѣданіяхъ французскаго математическаго общества и международнаго конгресса ученыхъ, отпечатаны на французскомъ языкѣ. Ими подкрѣпляется и упрочивается заслуженная учеными трудами извѣстность и слава нашего

течественнаго ученаго, признаваемаго и въ Европѣ, и въ Америкѣ однимъ изъ первыхъ математиковъ нашего времени.

Нельзя не выразить сожалѣнія по поводу скораго выхода профессора Чебышева въ отставку. Потеря такого преподавателя несомнѣнно весьма чувствительна для университета и незамѣнима по отношенію къ интересамъ истинно научнаго образованія въ Россіи. Впрочемъ, оставивъ каѳедру, геніальный математикъ не порветъ окончательно своихъ занятій со студентами и будетъ, по временамъ, читать лекціи, въ качествѣ приватъ доцента. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предоставилъ въ пользу студенческой читальни, находящейся при петербургскомъ университетѣ, новое изданіе весьма распространеннаго сочиненія своего, носящаго заглавіе: «Теорія сравненій».

Изъ другихъ сочиненій Чебышева отдѣльною книгой имѣется на русскомъ языкѣ, кромѣ «Теоріи сравненій», только сочиненіе «Опыты элементарнаго анализа теоріи вѣроятностей».

Обративъ вниманіе на значительную неточность всѣхъ вообще географическихъ картъ, Пафнутій Львовичъ, послѣ многихъ трудовъ, достигъ способа получать самыя точныя географическія карты. Плодомъ этихъ изслѣдованій былъ трактатъ «О черченіи географическихъ картъ», написанный для университетскаго акта 1856 года и вскорѣ послѣ того изданный въ Парижѣ на французскомъ языкѣ. Одновременно съ этимъ, уважаемый математикъ нашъ занялся разборкою бумагъ, оставшихся послѣ великаго Эйлера и возстановилъ два его мемуара. Около того-же времени, началъ онъ разработку вопроса объ интерполированіи и нашелъ такой общій способъ, который, какъ согласный съ теоріей наименьшихъ квадратовъ, даетъ наилучшіе результаты, а потому успѣлъ уже войти въ употребленіе, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Изъ болѣе раннихъ работъ Пафнутія Львовича, изданныхъ на разныхъ языкахъ, особенно выдаются изслѣдованія: 1) «О теоріи вѣроятностей» (1846 годъ); 2) «Объ интегрированіи ирраціональныхъ дифференціаловъ»; и 3) различные мемуары, появлявшіеся около времени вы-

хода въ свѣтъ «Теоріи сравненій»; изъ мемуаровъ этихъ весьма важное значеніе для науки имѣютъ два, изъ которыхъ въ одномъ—теоретически доказаны выводы, къ которымъ извѣстный Гаусъ пришелъ по наблюденіямъ (какъ видно изъ рукописей покойнаго); въ другомъ-же мемуарѣ, представленномъ въ академію наукъ спустя полтора года послѣ перваго, вполнѣ доказано такъ называемое «postulatum» Бертрана. Изъ мемуаровъ Чебышева, появившихся въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, успѣли получить извѣстность между математиками слѣдующіе: 1) «О функціяхъ, наиближе подходящихъ къ нулю»; 2) «О разложеніи въ ряды»; 3) «О наибольшихъ и наименьшихъ» и нѣкоторые другіе, относящіеся къ механикѣ, напр.: «О механическихъ параллелограмахъ», «О центробѣжныхъ уравнителяхъ», «О зубчатыхъ колесахъ» и т. д. Многочисленные труды, стяжавшіе Чебышеву извѣстность въ Европѣ и Америкѣ, помѣщались имъ въ изданіяхъ академіи наукъ и въ математическихъ журналахъ «Ліувилля» (французскомъ) и Крелля (нѣмецкомъ).

Замѣчательна особенность научныхъ пріемовъ Пафнутія Львовича. Какъ вполнѣ геніальный математикъ, онъ въ произведеніяхъ своихъ употреблялъ совершенно новые пріемы для изслѣдованій и достигъ тѣхъ блистательныхъ результатовъ, которые обезсмертили имя его, только посредствомъ этихъ, до него неизвѣстныхъ, пріемовъ. Особенныя заслуги оказаныя имъ науки тѣмъ, что онъ: 1) отыскалъ предѣлы для числа, показывающаго сколько имѣется простыхъ чиселъ между двумя данными цѣлыми числами; 2) опредѣлилъ условія, при которыхъ интеграмъ алгебраической функціи, содержащей радикалъ, выразимъ алгебраически или логариѳмически; 3) изложилъ общую теорію механизмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ параллелограммовъ; 4) изложилъ также общій способъ для нахожденія приблизительныхъ выраженій, которыя даютъ для данной функціи значеніе, наиближе подходящее къ *истинному* въ данныхъ предѣлахъ; 5) сдѣлалъ изслѣдованіе о непрерывныхъ дробяхъ, раскрывающее новое и важное значеніе этихъ дробей при разложеніи функцій

въ ряды; 6) произвелъ интерполированіе по способу наименьшихъ квадратовъ, имѣющее значительное преимущество передъ другими способами интерполированія; 7) нашелъ наибольшія и наименьшія суммы, составленныя изъ значеній цѣлой функціи и ея производныхъ; 8) открылъ новый механизмъ, замѣняющій паралелограммъ Витта, какъ наиболѣе удовлетворяющій условію, необходимому для преобразованія прямолинейнаго движенія въ вращательное.

Вообще, математическіе труды нашего ученаго отличаются не только своеобразностью пріемовъ, но и счастливою разработкою такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ ранѣе либо вовсе не затрогивалось, либо представляло такія затрудненія, которыя не могли быть преодолѣны даже первостепенными геометрами.

Какъ членъ военно-ученаго комитета, Чебышевъ занимался различными предметами, относящимися къ артиллеріи. Въ 1858 г. онъ производилъ опыты надъ стрѣльбою цилиндро-коническими ядрами особаго вида.

Въ настоящее время, Пафнутій Львовичъ, удалившись отъ свѣта, вполнѣ отдался любимымъ научнымъ занятіямъ въ тиши своего кабинета. Онъ ведетъ сидячую домашнюю жизнь, хотя и не имѣетъ семьи. Въ свободное отъ плодотворныхъ научныхъ трудовъ своихъ время уважаемый математикъ не тратитъ напрасно часовъ отдыха. Онъ предается въ эти часы физическимъ трудамъ, работая на пользу механики, и выполняетъ собственноручно модели, съ которыхъ потомъ дѣлаются настоящія машины. Машины эти московское техническое училище выставляло уже нѣсколько разъ на выставкахъ за границей, въ Вѣнѣ, Филадельфіи и Парижѣ, а также и здѣсь въ Россіи. Паровыя машины съ механизмомъ работы Чебышева многократно обращали на себя вниманіе европейскихъ и американскихъ ученыхъ и возбуждали толки въ журналахъ, газетахъ и изданіяхъ, относящихся до выставокъ.

IX.

Александръ Абрамовичъ

Воскресенскій.

Александръ Абрамовичъ Воскресенскій принадлежитъ къ числу лицъ, дѣятельность которыхъ относится къ эпохѣ развитія русской науки. Онъ духовнаго происхожденія, учился въ Тверской семинаріи, а потомъ поступилъ въ педагогическій институтъ, который занималъ половину зданія, въ которомъ теперь помѣщается университетъ. Многіе профессоры тогда были иностранцы, и лекціи по нѣкоторымъ предметамъ читались на иностранныхъ языкахъ. Средства педагогическаго института были небольшія, и хотя онъ состоялъ также изъ трехъ факультетовъ (физико-математическаго, историко-филологическаго и нѣкоторое время юридическаго), но не обладалъ такимъ количествомъ учебныхъ пособій, какое имѣетъ теперь, напримѣръ, университетъ. Въ этомъ-то заведеніи, имѣвшемъ цѣлію подготовлять преподавателей, и воспитывался Александръ Абрамовичъ, здѣсь-то онъ и познакомился съ начальными основами естественныхъ наукъ, для насажденія которыхъ на русской почвѣ и въ русскихъ умахъ онъ такъ много потрудился.

Въ это время во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ графъ Уваровъ, который поставилъ одною изъ цѣлей своей дѣятельности замѣнить профессоровъ иностранцевъ русскими. Для этого даровитые студенты отправлялись за границу, въ числѣ ихъ былъ отправленъ и Воскресенскій, уже обратившій на себя вниманіе. За границей

Александръ Абрамовичъ скоро усвоилъ все, что не могъ усвоить за недостаткомъ приборовъ и учебныхъ пособій въ институтѣ (на химическую лабораторію тогда ассигновалось 400 рублей *ассигнаціями*), слушалъ лекціи и работалъ у Магнуса и Розе, а потомъ занимался химическими изслѣдованіями въ лабораторіи Либиха, получившій всемірную извѣстность по своему богатству и обилію химическихъ препаратовъ, въ Гиссенѣ. Впослѣдствіи знаменитый германскій ученый, у котораго въ лабораторіи работали всѣ европейскія знаменитости науки, говорилъ, что между множествомъ самыхъ даровитыхъ людей такого талантливаго и такъ много обѣщающаго въ будущемъ ученика, какъ Воскресенскій, онъ не имѣлъ. Чрезъ два года А. А. Воскресенскій явился въ Россію съ диссертаціей, въ которой доказалъ въ хлѣбной коркѣ присутствіе особой кислоты, которую и назвалъ хинною. Это время было еще временемъ зарожденія органической химіи, когда органическая химія стала отдѣляться отъ остальной части химія, какъ самостоятельная, обширная и имѣющая большое значеніе наука. Къ этой области принадлежатъ и другія работы Александра Абрамовича, именно: 1) открытіе алкалоида въ шоколадѣ, названнаго имъ *теоброминомъ*, и 2) открытіе «*хинона* (бензальнаго), прототипа многихъ другихъ хиноновъ, изъ которыхъ напр. антрацитный далъ богатый матеріалъ для приготовленія искусственной краски (марены), и др. Это три самыя важныя работы Александра Абрамовича Воскресенскаго. По пріѣздѣ въ Россію, онъ хотя работалъ для науки вообще, но мало; и это не потому, какъ многіе думаютъ, что мысль Александра Абрамовича, какъ русскаго, получивши только нѣкоторые результаты, охладѣла къ изслѣдованіямъ, что его творческая способность носила характеръ, свойственный первой, низшей степени научнаго самосознанія, характеръ скорой удовлетворительности результатами своей работы, нѣтъ: онъ своимъ проницательнымъ умомъ видѣлъ, что Россія болѣе всего нуждается въ распространеніи научныхъ понятій, что ему предстоитъ одна изъ самыхъ важныхъ и благородныхъ задачъ—подготовить

въ Россіи обширную и твердую почву для самостоятельныхъ изслѣдованій въ области науки. Когда онъ явился изъ-за границы, взоры всѣхъ устремились на эту молодую силу, всѣ захотѣли на мѣсто иностранныхъ учителей имѣть своего русскаго, и всѣ часы у Александра Абрамовича были разобраны для лекцій въ главномъ педагогическомъ институтѣ, въ университетѣ, въ институтѣ путей сообщенія, въ инженерной академіи, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и др., такъ что онъ всецѣло превратился въ учителя. И дѣйствительно, Александръ Абрамовичъ въ теченіе 35 лѣтъ воспиталъ цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, такъ что, по словамъ друзей Александра Абрамовича, ученики послѣдняго, когда онъ шелъ по улицѣ, попадались ему всюду, и иногда Александру Абрамовичу приходилось идти какъ бы безъ шапки, чтобы отвѣчать на всѣ поклоны многочисленныхъ его почитателей.

Александръ Абрамовичъ Воскресенскій въ теченіе тридцатипятилѣтняго служенія русской наукѣ, направилъ многіе молодые умы на истинный путь научнаго прогресса, такъ что имена многихъ его учениковъ неизгладимо вписаны въ исторію развитія науки вообще, и нѣкоторые изъ нихъ еще и теперь принимаютъ дѣятельное участіе въ ходѣ научнаго развитія. Отличительнымъ свойствомъ чтеній Александра Абрамовича были простота и общедоступность. Одна изъ любимыхъ его фразъ была: «а! да не боги кирпичи обжигаютъ!» Такъ любилъ онъ выражать ту несомнѣнно вѣрную идею, что на западѣ не существуетъ какихъ-либо исключительныхъ условій для научныхъ открытій. И нужно было видѣть, чтобы знать, какое сильное впечатлѣніе производила на слушателей эта фраза, побуждая ихъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Она имѣла особенное значеніе тогда, лѣтъ сорокъ назадъ, когда иностранные учителя кабинетною суровостью и ученой важностью запугивали молодой умъ, и безъ того очень робкій для самостоятельныхъ попытокъ на поприщѣ научнаго изслѣдованія. Это, конечно, лишнее теперь, когда каждому еще съ гимназической скамьи не страшно думать, что онъ можетъ со-

ставить себѣ имя въ наукѣ. Вообще объ Александрѣ Абрамовичѣ Воскресенскомъ нужно сказать, что это типъ перваго русскаго ученаго и профессора.

Александръ Абрамовичъ нѣкоторое время былъ ректоромъ здѣшняго университета. Усталый отъ профессуры, онъ оставилъ чтенія и, не желая вовсе разстаться съ любезнымъ ему школьнымъ дѣломъ, принялъ предложенный постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, но чрезъ два года вышелъ въ отставку, откровенно говоря въ кругу своихъ друзей: «это не по мнѣ». Послѣдніе семь-восемь лѣтъ онъ былъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, сохраняя живѣйшее участіе къ успѣхамъ современнаго знанія. Еще недавно онъ участвовалъ на съѣздѣ естествоиспытателей и съ живою радостію и теплою любовію говорилъ о молодыхъ силахъ науки, проявлявшихся въ лицѣ присутствовавшихъ на съѣздѣ молодыхъ ученыхъ. Онъ умеръ вѣрный дѣлу насажденія науки въ Россіи и на послѣдніе пожитки основалъ большую школу въ деревнѣ на своей родинѣ (въ Тверск. губ.), гдѣ и пожелалъ быть похороненнымъ. Отпѣваніе происходило въ четвергъ, 24 января, въ университетской церкви, куда собрались многіе профессорствующіе его ученики и сослуживцы. Небольшая горсть студентовъ слѣдовала до Николаевскаго вокзала за гробомъ этого ветерана русской науки

Приводимъ подробный перечень ученыхъ трудовъ профессора химіи Александра Воскресенскаго.

1) Ueber die Einwirkung der wasserfreien Schwefelsaeure auf das oelbildernes Gas. Liebig's Annal. T. 25, p. 113.

2) Ueber die Zusammensetzung der Chinesaeure. Liebig's Annal. T. 27, p. 257.

3) Ueber das Chinoyl, ibid. p. 268.

4) Ueber die Zusammensetzung der Naphtalins, Liebig's Annal. T. 26, p. 66.

5) Sur la Théobromine, substance azotté decouverte dans les fruits de Cacao. Bullet. de l'Acad. Imp. des sciences de S.-Petesrbourg, T. VIII, № 13.

6) Ueber die Einwirkung der Alkalien auf das Chinon. Ibid. T. III, p. 21.

7) Ueber die Zusammensetzung des Innulins. Ibid. T. V, p. 36.

8) Untersuschung ueber die in Russland vorkommenden Brennmaterialien des Mineralreichs. Bullet. de l'Acad. Im. des sciences de S. Petersbourg. T. IV. № 22, 23, 24.

9) Acide perseffocyan-hydrique; I. Liebig, traité de Chim. org. I, 192.

10) Ueber die Einwirkung des Chlors auf das Chinon. Journ. f. prakt. Chem. T. XVIII, p. 419.

X.

Михаилъ Евграфовичъ

Салтыковъ.

Родился Михаилъ Евграфовичъ 15-го января 1826 года, въ селѣ Спасскомъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Безбѣдная жизнь въ домѣ отца, богатаго помѣщика, въ здоровой и красивой мѣстности, способствовала его физическому и эстетическому развитію, тогда какъ умственноое развитіе было поставлено въ зависимость отъ дворового человѣка Салтыковыхъ. Выборъ былъ сдѣланъ тѣмъ не менѣе удачно. Наставникъ Михаила Евграфовича обладалъ многими достоинствами, какія имѣетъ далеко не всякій и образованный человѣкъ: это былъ бойкій, бывалый и насквозь знающій людей и жизнь, и къ тому же еще «художникъ». Когда Михаилу Евграфовичу исполнилось 7 лѣтъ, онъ сталъ учиться читать и писать по методѣ стараго, отеческаго и даже дѣдовскаго времени, по складамъ и съ неизбѣжною указкой въ рукѣ. Подъ руководствомъ этого наставника, занятія Михаила Евграфовича продолжались въ теченіи года, потомъ онъ перешелъ подъ женское образованное вліяніе. Старшая сестра его, Надежда Евграфовна, только что окончила курсъ въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ, пріѣхала домой съ подругой своей г-жею Васильевской, и обѣ занялись обученіемъ и воспитаніемъ будущаго сатирика и другихъ дѣтей. Но такъ какъ познаній ихъ было недостаточно для приготовленія мальчика въ московскій дворянскій институтъ, куда

отецъ думалъ опредѣлить сына, то съ Михаиломъ Евграфовичемъ закономъ Божіимъ и латинскимъ языкомъ занимзлся о. Иванъ, священникъ села Заозерья. Это были постоянные учителя маленькаго Салтыкова. Кромѣ нихъ, отецъ мальчика приглашалъ на лѣтнія вакаціи студента троицкой духовной академіи Матвѣя Петровича Салмина. Студенты духовной академіи въ то время пользовались заслуженнымъ довѣріемъ въ провинціи, и г. Салминъ два лѣта успѣшно занимался съ Михаиломъ Евграфовичемъ, обнаружившимъ большія умственныя дарованія. Десяти лѣтъ отлично подготовленный мальчикъ поступилъ въ третій классъ института и, пробывши въ заведеніи два года, за превосходные успѣхи въ 1838 году отправленъ въ царскосельскій лицей въ числѣ двухъ воспитанниковъ, каждые полтора года поступавшихъ изъ московскаго дворянскаго института, въ силу привиллегіи дарованной.

Съ поступленіемъ въ лицей Михаилъ Евграфовичъ изъ отличнаго ученика вдругъ превратился въ слабаго. Эта перемѣна въ хорошо развитыхъ юношахъ всегда рѣзко бросается въ глаза, приводитъ въ изумленіе учителей и даже возбуждаетъ преслѣдованія, а часто холодное, равнодушное пренебреженіе. Они лишь смутно понимаютъ, что юношу занимаетъ какой-то другой міръ идей и понятій, но это еще болѣе раздражаетъ ихъ, такъ какъ дѣйствительно грустно видѣть, когда даровитый мальчикъ пренебрегаетъ тѣми средствами къ осуществленію своихъ стремленій, къ служенію своему дарованію, которыя указываются наукой и сообщаются уму человѣка при изученіи различныхъ областей вселенной и исторической жизни народовъ. По большей части однако эти сожалѣнія и сопровождающее ихъ, часто жестокое, преслѣдованіе оказываются напрасными: даровитые юноши самостоятельно и болѣе прочно усвоиваютъ себѣ все, чего они не хотѣли усвоить въ школѣ, которая для нихъ является чѣмъ-то въ родѣ мѣста «прикомандировки». Самыя занятія научныя, какъ нѣчто обязательное, представляются имъ слишкомъ сухими, скучными; они ищутъ болѣе жизненнаго, въ чемъ бы проявлялась

ихъ свободная воля, самостоятельная энергія и живой умъ. Чаще всего юноши отдаются стихописанію и вообще сочиненіямъ на свои темы, а поэтому интересуются всѣмъ, что касается литературныхъ произведеній, набрасываются на романы и критическія статьи. Для Михаила Евграфовича существовала еще другая причина, было другое побужденіе къ литературнымъ занятіямъ. Въ его время въ лицеѣ еще очень живы были преданія о вышедшемъ изъ него величайшемъ поэтѣ Россіи, Пушкинѣ, и одно имя его сообщало лицеистамъ воодушевленіе, часто поэтическое. Всѣ склонные къ стихотворству лицеисты обязаны были его представлять въ курсѣ и подражать ему. Между тѣмъ Пушкинъ только что былъ убитъ на дуэли, и всѣ журналы были заняты критическими и другими статьями о немъ. А лицеисты со втораго курса выписывали почти всѣ журналы, тогда существовавшіе, и Михаилъ Евграфовичъ поставлялъ себѣ въ непремѣнную обязанность всѣ ихъ перечитывать отъ буквы до буквы. Разумѣется, Михаилъ Евграфовичъ въ своемъ курсѣ представлялъ Пушкина и писалъ стихи. Но эта страсть, какъ и слѣдовало ожидать, возбуждала преслѣдованія; не смотря на всѣ предосторожности, которыя Салтыковъ принималъ съ цѣлію скрыть отъ непосвященныхъ глазъ плоды своихъ бесѣдъ съ музами, зоркій глазъ начальства открывалъ ихъ въ рукавахъ куртки и даже за голенищами сапогъ. Юноша получилъ дурныя отмѣтки изъ поведенія; ему рѣдко когда было «изъ поведенія» свыше девяти. Правда, трудно повѣрить, чтобы только стихотворство было причиной такихъ низкихъ отмѣтокъ; вѣроятно, Салтыковъ позволялъ себѣ и другіе безпорядки, куреніе табаку, ношеніе треуголки не по формѣ, пренебреженіе и забывчивость по отношенію къ застегиванію пуговокъ на курткѣ и т. п. Хотя при выпускѣ обязательно каждому ставилось двѣнадцать, но у Михаила Евграфовича въ аттестатѣ значится, что онъ окончилъ курсъ при довольно хорошемъ поведеніи, что означаетъ истинное положеніе дѣла. Еще будучи въ лицеѣ, когда ему исполнилось всего пятнадцать лѣтъ, Михаилъ Евграфовичъ

напечаталъ свои стихи въ «Библіотекѣ для чтенія» 1841 года. Чрезъ два года, въ «Современникѣ» 1844 и 1845 года, онъ помѣстилъ еще восемь піесъ—сравнительно немного съ той массой стихотвореній, которую онъ написалъ. Большая часть его стиховъ—лирическіе, написанные, вѣроятно, подъ увлеченіемъ критическими статьями Бѣлинскаго, которыми онъ, наравнѣ со статьями Кудрявцева, зачитывался. Сатирическій элементъ дарованія Михаила Евграфовича впервые выразился въ шуточныхъ стихахъ, помѣщенныхъ въ «Свисткѣ» Плетневскаго журнала «Современникъ» въ 1860-хъ годахъ, написанныхъ, можетъ быть, гораздо ранѣе. Означенныя же восемь піесъ были Салтыковымъ напечатаны вслѣдъ за окончаніемъ курса въ лицеѣ, изъ котораго онъ выпущенъ X-мъ классомъ въ числѣ восьми, составлявшихъ лишь треть курса; остальные были выпущены IX-мъ классомъ. По выходѣ изъ лицея, Михаилъ Евграфовичъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства при князѣ Чернышевѣ. Въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 года онъ напечаталъ свою первую повѣсть «Противорѣчія» подъ псевдонимомъ «Непановъ», а въ мартовской 1848 года случай «Запутанное дѣло» подъ буквами М. С. Эти не очень замѣчательныя вещицы обратили на себя вниманіе своимъ слогомъ; вотъ его образчики: «будь ласковъ со старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не пререкословь, не спорь, *смиряйся*—и будешь *превознесенъ премного;* ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ». «Конечно, и въ ступающемъ осторожно по грязи человѣчествѣ рождались койкакія мысли по поводу дождя, вѣтра и слякоти, но это скорѣе были мысли черныя и неблагомѣренныя, вращавшіяся большею частію около того пункта, что есть дескать въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, но это вовсе не оно, странствующее во мракѣ, грязи и невѣжествѣ человѣчество...» Какъ разъ, этотъ своеобразный слогъ далъ поводъ найти «черными и неблагомѣренными» многія мысли произведеній Салтыкова, и особенно духъ ихъ. Особый комитетъ, назначенный для пересмотра процензурованныхъ и напечатанныхъ сочиненій,

подъ вліяніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ и изъ опасеній за волненіе умовъ, нашелъ вольными повѣсти Салтыкова, взялъ подъ свободный присмотръ свой и наконецъ удалилъ на службу въ Вятку, подъ опеку вятскаго губернатора. Въ Вяткѣ Михаилъ Евграфовичъ прошелъ чрезъ всѣ почти мытарства губернскихъ службъ и должностей, какъ въ 1855 г. его снова перевели въ Петербургъ. Въ 1856 г. онъ женился на Елизаветѣ Аполлоновнѣ Болтиной. Въ этомъ же году былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» цѣлый рядъ этюдовъ изъ провинціальнаго быта подъ названіемъ «Губернскія очерки»—результатъ тонкаго наблюденія и сатирическаго ума—имѣли попытку «разоблачить закулисную сторону нашей администраціи, съ которой такъ близко соприкасался самъ авторъ». Очерки сразу сдѣлали имя надворнаго совѣтника *Щедрина*, съ какимъ псевдонимомъ появлялись, извѣстнымъ всему образованному русскому міру. Когда они въ 1857 г. появились отдѣльной книжкой, вызвали множество критическихъ статей и рецензій во всѣхъ журналахъ, констатировавшихъ бойкость разсказа, смѣлость изображеній и серьезность поднятыхъ вопросовъ. Добролюбовъ одобряетъ Щедрина за сочувствіе къ низшему классу народа, какъ и ко всему *свѣжему и здоровому* въ Россіи. Публицисту особенно нравилось, что въ «Губернскихъ Очеркахъ» не было ни сантиментальничанья, ни идеализаціи; народъ изображенъ такъ, какъ онъ есть, и «къ нему Щедринъ относится безъ всякаго отрицанія». И дѣйствительно, въ скоромъ времени «Щедринъ» сдѣлался любимцемъ молодежи. Послѣ женитьбы, Михаилъ Евграфовичъ служилъ въ должности вице-губернатора въ Рязанской и Тверской губерніяхъ, не прекращая, но постепенно усиливая свою литературную дѣятельность. Заимствуемъ перечисленіе его работъ съ 1857 по 1863 годъ. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» были напечатаны: «Проснулся», сцена и «Губернскіе Честолюбцы», драматическій очеркъ; въ «Атенеѣ»—«Святочный разсказъ»; въ «Сборникѣ въ память Смирдина»—«Яшенька», повѣсть; во «Времени»—Недавнія комедіи: 1) «Соглашеніе», 2) «Погоня за счастьемъ» и «Нашъ

губернскій день»; въ «Современникѣ», куда послѣ «Русскаго Вѣстника» онъ перенесъ свою литературную дѣятельность, — «Женихъ», «Скрежетъ зубовный», «Развеселое житье», «Литераторы-Обыватели», «Клевета», «Наши глуповскія дѣла»,—«Къ читателямъ» и пр. Кромѣ того, Михаилъ Евграфовичъ напечаталъ нѣсколько статей объ общественныхъ вопросахъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Современной лѣтописи», какова напримѣръ «Гдѣ истинный интересъ дворянства?» Въ 1863 г. отдѣльные разсказы, напечатанные прежде, онъ издалъ въ двухъ книжкахъ подъ общими заглавіями «Сатиры въ прозѣ» и «Невинные разсказы». Книжки были встрѣчены также благосклонно, какъ и первая, «Губернскія Очерки», но кругъ читателей значительно уменьшился—отхлынули всѣ, кого «Щедринъ» задѣвалъ своей сатирой. Въ томъ же году Михаилъ Евграфовичъ вышелъ въ отставку и сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ «Современника», гдѣ помѣстилъ цѣлый рядъ прекрасныхъ беллетристическихъ очерковъ и массу рецензій, серьезныхъ статей и полемическихъ памфлетовъ. Изъ беллетристики назовемъ: «Послѣ обѣда въ гостяхъ», «Какъ кому угодно», «Прощаюсь, ангелъ мой съ тобою», «Здравствуй, милая, хорошая моя». «На зарѣ ты ее не буди» и др. Въ 1863—1864 гг. писалъ фельетонъ «Наша общественная жизнь», возобновилъ «Свистокъ», въ которомъ помѣстилъ множество юмористическихъ статеекъ подъ псевдонимомъ М. Зміева-Младенцева; онъ далъ также нѣсколько статей о театрѣ. Съ прекращеніемъ «Современника» въ 1866 г. и поступленіемъ «Отечественныхъ Записокъ» подъ редакцію Некрасова, Михаилъ Евграфовичъ былъ принятъ въ члены редакціи и всѣ свои силы посвятилъ этому журналу. Съ 1868 по 1878 годъ, онъ являлся тамъ со статьями за подписью Н. Г., М. М. или Н. Гуринъ. Въ 1868 г. были напечатаны его произведенія: «Новый Нарцизъ», «Старый котъ на покоѣ», «Старая Помпадурша», «Письма изъ провинціи» и «Признаки времени». «Этимъ годомъ,—говоритъ одинъ біографъ,—открывается второй и самый важный періодъ сатирической дѣятельности Салтыкова, обнимающій

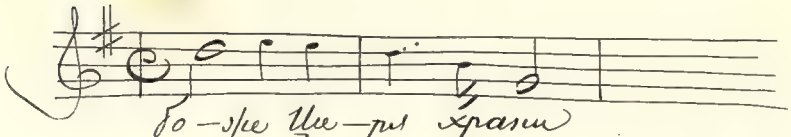
явленія нашей общественной жизни въ эпоху реакціи, когда у многихъ явилось стремленіе всѣми силами возродить старыя времена въ новомъ видѣ; это стремленіе Михаилъ Евграфовичъ весьма удачно охарактеризовалъ остроумнымъ словцомъ «подтягиваніе» .«Трудно себѣ представить, говоритъ сатирикъ, что нибудь болѣе уродливое, нежели жизнь, составленная изъ этихъ «подтягиваній». Трудно выдумать нигилизмъ болѣе безсодержательный, нежели этотъ диковинный, подтягивательный нигилизмъ». Затѣмъ въ слѣдующемъ году Салтыковъ напечаталъ нѣсколько разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Для дѣтей». «Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ», «Пропала совѣсть», «Годовщина», «Дикій помѣщикъ», «Добрая душа» и «Испорченные дѣти». Въ этомъ же году окончены печатаніемъ «Признаки времени» и «Письма изъ провинціи», которые и были изданы со включеніемъ нѣсколькихъ прежнихъ разсказовъ, отдѣльной книжкой. Къ этому году относятся также двѣ сатиры «Господа ташкентцы» и «Что такое ташкентцы?» и попытка написать историческую сатиру «Исторія одного города». Вообще, и въ дальнѣйшей дѣятельности, Михаилъ Евграфовичъ не пропустилъ ни одного явленія, коснулся всѣхъ отрицательныхъ сторонъ нашей русской жизни, не увлекаясь мишурою прогресса, разрабатывая современные вопросы въ разнообразныхъ этюдахъ, которые издавалъ потомъ отдѣльными книжками. Изъ послѣднихъ изданій укажемъ на «Дневникъ провинціала» (1873), «Помпадуры и помпадурши» (1873), «Благонамѣренныя рѣчи» (1876), «Въ средѣ умѣренности и аккуратности», «Монрепо», «Оскудѣніе» и др. Нѣкоторыя изданія были сдѣланы нѣсколько разъ, и нѣкоторыя сатиры переведены на иностранные языки. Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ произведеніяхъ Салтыковъ часто стаетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительными принципами, не признавая взгляда образованнаго большинства и не соблазняясь призрачными отрадными явленіями. При разнообразіи содержанія, онъ выражаетъ его еще въ причудливой, весьма капризной формѣ и тѣмъ возбуждаетъ еще бо́льшій интересъ. Возбудивъ безчисленныхъ подража-

телей, Щедринъ-Салтыковъ совершенно оригиналенъ въ своемъ творчествѣ и не имѣетъ образца въ предшествовавшихъ періодахъ. Между тѣмъ дальнѣйшій шагъ, который въ лицѣ Салтыкова сдѣлала сатира, опредѣляется тѣмъ, что Михаилъ Евграфовичъ умѣлъ развѣнчать на степень безнравственности многіе «столпы» наружнаго благочестія и безукоризненности. Тогда какъ Гоголь низводилъ на степень пошлости всякое *казавшееся* нормальнымъ нелѣпое положеніе или условіе, Салтыковъ разоблачалъ все безнравственное, прикрывавшееся священными именами гуманности, дружбы, цивилизаціи, благочестія. Одно изъ такихъ грозныхъ священнодѣйствій, самое разительное и современное, Салтыковъ совершаетъ въ сатирѣ «Столпъ». «Теперь Деруновъ—опора и столпъ. Авторитеты уважаетъ, собственность чтитъ, на счетъ семейнаго союза не сомнѣвается. Это доказывается тѣмъ, что онъ богатъ (слѣдовательно, чтитъ «собственность»), что онъ держитъ въ порядкѣ семью (слѣдовательно, чтитъ «семейный союзъ»), что онъ изъ уваженія «къ вышнему начальству» жертвуетъ на «общеполезное устройство» (слѣдовательно, чтитъ союзъ государственный»). Но что такое этотъ столпъ въ предъидущемъ? «Монополистъ, который всякую чужую копѣйку считалъ гулящею и не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не залучитъ все въ свой карманъ». Чѣмъ онъ оказывается потомъ? «Засиліе взялъ, а потому и окружилъ кругомъ. На какой базаръ ни сунься—вездѣ отъ него прикащики». «Въ двухъ семьяхъ счастливъ... у сына, у Яшеньки, жену отнялъ!» «Конечно, съ невыносимою болью въ сердцѣ говоритъ себѣ сатирикъ, Деруновъ не столпъ! Онъ не столпъ относительно собственности, ибо признаетъ неприкосновенною только лично ему принадлежащую собственность. Онъ не столпъ относительно семейнаго союза, ибо снохачъ. Наконецъ, онъ *не можетъ* быть столпомъ относительно союза государственнаго, ибо не знаетъ даже географическихъ границъ русскаго государства»...

XI.

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ былъ сынъ Ѳедора Петровича Львова. Фамилія Львовыхъ была очень извѣстна при Екатеринѣ II. Двоюродный братъ Ѳедора Петровича, Николай Александровичъ Львовъ, находился въ свитѣ императрицы, и между прочимъ, сопровождалъ ее въ поѣздкѣ въ Крымъ. Тонкій критикъ произведеній искусства, особенно архитектуры, начитанный, многосторонне образованный Николай Александровичъ Львовъ былъ другомъ Хемницера и даже издателемъ его басенъ; Николаю Александровичу представилъ на судъ также и Державинъ свою Фелицу. Николай Александровичъ писалъ самъ и въ своихъ сочиненіяхъ, какъ и всѣ писатели царствованія Екатерины, обнаруживалъ большое сочувствіе къ крестьянамъ. Но на поприщѣ техническаго производства Н. А. Львовъ сдѣлалъ еще болѣе; онъ изобрѣлъ воздушныя печи и открылъ каменный уголь въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Конечно, при такихъ связяхъ двоюродный братъ Николая Александровича, Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, не могъ быть неизвѣстенъ и, какъ отличный музыкантъ, при первой же открывшейся вакансіи занялъ мѣсто директора придворной пѣвческой капеллы, которое и занималъ до самой своей смерти въ концѣ 1836 года. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ былъ женатъ на Березиной, внучкѣ Дьякова, который былъ шуриномъ Державина и Н. А. Львова. Отъ этого брака и ро-


Бо – же Ця – ря храни

дился Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1798 году 25-го мая въ г. Ревелѣ. Менѣе, чѣмъ двѣнадцати лѣтъ, Алексѣй Ѳедоровичъ лишился своей матери и въ 1810 году пріобрѣлъ себѣ вторую—въ лицѣ Елисаветы Николаевны Львовой, дочери Николая Александровича Львова, на которой женился его отецъ, Ѳедоръ Петровичъ. Елисавета Николаевна, въ 1803 году потерявъ отца и въ 1807 году мать, росла и воспитывалась въ домѣ поэта Державина, жена котораго была ея родная тетка. Державинъ очень любилъ Елисавету Николаевну и, между прочимъ, диктовалъ ей объясненія на свои сочиненія. Вообще Елисавета Николаевна была высокообразованная въ эстетическомъ отношеніи женщина, которая вполнѣ замѣнила для Алексѣя Ѳедоровича родную мать, могла внушить ему склонность къ поэзіи и музыкѣ и впослѣдствіи гордилась имъ, какъ своимъ сыномъ. Мы уже видѣли, какъ она радовалась счастію своего пасынка, когда онъ былъ авторомъ народнаго гимна. Дѣйствительно, родители дали сыну прекрасное, многосторонне музыкальное образованіе, что было тѣмъ необходимѣе, что Алексѣй Ѳедоровичъ обнаруживалъ большую склонность къ музыкѣ. Онъ изучалъ ее во всѣхъ отрасляхъ, какъ солистъ, квартетистъ, и композиторъ. Учителями его на скрипкѣ были, между прочимъ, Кейзеръ, Лафонъ, Вемъ; всѣ они были въ свое время въ большой славѣ. Вемъ, напримѣръ, былъ первый концертистъ, игралъ вѣрно и отчетливо: но онъ однако не имѣлъ дара передавать своихъ познаній другимъ. Кейзеръ былъ капельмейстеромъ въ Ригѣ, сочинилъ «Libussa», особенно же извѣстенъ, какъ скрипачъ и перелагатель уландовыхъ пѣсенъ на музыку. Лафонъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ скрипачей своего времени; извѣстенъ также, какъ авторъ концертныхъ и салонныхъ піесъ. Композиціи Алексѣй Ѳедоровичъ учился у Миллера, знаменитѣйшаго контрапунктиста, піаниста и скрипача, автора ораторіи на латинскомъ текстѣ 164 псалма «Архангелъ Михаилъ», русскаго концерта «Коль возлюбленна твоя селенія, Господи» и многихъ піесъ для фортепіано и скрипки; но русскіе композиторы, особенно Глинка, поняли, что нѣмецкій контра-

пунктизмъ не всегда соглашается съ пылкой фантазіей. Вторымъ замѣчательнымъ учителемъ Алексѣя Ѳедоровича въ композиціи былъ Спонтини, который жилъ во Франціи и Италіи; въ своихъ операхъ онъ отвѣчалъ духу времени (французская революція и завоеванія Наполеона); такъ «Весталка», обратившая на него вниманіе и вызвавшая громадный восторгъ у французовъ, есть непрерывный рядъ самыхъ воинственныхъ маршей. Намъ кажется, что гимнъ «Боже, Царя храни» есть нѣчто среднее между этими двумя противоположностями—нѣмецкимъ или Миллеровскимъ холоднымъ контрапунктизмомъ и спонтиніевскимъ воинственнымъ фанатизмомъ. Здѣсь вполнѣ отразилось вліяніе двухъ различныхъ школъ на талантъ Львова, который однако оттого не пересталъ быть оригинальнымъ и, слѣдовательно, геніальнымъ. Въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ уже былъ извѣстенъ, какъ замѣчательно хорошій скрипачъ. Въ это время онъ, выпущенный изъ института корпуса путей сообщенія въ 1816 году первымъ, съ записью на доскѣ золотыми буквами его имени, долженъ былъ служить у графа Аракчеева, учреждавшаго военныя поселенія въ различныхъ мѣстахъ имперіи, гдѣ нужно было производить большія постройки.

Итакъ, отличный скрипачъ былъ восемнадцати лѣтъ не менѣе отличнымъ офицеромъ, и притомъ *ученымъ* офицеромъ. Служить у графа Аракчеева было не легко, но случайнымъ образомъ выборъ не зависѣлъ отъ самого Львова. Государь Императоръ Александръ I, котораго полнымъ довѣріемъ пользовался графъ Аракчеевъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы первый офицеръ по успѣхамъ, выпущенный изъ института путей сообщенія, поступалъ на службу въ районы военныхъ поселеній, чтобы такимъ образомъ составился у графа контингентъ способнѣйшихъ инженеровъ и помогалъ графу ввести въ государственное устройство Россіи предложенную имъ систему военныхъ поселеній — помогалъ осуществить этотъ, какъ извѣстно, неудавшійся проектъ. Служба у Аракчеева, какъ мы сказали, была хорошей школой для хорошаго офицера, какимъ былъ Алексѣй Ѳедоро-

вичъ. Чувствуя всю ея тяжесть, послѣдній не могъ однако же ее оставить, потому что графъ, угадавъ мотивы отставки, могъ задержать дальнѣйшее возвышеніе по степенямъ чиновъ и отличій. Но теперь, когда Алексѣй Ѳедоровичъ служилъ у него, онъ не могъ не оцѣнить добросовѣстности, съ которою молодой офицеръ относился къ своимъ обязанностямъ, любилъ его и не забывалъ представлять къ чинамъ и наградамъ. Графъ считалъ своею обязанностію даже лично рекомендовать Львова Государю Императору, показывая произведенныя постройки и называя молодаго строителя: «Отличный офицеръ, ваше величество»,—говорилъ графъ. При этомъ былъ и будущій Императоръ Николай I, который обратилъ тогда же вниманіе на Алексѣя Ѳедоровича. Когда Николай I вступилъ на престолъ, Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1826 году поступилъ адъютантомъ къ графу Бекендорфу. У графа Аракчеева Львовъ служилъ восемь лѣтъ, что Николай Павловичъ ставилъ ему въ особенную заслугу:

— Возьми его, — сказалъ Императоръ графу Бенкендорфу, когда послѣдній просилъ Львова себѣ въ адъютанты,— отличный офицеръ: восемь лѣтъ выслужилъ у графа Аракчеева.

Графъ Бенкендорфъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи Императоромъ Николаемъ, былъ членомъ государственнаго совѣта и шефомъ жандармовъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ государя, и Алексѣй Ѳедоровичъ, исполняя при немъ должность секретаря, въ лицѣ его пріобрѣлъ самаго благосклоннаго патрона. Вмѣстѣ съ графомъ онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года и вскорѣ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ 1831 году Алексѣй Ѳедоровичъ въ первый разъ въ путешествіи Императора по Россіи замѣнилъ графа Бенкендорфа, который заболѣлъ холерою. Привязанный къ Бенкендорфу, Императоръ, когда графъ отказался ѣхать съ съ нимъ, сказалъ:

— Дай мнѣ хоть Львова.

Съ этого времени Алексѣй Ѳедоровичъ въ продолже-

ніе четырнадцати лѣтъ сопровождалъ государя въ его путешествіяхъ. Въ 1833-мъ году государь Николай Павловичъ съ государынею императрицею посѣтилъ помѣстье графа Бенкендорфа близь Ревеля, родины Алексѣя Ѳедоровича; послѣдній былъ съ нимъ. Алексѣй Ѳедоровичъ тогда уже былъ извѣстенъ въ Россіи, какъ скрипачъ-виртуозъ. Въ помѣстьѣ графа находился висячій мостъ, когда-то построенный Алексѣемъ Ѳедоровичемъ,—мостъ, который всѣхъ удивлялъ своею легкостью; онъ былъ построенъ на очень быстрой рѣчкѣ, шириною въ сто футовъ. Государь до того былъ восхищенъ видомъ этого моста, что сказалъ: «это Львовъ свой смычокъ перекинулъ съ берега на берегъ», и припомнилъ объ отличномъ окончаніи Львовымъ курса въ институтѣ путей сообщенія.

6-го декабря 1833 года въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, по приказанію Государя Императора, въ первый разъ всенародно былъ исполненъ народный гимнъ, сочиненный Львовымъ. Весь театръ былъ полнъ, и публика, лишь раздалось торжественно «Боже, царя храни», вся поднялась съ мѣстъ и стояла, пока гимнъ былъ исполненъ три раза, по ея требованію. Восторженныя рецензіи наполняли всѣ газеты того времени, и пышное описаніе спектакля скоро достигло Петербурга. Во второй разъ публично гимнъ былъ исполненъ въ день Рождества во всѣхъ залахъ зимняго дворца, гдѣ были собраны войска по случаю празднованія изгнанія французовъ изъ Россіи 25 декабря 1813 года. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, который тогда былъ директоромъ пѣвческой капеллы, не могъ безъ слезъ слышать сочиненіе своего сына. Самъ Алексѣй Ѳедоровичъ совсѣмъ не пріѣхалъ во дворецъ изъ-застѣнчивости, которую чувствуетъ каждый авторъ, когда его произведеніе исполняется публично. Но ему гр. Бенкендорфъ написалъ въ тотъ же день записку, въ которой выразилъ восхищеніе Государя Императора его піесой и экстазъ принца Оранскаго, который пожелалъ познакомиться съ композиторомъ и приглашалъ его самаго привезти піесу. Алексѣю Ѳедоровичу тогда было 34 года. Послѣ этого онъ получалъ приглашенія на домашніе кон-

цертные вечера, которые составились при дворѣ и въ которыхъ Государь, Императрица, всѣ великіе князья и княжны и самые приближенные люди принимали участіе. Государь Николай Павловичъ имѣлъ отличный слухъ и амбушюръ, т. е. умѣлъ всегда производить желаемый звукъ, прикладываясь губами къ трубѣ. Тѣмъ не менѣе Алексѣй Ѳедоровичъ за нѣсколько минутъ предъ концертомъ долженъ былъ приходить и проигрывать съ нимъ въ кабинетѣ его партію. Въ одинъ изъ вечеровъ 1834 г. Алексѣй Ѳедоровичъ былъ по приглашенію императрицы у нея въ купальнѣ, изящно отдѣланной небольшой комнатѣ, съ ванною изъ бѣлаго мрамора, въ которую лилась вода изъ большой, необыкновенной красоты раковины, куда проведенъ былъ ключъ. Комната была освѣщена слабымъ свѣтомъ, и всѣ великіе князья и княжны, а также графъ Віельгорскій и Толстой находились на лицо. Когда императрица услышала, что идетъ Государь, предложила запѣть «Боже, царя храни» и сама начала. Государь услышалъ чудное пѣніе, остановился и потомъ весь въ слезахъ, кинулся цѣловать царицу и дѣтей. Такое глубокое впечатлѣніе производила музыка народнаго гимна Львова и такъ она завоевывала себѣ права, пока наконецъ превратилась въ неотъемлемое достояніе каждаго русскаго гражданина. Въ концѣ 1836 года скончался отецъ Алексѣя Ѳедоровича, и мѣсто директора пѣвческой капеллы осталось вакантнымъ. Думали, что на эту должность назначатъ графа Вьельгорскаго или князя Григорія Волконскаго. Но по рекомендаціи приближенныхъ и по личному убѣжденію Государь Императоръ назначилъ директоромъ пѣвчихъ Алексѣя Ѳедоровича Львова, что было, между прочимъ, непріятно нашему великому композитору Глинкѣ, который почти въ то же время получилъ назначеніе въ капельмейстеры и находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ семействомъ отца Львова. Не смотря на то, что Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, прежде необыкновенно внимательный къ Глинкѣ, одинъ разъ въ театрѣ очень рѣзко заявилъ, неизвѣстно почему, о своемъ не желаніи продолжать знакомство, грубо отвернувшись отъ поклона Глинки, —

Алексѣй Ѳедоровичъ принялъ Глинку съ величайшимъ радушіемъ, и они рѣшили идти рука объ руку на ихъ новомъ поприщѣ. Хотя прямымъ дѣломъ директора является лишь хозяйственная часть въ капеллѣ, однако Алексѣй Ѳедоровичъ принималъ большое участіе въ выборѣ пѣвчихъ. Вскорѣ послѣ назначенія его директоромъ капеллы происходилъ наборъ новыхъ пѣвчихъ. Императоръ всегда самъ производилъ имъ экзаменъ, экзаменовалъ строго и хотѣлъ, чтобы его пѣвчіе сдѣлались извѣстны въ Европѣ. Поэтому Львовъ и Глинка ихъ тщательно подготовляли. Алексѣй Ѳедоровичъ всегда заботился о томъ, чтобы размѣщеніе пѣвчихъ было прекрасное и удобное для капельмейстера, которому почти всегда указывалъ мѣсто, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ присутствіи Государя Императора, даже и позу.

6-го ноября 1838 года Алексѣй Ѳедоровичъ женился, и его бракосочетаніе происходило въ церкви Аничковскаго дворца. Государь былъ его посаженымъ отцомъ. Вообще Государь очень любилъ Львова и обращался съ нимъ, какъ съ роднымъ. Онъ въ день свадьбы Алексѣя Ѳедоровича спросилъ у его матери:

— Не сѣтуете-ли вы на меня за то, что я такъ часто беру у васъ Алексѣя?

Алексѣй Ѳедоровичъ пушествовалъ въ свитѣ Его Величества, которой былъ генералъ-маіоромъ, въ Россіи и за границей. Въ 1837-мъ году Государь Императоръ въ первазъ посѣтилъ Кавказъ. Изъ дневника Алексѣя Ѳедоровича видно, съ какой непринужденностію онъ всегда говорилъ съ Государемъ во время путешествій. Императоръ, во время плаванія Чернымъ моремъ изъ Керчи въ Редутъ-Кале, часто ходилъ по палубѣ и пѣлъ нѣкоторыя молитвы, заставляя то же дѣлать Львова. Когда Львовъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакого голоса, Императоръ смѣялся и говорилъ.

— Не можетъ быть, ты говоришь, и голосъ долженъ быть.

Такъ какъ это путешествіе было въ сентябрѣ, то на морѣ становилось свѣжо, и Государь, кутаясь въ свою сѣ-

рую шинель, жаловался на погоду. Алексѣй Ѳедоровичъ на это прямо говорилъ:

— Да, Ваше Величество, вамъ не слѣдовало бы путешествовать по Черному морю въ сентябрѣ.—Иногда, пріѣзжая на станцію раньше Императора, Алексѣй Ѳедоровичъ предупреждалъ хозяевъ о вкусахъ и наклонностяхъ Государя и давалъ благоразумные совѣты. До чего доходило самоотверженіе Львова и его ревность, показываетъ слѣдующій случай. Однажды Государь, недовольный тѣмъ, что ему вопреки обыкновенія подали на обѣдъ четвертое блюдо изъ только-что полученныхъ форелей, сѣлъ въ экипажъ, не кончивъ обѣда, и уѣхалъ. Графъ Орловъ, который также сопровождалъ Императора, отправился вслѣдъ за нимъ въ своей коляскѣ. Алексѣй Ѳедоровичъ, который ѣхалъ прежде въ коляскѣ графа Орлова, а теперь не былъ имъ приглашенъ, долженъ былъ ѣхать верхомъ на неумѣлыхъ почтовыхъ лошадяхъ и чрезъ двѣ станціи, весь измокшій и усталый, настигаетъ Государя на той станціи, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Только милостивыя слова Государя, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, заставили Алексѣя Ѳедоровича забыть все, что онъ вынесъ въ этотъ день—болѣе ста верстъ проскакалъ на проливномъ дождѣ.

Какъ виртуозъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ игралъ на скрипкѣ въ первый разъ въ Лейпцигѣ въ 1840 году. Это путешествіе Алексѣя Ѳедоровича вообще было совершено съ артистическою цѣлью. Къ этому же времени относится знакомство А. Ѳ. съ извѣстнымъ композиторомъ Мейербером, авторомъ многихъ оперъ, въ Эмсѣ. Съ этого времени Алексѣй Ѳедоровичъ почти исключительно отдается служенію музыкѣ. Одинъ изъ видныхъ членовъ артистическаго кружка музыкантовъ-меценатовъ, онъ пропагандировалъ среди высшаго общества вкусъ къ камерной музыкѣ, выполняемой въ частномъ кругу и довольствущейся лишь нѣсколькими голосами и инструментами. Послѣ этого аристократія не стала видѣть единственной прелести въ музыкѣ театральной или церковной. Какъ композиторъ, А. Ѳ. Львовъ имѣлъ только небольшое значеніе; его сочиненія причисляютъ къ третье-

степеннымъ произведеніямъ италіанской школы. Тѣмъ не менѣе музыка его была глубокая и производила большое впечатлѣніе. Въ 1841-мъ году онъ написалъ и поднесъ Государю Императору концертъ, который игралъ въ залѣ дворянскаго собранія въ пользу патріотическихъ школъ и въ которомъ участвовали всѣ любители и любительницы. Дворъ и многочисленная публика присутствовали въ этомъ концертѣ, и по окончаніи его Государь прислалъ за Львовымъ, вышелъ къ нему на встрѣчу изъ ложи, обнялъ и сказалъ:

— Никогда такъ музыка на меня не подѣйствовала, какъ сегодня; мнѣ совѣстно было, я прятался за колонну, чтобы никто моихъ слезъ не видалъ; ты заставилъ меня войти въ самого себя!..

Въ 1848 году начальныя слова народнаго гимна Высочайше повелѣно было внести въ гербъ Львовыхъ, какъ девизъ «Боже, царя храни». Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1850 году учредилъ «концертное общество», которое давало въ великомъ посту ежегодно по три концерта въ залѣ пѣвческой капеллы. Въ 1852 году онъ былъ главнымъ распорядителемъ празднества, устроеннаго по поводу пятидесятилѣтняго существованія филармоническаго общества; въ составъ игранныхъ піесъ входили и сочиненія Алексѣя Ѳедоровича. Въ этомъ же году подготовленымъ Глинкою по просьбѣ А. Ѳ. Львова хоромъ была исполнена «молитва у креста» (Stabat Mater), сочиненная Львовымъ для хора съ оркестромъ. Въ 1853 году Алексѣй Ѳедоровичъ произведенъ въ тайные совѣтники съ званіемъ гофмейстера, въ 1855 году назначенъ сенаторомъ и скоро послѣ того произведенъ въ оберъ-гофмейстеры. Каждое воскресенье послѣ обѣдни онъ ѣздилъ съ докладомъ къ графу А. Ѳ. Орлову, который представлялъ всѣ бумаги Государю и часа черезъ два послѣ обѣдни присылалъ Алексѣю Ѳедоровичу обратно за царскою подписью. Изъ періода этой дѣятельности Алексѣя Ѳедоровича сохранился въ памяти его родственниковъ случай, свидѣтельствующій о величайшемъ добросердечіи его. Къ нему пришелъ казакъ, служившій пятнадцать лѣтъ въ конвоѣ, и

просилъ со слезами отпустить на родину на Кавказъ, гдѣ много несчастій постигло родную ему семью: умерли отецъ и жена, пять сиротъ остались на рукахъ его матери, хлѣбъ выбило градомъ и хата его сгорѣла. У Алексѣя Ѳедоровича сердце облилось кровью; онъ тутъ же заставилъ своего писаря написать докладъ Государю прямо отъ лица графа Орлова, въ которомъ изложилъ крайне бѣдственное положеніе казака и его семьи и просилъ выдать ему на подъемъ 75 рублей. Когда графъ Орловъ увидѣлъ докладъ этотъ и велѣлъ вмѣсто 75 рублей написать 25 р., душу Львова наполнило страшно тяжелое чувство, тѣмъ не менѣе онъ выскоблилъ 75 и написалъ 25. Когда докладъ былъ полученъ отъ Государя, первой мыслію Алексѣя Ѳедоровича было посмотрѣть бумагу о казакѣ, и неизъяснимая радость отразилась на его лицѣ, когда онъ увидѣлъ, что Государь Императоръ зачеркнулъ 25 и написалъ 150 рублей, которые Алексѣй Ѳедоровичъ и поспѣшилъ выдать казаку. Алексѣй Ѳедоровичъ управлялъ дѣлами императорской главной квартиры болѣе двадцати лѣтъ. Онъ былъ украшенъ множествомъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ и состоялъ членомъ безчисленнаго множества музыкальныхъ обществъ и учрежденій. Директоромъ пѣвческой капеллы онъ былъ по 1861 годъ. Въ послѣднее время онъ занимался разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ церковныхъ напѣвовъ. Онъ написалъ книжку о свободномъ или же симметрическомъ ритмѣ, школу для обучающихся на скрипкѣ, сорокъ пять духовыхъ музыкальныхъ сочиненій, привелъ въ порядокъ простое церковное пѣніе и переложилъ церковныя піесы на четырехголосную гармонію, издалъ двѣнадцать книжекъ съ такими нотами. Піесы церковныя, сочиненныя Львовымъ, производятъ необычайно глубокое впечатлѣніе, и Императоръ Николай Павловичъ, въ ознаменованіе глубины производимаго церковной музыкой Львова впечатлѣнія, складывалъ руки на груди, когда хотѣлъ, чтобы въ церкви пѣли «Отче нашъ» или «Херувимскую» Львова, оставленную для исполненія при дворцовой церкви. Самъ Государь говоритъ, что онъ не можетъ слышать

безъ слезъ «Отче нашъ» Львова. Но свѣтскія сочиненія Львова не имѣютъ такого значенія. Кромѣ гимна «Боже Царя храни», Алексѣй Ѳедоровичъ написалъ «Stabat Mater» для хора съ оркестромъ, три оперы «Біанка и Гвальтьеро», «Ундина», «Эмма», одну оперетку и тридцать различныхъ вокальныхъ инструментальныхъ піесъ. Къ концу жизни онъ сталъ глохнуть и въ 1868 году совершенно лишился слуха, этого чувства, доставлявшаго ему столько сладостныхъ ощущеній. Онъ умеръ въ 1871 году. До послѣдняго года жизни Алексѣй Ѳедоровичъ не переставалъ поддерживать сношенія съ художниками и музыкантами, старался привязать ихъ къ себѣ и не жалѣлъ для дорогихъ гостей бутылки самаго рѣдкаго вина. По словамъ Глинки, онъ великолѣпно игралъ Моцарта и Гайдна. Съ другой стороны и самъ Алексѣй Ѳедоровичъ никогда не заставлялъ себя ждать на семейныхъ празднествахъ его знакомыхъ, былъ постояннымъ гостемъ Глинки, котораго очень уважалъ при жизни и по смерти. Такъ онъ удержалъ Глинку на службѣ, пока тотъ дослужился до новаго чина, убѣдивъ, что можно еще потерпѣть для него полтора мѣсяца. По смерти Глинки онъ ходатайствовалъ о почтеніи его памяти панихидою въ Казанскомъ соборѣ и о признаніи его знаменитымъ композиторомъ. Мы отдаемъ справедливую признательность великодушію Алексѣя Ѳедоровича и по этому считаемъ себя обязанными воспроизвести въ умахъ читателей то впечатлѣніе, которымъ были охвачены москвичи при первомъ исполненіи народнаго гимна, и которое поможетъ намъ яснѣе сознать наши собственныя страстныя ощущенія, какія производитъ на насъ музыка А. Ѳ. Львова. Вотъ что пишетъ одинъ москвичъ въ 1833 году о о первомъ исполненіи «Боже царя храни».

«Я возвращаюсь сейчасъ изъ театра, восхищенный, тронутый тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Всѣмъ извѣстна русская народная пѣсня Жуковскаго: Боже, царя храни; вы, можетъ быть, слышали также, что А. Ѳ. Львовъ сочинилъ на эти слова музыку. Какъ знаменитый поэтъ, такъ и отличный музыкантъ, оба жители невскихъ бере-

говъ; но только древняя русская столица, одна наша бѣлокаменная Москва могла представить зрѣлище, подобное тому, какое мы видѣли: огромный нашъ театръ былъ весь полнехонекъ; тутъ находилось все лучшее общество; пять ярусовъ ложъ были наполнены прекрасными дамами. Казалось, что посѣтители великолѣпной залы благороднаго собранія перебрались всѣ въ Большой театръ, чтобы представить плѣнительную, разнообразную и вмѣстѣ съ тѣмъ живую картину. Съ самой уже пятницы нельзя было имѣть билетовъ.

«Шли сначала двѣ довольно занимательныя піесы, но нетерпѣливой публикѣ онѣ показались утомительными, ибо всѣхъ привлекало другое чувство, чувство ожиданія. Наконецъ начинается балетъ «Праздникъ въ русскомъ лагерѣ», котораго публика ожидала съ нетерпѣніемъ. Молодцы, подъ музыку скораго марша, дѣлаютъ разныя эволюціи и переходы съ удивительнымъ проворствомъ и ловкостію. Имъ много апплодировали. Потомъ расположились они лагеремъ въ глубинѣ сцены, на прекрасныхъ пригоркахъ, гдѣ составили живописныя группы. Когда подошелъ къ авансценѣ актеръ Бантышевъ, водворилась вдругъ необыкновенная тишина; всякій готовился внимать словамъ и музыкѣ. Едва раздался гласъ: Боже, храни Царя! какъ вслѣдъ за представителями знати поднялись съ мѣстъ всѣ три тысячи зрителей, наполнявшихъ театръ, въ какомъ положеніи и оставались до окончанія пѣнія. Картина была такъ необыкновенна, тишина, царствовавшая въ огромномъ зданіи, была такъ величественна, слова и музыка столь живо дѣйствовали на всѣ чувства, что многіе отъ ихъ избытка проливали слезы... Всѣ безмолвствовали: видно было, что каждый ощущенія свои заключалъ въ глубинѣ души; но когда оркестръ театральный, хоры, полковые музыканты, числомъ до 500 человѣкъ, повторяли вмѣстѣ драгоцѣнный обѣтъ всѣхъ русскихъ; когда Небеснаго Царя стали просить о Царѣ земномъ, когда нѣжныя дѣти предстательствовали за отца, о благѣ ихъ столько пекущагося, тутъ уже шумнымъ восторгамъ не было ни мѣры, ни оплота, рукоплесканія вос-

хищенныхъ зрителей и крики «ура!», смѣшавшись съ хоромъ, съ оркестромъ, и съ духовою музыкою, бывшею на сценѣ, произвели гулъ, колебавшій самыя сцены огромнаго театра. Эти восторги преданныхъ Государю своему москвитянъ токмо тогда прекратились, когда по единодушному и всеобщему требованію всѣхъ зрителей, народная пѣсня была повторена. Зачѣмъ волшебнымъ какимъ-нибудь мановеніемъ не явились въ Москву на этотъ вечеръ представители всѣхъ европейскихъ народовъ, чтобы видѣть, какъ русскіе любятъ своего Государя? Долго, долго останется въ памяти всѣхъ жителей бѣлокаменной столицы этотъ день въ декабрѣ 1833 года!

«Не одинъ разъ случалось мнѣ досадовать, что англичане имѣютъ свою народную пѣсню God save the King, а французы свою: Vive Henri quatre. Пора намъ имѣть свой русскій напѣвъ! Желательно, чтобы новая музыка сдѣлалась неразлучною съ простыми, но исполненными чувства словами Жуковскаго: съ хоромъ производитъ она прекрасный эффектъ, хотя должно сознаться, что она заключаетъ въ себѣ болѣе церковной, нежели простонародной мелодіи».

Не правда-ли, что въ этомъ восторженномъ отзывѣ отражается и наше чувство, которое насъ охватываетъ при могучихъ звукахъ гимна, и вся та торжественная обстановка, при которой обыкновенно нашъ народный гимнъ исполняется.

Самымъ живымъ наслѣдствомъ отъ Алексѣя Ѳедоровича Львова, кромѣ народнаго гимна, остались и теперь употребляемые въ богослуженіи мотивы его музыки и концертное общество, которое съ похвальной твердостію остается вѣрно плану своего учредителя, не допуская въ составъ устраиваемыхъ концертовъ ничего неклассическаго. Во всемъ этомъ живетъ нашъ первый композиторъ, нашъ уважаемый Львовъ, а имя его не будетъ забыто, доколѣ Россія будетъ имѣть и любить царей и доколѣ будетъ держаться единой православной вѣры.

XII.

Валерій Ивановичъ Якоби,

профессоръ Императорской академіи художествъ.

Валерій Ивановичъ Якоби родился въ 1836 г. въ Казанской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ мѣстной гимназіи, затѣмъ поступилъ въ университетъ. Страсть къ искусству выказалась у него рано. Живой и подвижный, отличный ѣздокъ и стрѣлокъ, онъ дѣятельно занимался науками, но душою отдыхалъ за рисованіемъ. Послѣ крымской кампаніи, въ которой г. Якоби принималъ участіе въ качествѣ волонтера, онъ поступилъ въ Императорскую академію художествъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ вскорѣ началъ обращать на себя вниманіе профессоровъ необыкновенными успѣхами своими въ рисованіи. Благодаря выдающейся талантливости, на прохожденіе курса ему потребовалось не 12 лѣтъ, какъ бы слѣдовало, а всего 4 года, въ теченіи которыхъ онъ получилъ всѣ обычныя академическія награды.

Первою своею картиною, появившеюся въ 1857 году, г. Якоби примкнулъ къ наиболѣе живому направленію въ русскомъ искусствѣ того времени. Картина эта изображала петербургскаго уличнаго продавца фруктовъ. Художникъ не увлекся такимъ образомъ рутиннымъ академическимъ классицизмомъ, но приступилъ къ изученію обыденной жизни, слѣдуя по стопамъ извѣстнаго Федотова и его послѣдова-

телей. За «Продавца фруктовъ» г. Якоби получилъ вторую серебряную медаль. Въ 1858 году онъ написалъ вторую подобную-же картину «Татары — продавцы халатовъ». Въ этой картинѣ г. Якоби высказалъ уже тонкую наблюдательность и силу кисти, и былъ удостоенъ за нее большой серебряной медали. Въ 1859 году появилась картина его «Свѣтлый праздникъ нищаго». Въ ней художникъ расширилъ область своего творчества и далъ уже не отдѣльный типъ, а цѣлую бытовую картинку. Старикъ нищій возвратился къ своей семьѣ въ день Св. Пасхи, со сборомъ доброхотныхъ даяній. Сборъ былъ обиленъ. Около старика его внучекъ, радующійся вынимаемымъ изъ мѣшка краснымъ яичкамъ. Въ сторонѣ жена и дочь нищаго. За эту картину г. Якоби получилъ малую золотую медаль. Въ слѣдующемъ 1860 году Валерій Ивановичъ обратилъ на себя вниманіе не только любителей живописи, но и всего интеллигентнаго Петербурга своимъ «Привалomъ арестантовъ». Въ то время партіи ссыльныхъ весь далекій путь изъ Москвы въ глубь Сибири проходили пѣшкомъ по этапу. Художникъ изобразилъ одну изъ такихъ партій сдѣлавшую привалъ въ безлѣсной, снѣжной степи. Безотрадная мѣстность и грустныя фигуры закованныхъ въ цѣпи каторжниковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, дышатъ правдою и невольно щемятъ сердце... За эту картину, имѣвшую полнѣйшій успѣхъ на академической выставкѣ того года, г. Якоби былъ удостоенъ большой золотой медали, которая, какъ извѣстно, даетъ право ѣхать на казенный счетъ заграницу. Этимъ правомъ Валерій Ивановичъ воспользовался въ слѣдующемъ 1861 году и пробылъ заграницею цѣлыя семь лѣтъ.

Первоначально художникъ направился въ Германію, гдѣ изучалъ музеи и картинныя галлереи. Затѣмъ занимался въ Цюрихѣ живописью подъ руководствомъ профессора Колера и наконецъ прибылъ въ Римъ, гдѣ провелъ шесть лѣтъ. Заграницею г. Якоби написалъ много картинъ частію бытовыхъ — изъ римской жизни, — частію историческихъ. Картины эти выставлялись не только въ Петербургѣ, но и на всемірныхъ выставкахъ — лондонской въ 1862 году и

парижской въ 1867 г: Между прочимъ, къ этому времени относятся слѣдующія произведенія его кисти: «Полдень» (двое нищихъ освѣщены солнцемъ, имъ подаетъ милостыню женщина), «Осень» (дѣвочка съ мальчикомъ). 1863 г.— «Закатъ»; «Знахарка»; «Шифонье». 1864 г. — «Террористы и умѣренные» (картина эта была на выставкѣ того года подъ названіемъ «Робеспьеръ»); «Голова Колиньи и герцогъ Гизъ» (за эту картину художникъ получилъ званіе академика). 1868—1869 г.: «Какъ аукнется, такъ и откликнется» (кошкѣ стригутъ ногти); «Выходъ изъ траторіи» (фигуры пьяныхъ); «Политика послѣ завтрака»; «Тарантелла на зубахъ» (фигуры цыганятъ); «Модная мать»; «Бандуристъ» и др. Въ число наиболѣе интересныхъ изъ этихъ картинъ слѣдуетъ несомнѣнно поставить «Политику послѣ завтрака», въ нее г. Якоби внесъ элементъ тонкой сатиры. Картина изображаетъ отдыхъ римскаго кардинала послѣ обильнаго завтрака. На столѣ остатки роскошныхъ блюдъ и не мало открытыхъ бутылокъ съ виномъ, отчасти опустошенныхъ; кардиналъ полулежитъ. Находящійся вмѣстѣ съ нимъ молодой прелатъ, блѣдный съ лицомъ аскета, почтительно прочитываетъ своему патрону текущія новости. Картина «Террористы» была на парижской выставкѣ 1867 года.

В. И. Якоби возвратился изъ-заграницы въ 1869 году. Съ этого года и начался наиболѣе блестящій періодъ дѣятельности художника. Онъ посвятилъ себя русской исторической живописи и далъ рядъ картинъ безспорно замѣчательныхъ и по техникѣ, и по выбору сюжетовъ, показывающихъ, кромѣ того, тщательное изученіе эпохи. Шестидесятые и семидесятые года, какъ извѣстно, принесли массу новаго историческаго матеріала. Много появилось за эти года изысканій, напечатано мемуаровъ и записокъ, рельефно освѣтившихъ разныя эпохи русской исторической жизни. Г. Якоби остановился исключительно на царствованіи Императрицы Анны Іоанновны и несчастнаго младенца Императора Іоанна Антоновича. Къ этой эпохѣ относятся четыре его картины «Арестъ Бирона», «Утро во дворцѣ

Анны Іоанновны въ 1740 г.», «Ледяной домъ», «Волынскій въ кабинетѣ министровъ». Послѣ смерти Императрицы Анны Іонановны вся власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ регента герцога курляндскаго Бирона. Ни одинъ голосъ не возвышался противъ жестокаго временщика, все дрожало передъ нимъ. Въ своемъ высокомѣріи онъ поговаривалъ даже о высылкѣ заграницу матери и отца малолѣтняго Императора Іоанна VI — принца Антона Ульриха и Анны Леопольдовнаы, послѣ открытія одного заговора, въ которомъ участвовалъ между прочимъ и адъютантъ принца. Но нашелся рѣшительный человѣкъ. задумавшій положить конецъ такому ненормальному положенію вещей — это былъ знаменитый фельдмаршалъ Минихъ, всегда честный слуга престола. Онъ предложилъ принцессѣ арестовать Бирона въ его дворцѣ. Анна Леопольдовна лично передала приказъ офицерамъ преображенскаго полка, состоявшимъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, Минихъ-же воодушевилъ солдатъ. Они двинулись къ деревянному лѣтнему дворцу, бывшему въ лѣтнемъ саду, гдѣ нынѣ великолѣпная рѣшетка), ведомые адъютантомъ Миниха — Манштейномъ. Картина г Якоби «Арестъ Бирона» представляетъ тотъ моментъ, когда Манштейнъ уже проникъ въ роскошную спальню регента. Обѣ половинки дверей распахнуты настежъ. У входа часовой и группа солдатъ преображенцовъ въ походной формѣ. Спальна озарена яркимъ свѣтомъ брошеннаго на стулъ фонаря. Съ этимъ фонаремъ, безъ сомнѣнія потайнымъ, Манштейнъ прошелъ по комнатамъ дворца. У кровати поверженъ Биронъ; онъ тщетно хватается за шпагу; стулъ, шпага и китайскія ширмы летятъ на полъ. Вся фигура Бирона сдѣлана весьма схожею съ лучшими его портретами, но такъ какъ герцогъ захваченъ въ постели, то мы видимъ его въ моментъ борьбы безъ парика, что разумѣется даетъ другой видъ его головѣ и лицу. Фигуру Манштейна художникъ поставилъ такъ, что лица его не видно; сдѣлано это, безъ сомнѣнія, потому, что портретъ Манштейна до сихъ поръ не найденъ, и неизвѣстно даже, былъ ли онъ когда-либо изданъ. На крикъ Манштейна бѣжитъ старый офицеръ, съ

эспантономъ и шарфомъ, готовый перевязать ненавистнаго правителя... Комната Бирона отдѣлана въ китайскомъ вкусѣ, какъ и было дѣйствительно; надъ кроватью занавѣси голубаго бархата, подбитыя желтымъ атласомъ; онѣ шиты золотомъ съ гербами герцога. Одѣяло атласное, ваточное, стеганое, бѣлое съ цвѣтами. Стулъ у постели обдѣланъ золотомъ и обитъ малиновымъ бархатомъ; на полу богатый красноватаго цвѣта коверъ. На фигурномъ, золотомъ обдѣланномъ столѣ—шкатулка съ андреевской звѣздою и голубою къ ней лентою; тутъ-же лежитъ парикъ герцога. У кровати легкія ширмы. Рубашка на герцогѣ кружевная, съ блондами... Вѣсть о низверженіи Бирона мгновенно облетѣла весь Петербургъ и произвела общій, искренній восторгъ. Надъ герцогомъ былъ учрежденъ судъ особой коммисіи, члены которой единогласно приговорили его къ смертной казни, но Анна Леопольдовна замѣнила этотъ приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ. Вслѣдствіе чего Бironъ и былъ сосланъ съ семействомъ въ слободу Тобольской губерніи — Пелымъ. Изъ ссылки Бironъ былъ возвращенъ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ при воцареніи Петра III.

Одною изъ любимыхъ забавъ Анны Іоанновны были шуты. При дворѣ ея ихъ было шесть; двое—Балакиревъ и Янъ д'Акоста, португальскій еврей, были шутами и при Петрѣ Великомъ, имена остальныхъ Пьетро-Мира (называвшійся обыкновенно Педрилло), родомъ неаполитанецъ, Волконскій, Апраксинъ и Голицынъ. Надо замѣтить, что шуты при Аннѣ Іоанновнѣ вовсе не играли роли, которую предназначалъ имъ Петръ Великій. Петръ держалъ шутовъ, какъ одно изъ орудій насмѣшки, употреблявшейся имъ иногда противъ грубыхъ предразсудковъ и невѣжества, коренившихся въ тогдашнемъ обществѣ. Шуты Анны Іоанновны должны были только забавлять. Картина В. И. Якоби «Утро во дворцѣ Анны Іоанновны въ 1740 г.» даетъ намъ понятіе о родѣ этихъ забавъ. Картина эта въ три аршина длины и два высоты, включаетъ въ себѣ до 26-ти лицъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ фигуръ, всѣ остальные суть историческіе портреты. Анна Іоанновна пред-

ставлена лежащей въ постелѣ, въ обширной спальнѣ; она не домогаетъ. Въ покоѣ собранъ весь кругъ близкихъ придворныхъ лицъ. Подлѣ постели сидитъ въ небрежной позѣ Бирономъ. На ухо ему шепчетъ что-то начальникъ страшной тайной канцеляріи, генералъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ. Съ противоположной стороны постели жена Бирона подаетъ больной лекарство, тутъ-же сидитъ карлица, калмычка Буженинова. Посрединѣ комнаты шуты играютъ въ чехарду. Голицынъ стоитъ склонившись къ полу головой, черезъ него перепрыгнулъ и лежитъ на полу Апраксинъ; на Голицына вскочилъ Волконскій, а на спинѣ послѣдняго возвышается веселая фигура умнаго Балакирева. Шутъ Педрилло въ забавной позѣ, стоя у дверей, играетъ на скрипкѣ. Д'Акоста бичемъ, съ привязаннымъ къ нему пузыремъ, сидя на полу, подстегиваетъ всю группу играющихъ въ чехарду, а съ другой стороны стегаетъ ее бичемъ-же малолѣтній, но уже грубый, нравственно-испорченный сынъ Бирона... Государыню, однако, видимо уже не забавляютъ эти, столь обыденныя для нея потѣхи,—она едва улыбается; за то весело смѣется кружокъ придворной знати: красавица статсъ-дама Лопухина, герцогиня гессенъ-гамбургская и графъ Левенвольде, фаворитъ Лопухиной; они трое сидятъ въ ногахъ больной и играютъ въ карты, но игра прервана—они любуются на чехарду. Въ глубинѣ спальни находятся будущая правительница Анна Леопольдовна, французскій посолъ маркизъ де-Шетарди и хирургъ Лестокъ—они также слѣдятъ за шутами. Графъ Минихъ и князь Трубецкой, съ озабоченными лицами, ведутъ за постелью дѣловой разговоръ, а въ противоположномъ концѣ комнаты, близь станка съ попугаями, въ униженной позѣ, согбенно, стоитъ піита В. К. Третьяковскій: въ его рукахъ свитокъ—новая ода. На него никто не обращаетъ вниманія. Двѣ фигуры: черемисянка въ національномъ костюмѣ и негритенокъ, сидящія на полу, дополняютъ картину. Единственное лицо, протестующее противъ забавы—это входящій въ дверь кабинетъ-министръ Волынскій. Никѣмъ изъ присутствующихъ еще не замѣченный: онъ съ негодованіемъ смотритъ на шутовъ.

Картина Валерія Ивановича «ледяной домъ» представляетъ эпизодъ одной довольно грандіозной шутовской потѣхи того времени. Какъ-то порѣшено было женить шута Голицына на шутихѣ, немолодой и некрасивой калмычкѣ Бужениновой. Камергеръ Татищевъ подалъ идею построить на Невѣ домъ изо льда и обвѣнчать въ немъ молодыхъ «курьезнымъ» образомъ. Подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго была, составлена особая «маскарадная коммиссія», которой поручено было исполненіе предложенія Татищева. Домъ изъ ледяныхъ плитъ дѣйствительно былъ выстроенъ между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ и имѣлъ до 8 саженъ въ длину и 3 въ вышину. Стекла въ окнахъ, цвѣты на нихъ, мебель, каминъ, даже дрова въ каминѣ, обливаемыя нефтью, чтобы могли горѣть,—все изо льда. Передъ домомъ стояли двѣ ледяныя мортиры и шесть ледяныхъ пушекъ, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ находились два ледяные дельфина, выбрасывавшіе по вечерамъ изо рта, съ помощью насосовъ, горящую нефть. Не малою диковинкою былъ стоящій по правую сторону дома ледяной слонъ въ натуральную величину, о которомъ Крафтъ говоритъ, что онъ «внутри былъ пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на 24 фута пускалъ; ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ».—При «ледяномъ домѣ» была выстроена ледяная же баня; ее нѣсколько разъ топили и охотники могли въ ней париться. Къ свадьбѣ были доставлены представители разныхъ племенъ и народовъ, населявшихъ Россію, по два человѣка обоего пола, всего 300 человѣкъ. Изъ всѣхъ этихъ инородцевъ былъ устроенъ въ день бракосочетанія свадебный поѣздъ. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе на оленяхъ, третьи—на собакахъ, на волахъ, на козлахъ, на свиньяхъ и т. д. Шествіе открывали «молодые», ѣхавшіе въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ. Въ манежѣ герцога курляндскаго былъ устроенъ для поѣзжаныхъ обѣдъ.

Послѣ плясокъ инородцевъ, молодые были отвезены въ

ледяной домъ и тамъ оставлены на всю ночь. Чтобы, иззябнувъ, не ушли они до утра, къ дому былъ приставленъ караулъ. На другой же день утромъ отправился къ нимъ въ маскарадной процессіи весь дворъ для поздравленія... Моментъ поздравленія и взятъ г. Якоби для своей картины. Шуты и придворные, въ причудливыхъ костюмахъ наполняютъ «ледяную комнату». Заяцъ, верхомъ на палкѣ, держа въ поводу медвѣдя, предводительствуетъ процессіей. Отвратительный карликъ подходитъ къ ледяному алькову несчастныхъ, полузамерзшихъ молодыхъ, и съ жестокой ироніей предлагаетъ имъ вѣеръ.

Четвертая картина представляетъ «Волынскаго въ кабинетѣ министровъ», произносящаго запальчивую рѣчь противъ одного изъ рѣшеній своихъ сотоварищей, казавшагося ему несогласнымъ съ выгодами Россіи. Волынскій всталъ и, гордо откинувъ назадъ голову, говоритъ. Рѣчь несомнѣнно задѣваетъ Бирона, подслушивающаго за ширмами на первомъ планѣ. Онъ видимо старается не проронить ни одного слова... и думаетъ о мести. Канцлеръ графъ Остерманъ, страдающій припадками подагры, полулежитъ справа также на первомъ планѣ въ креслахъ на колесахъ. Личный и политическій врагъ Волынскаго, канцлеръ не спускаетъ съ глазъ. Рядомъ съ Волынскимъ съ одной стороны князь Н. Трубецкой, съ другой вице-канцлеръ графъ Головкинъ, они, равно какъ и сидящій за отдѣльнымъ столомъ слѣва секретарь Эйхлеръ, видимо поражены рѣчью и серьезностію момента. Только сидящій рядомъ съ Остерманомъ князь А. М. Черкасскій не раздѣляетъ общаго впечатлѣнія; онъ даже задремалъ подъ звуки пламеннаго протеста. Врагъ «нѣмцевъ» и въ частности Бирона, Артемій Петровичъ Волынскій сложилъ, какъ извѣстно, свою голову на плахѣ 27 іюня 1740 г.

Таковы четыре замѣчательныя картины В. И. Якоби съ сюжетами изъ русской исторіи, составившія ему европейское имя.